

УЧЁНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

№ 3 (66) 2022

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 3
(66)
2022

**Учредитель
и издатель:**
Российская академия
адвокатуры
и нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

**Заместитель главного
редактора**
Р.В. ШАГИЕВА

**Ответственный
секретарь**
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума
ВАК журнал включен
в Перечень рецензируемых
научных журналов
и изданий
для опубликования
основных результатов
диссертационных
исследований
на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(по праву).

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан
в 2000 г.

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного
наследия

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-35106.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель — Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, президент РААН, адвокат, вице-президент Гильдии российских адвокатов, член Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель — К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН;

Сопредседатель — Г.Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Сопредседатель — Ю. С. ПИЛИПЕНКО, председатель президиума РААН, президент Федеральной палаты адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА);

М. М. БАБАЕВ, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. В. БАРАБАНОВА, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник ВПО РФ;

А. А. ВЛАСОВ, проректор РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

С. И. ВОЛОДИНА, проректор РААН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, кандидат юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин РААН;

Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий сектора международного права кафедры фундаментальных дисциплин и международного права РААН, доктор политических наук, профессор;

В. В. ГРЕБЕННИКОВ, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН, член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, доктор юридических наук;

В. И. ЕЛИНСКИЙ, заведующий кафедрой государственного и административного права Института экономики и права «МИРЭА — Российский технологический университет», доктор юридических наук, профессор;

В. А. ЖАБСКИЙ, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

В. В. КУЛАКОВ, ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Подписной индекс
в каталоге
«Газеты. Журналы»
Агентства «Роспечать» –
36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полуярославский
пер., д.3/5, стр.1.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail:
nauka-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Корректор –
О.Б. Дровосекова
Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Фото – В.Н. Алтабаев

Перепечатка материалов
без согласования
с редакцией журнала
«Ученые труды Российской
академии адвокатуры
и нотариата» не
допускается.

За содержание публикаций
авторов редакция
ответственности не несет.

© Российская академия
адвокатуры и нотариата,
2022

Подписано в печать
31.08.2022.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 10.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Клубная, 4-49.

Ю. А. КРОХИНА, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. Ломоносова; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

О. С. КУЧИН, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕ, Почетный адвокат России;

А. Н. ЛЁВУШКИН, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. В. МОРОЗОВ, профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Н. Г. МУРАТОВА, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Республики Татарстан, доктор юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата и гражданско-правовых дисциплин РААН, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Ю.А. СВИРИН, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академик РАЕН, Почетный адвокат России;

А. Д. СЕЛЮКОВ, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

А. А. ФАТЪЯНОВ, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Р.В. ШАГИЕВА, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Ф. БЕЛО, член Парижской коллегии адвокатов, доктор юридических наук (Франция);

А. В. БЕЛОКОНОВ, представитель Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии российских адвокатов в Австрии, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции (Австрия);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор;

М. Ч. КОГАМОВ, директор Научно-исследовательского института уголовно-процессуальных исследований и противодействия коррупции Университета КАЗГЮУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник МВД Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан);

Я. О. КУЧИНА, ассистент профессора, докторант Университета Макао, кандидат юридических наук, доцент (САР, КНР);

И. МИЛИЧ, ассистент Юридического факультета Новосадского университета, доктор юридических наук (г. Нови Сад, Республика Сербия);

Н. РУЙЕ, профессор предпринимательского права Школы Бизнеса Лозанны (Швейцария), доктор юридических наук, партнер адвокатской конторы СвиссЛигал – SwissLegal Rouiller & Associes Avocats (г. Лозанна, Женева и Фрибург);

М. УЛЬМЕР, доктор истории и культурологии (г. Тюбинген, Германия);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш, приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Г.Б. МИРЗОЕВ. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального института задержания лица, подозреваемого в совершении преступления.	5
--	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А.П. АЛЬБОВ. Право и правовая культура как единство условного и безусловного	9
А.В.АХМАТОВ. Становление принципа законности и юридической профессии в России: историко-теоретический аспект	14
Г.Г.ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ. Аксиомы правосознания и их испытание на прочность геополитическими сдвигами 2020-х гг.	24
Г.И. ИВАНЕЦ. Степень влияния социальных, психологических и правовых аспектов на модель правового поведения личности	31
Р.В. ШАГИЕВА. Правовое государство и его современные критерии как главное основание юридической типологии (на примере России)	34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А.Д. СЕЛЮКОВ, Б.Г. БАДМАЕВ. Финансовая деятельность государства как основание формирования системы финансового права	45
Р.В. ШАГИЕВА, Н.Н. КОСАРЕНКО, Ю.М. САРАНЧУК, А.В. ФИЛИПОВА. Развитие финансово-правового регулирования в сфере операций с криптовалютой в Российской Федерации.	51

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В.Ф. ДЖАФАРЛИ, О.А. ЗОРИНА. Пути «цифровой» оптимизации полицейской деятельности при обеспечении криминологической кибербезопасности	60
В.Ф. ДЖАФАРЛИ. Терминологические основы уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности (часть3)	65
Д.В. МИРОШНИЧЕНКО. «Человек благоразумный» и экономика общественно опасного поведения	70

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

А.А. ВЛАСОВ, С.А. ПРОНИН. Новые механизмы по соблюдению хозяйствующими субъектами антимонопольного законодательства	77
Ю.А. КРОХИНА, В.А. СВЕЧНИКОВ. Гражданско-правовые способы распоряжения цифровыми правами: проблемы реализации и защиты	84
Н.П. СЕДОВА, С.С. МАКАРЕНКОВ. Новации гражданского права в области цифровых технологий	89

ПРАВО. ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Н. ГАЗИЗОВА, Н.В. НИКОНОВА, С.В. БАРАБАНОВА. Особенности образовательного процесса в современном университете: вызовы цифровизации.	93
А.В. ФИЛИПОВА, Н.Н. КОСАРЕНКО. Правовые основания аудита и плановых проверок в организациях высшего образования	99

Трибуна молодых ученых

М.Г. АСТАЕВА. Оценочные понятия в законодательстве о социальном обеспечении: обзор судебной практики	104
Д.А. ЛАВРЕНТЬЕВА. Анализ отдельных проблем деятельности государственного учреждения как некоммерческой организации	109
Н.В. ЛЕБЕДЕВ. Проблемные факторы банкротства предприятий РФ и вероятные способы их преодоления в современный период	113
М.В. ТАРАСОВА. Законодательное регулирование кредитования в экономической политике Российской империи в XVIII веке	117
А.К. ЯКУБЕНКО. Установление и реализация уголовной ответственности за экономические преступления в Российской Федерации	121

ЗА РУБЕЖОМ

Л.А. БУКАЛЕРОВА, М.Й. МУРКШТИС. Дискуссии о правах граждан США на владение оружием	128
А.М. ЗОКИНА. Транспортные преступления в законодательстве Литвы, Болгарии и Польши	134

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Актуальные проблемы жилищного права»	138
РЕЦЕНЗИЯ на учебное пособие «Правовое регулирование искусственного интеллекта»	140

ИНФОРМАЦИЯ

В свете событий.	142
Аннотация.	148

CONTENT

THE ACTUAL TOPIC

G.B. MIRZOEV. Proposals for improving the criminal procedure institution of detention of a person suspected of committing a crime	5
---	---

QUESTIONS OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

A.P. ALBOV. Law and legal culture as a unity of conditional and unconditional	9
A.V. AKHMATOV. The formation of the principle of legality and the legal profession in Russia: historical and theoretical aspect	14
G.G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA. The axioms of legal consciousness and their test of strength by the geopolitical shifts of the 2020s.	24
G.I. IVANETS. The degree of influence of social, psychological and legal aspects on the model of legal behavior of the individual	31
R.V. SHAGIEV. The Rule of law and its modern criteria as the main basis of legal typology (on the example of Russia).	34

PUBLIC LAW SCIENCES

A.D. SELYUKOV, B.G. BADMAEV. Financial activity of the state as the basis for the formation of the financial law system	45
R.V. SHAGIEVA, N.N. KOSARENKO, YU.M. SARANCHUK, A.V. FILIPPOVA. Development of Financial and Legal Regulation in the field of cryptocurrency transactions in the Russian Federation	51

PENAL LAW. LAS ENFORCEMENT ACTIVITY

V.F. JAFARLI, O.A. ZORINA. Ways of "digital" optimization of police activity while ensuring criminological cybersecurity.	60
V.F. JAFARLI. Terminological foundations of criminal law provision of criminological cybersecurity (part 3)	65
D.V. MIROSHNICHENKO. The "prudent man" and the economics of socially dangerous behavior	70

CIVIL LAW. CIVIL PRACTICE

A.A. VLASOV, S.A. PRONIN. New mechanisms for compliance by economic entities with antimonopoly legislation.	77
Yu.A. KROKHINA, V.A. SVECHNIKOV. Civil law ways of disposing of digital rights: problems of implementation and protection	84
N.P. SEDOVA, S.S. MAKARENKO. Innovations of civil law in the field of digital technologies.	89

LAW. EDUCATION

N.N. GAZIZOVA, N.V. NIKONOVA, S.V. BARABANOVA. Features of the educational process at a modern university: challenges of digitalization.	93
A.V. FILIPPOVA, N.N. KOSARENKO. Legal grounds for audit and scheduled inspections in higher education institutions	99

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

M.G. ASTAFIEVA. Evaluative concepts in the legislation on social security: a review of the judicial practice	104
D.A. LAVRENTIEV. Analysis of individual problems of the activity of a state institution as a non-profit organization	109
N.V. LEBEDEV. Problematic factors of bankruptcy of enterprises of the Russian Federation and possible ways to overcome them in the modern period	113
M.V. TARASOVA. Legislative regulation of lending in the economic policy of the Russian Empire in the XVIII century	117
A.K. YAKUBENKO. Establishment and implementation of criminal liability for economic crimes in the Russian Federation.	121

ABROAD

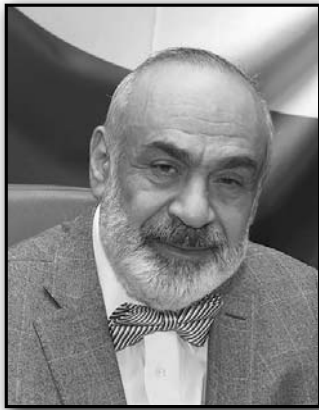
L.A. BUKALEROVA, M.J. MURKSHTIS. Discussions about the rights of US citizens to own weapons	128
A.M. ZOKINA. Transport crimes in the legislation of Lithuania, Bulgaria and Poland	134

BRIEFLY ABOUT BOOKS. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEW of the monograph "Actual problems of housing law".	138
REVIEW of the textbook "Legal regulation of artificial intelligence"	140

INFORMATION

In light of the events.	142
Annotation	148

Г.Б. МИРЗОЕВ

Предложения по совершенствованию уголовно-процессуального института задержания лица, подозреваемого в совершении преступления

АННОТАЦИЯ. В представленной статье дан анализ проблем, связанных с реализацией положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего такую меру принуждения, как задержание подозреваемого в совершении преступления. Неясными на сегодняшний день в доктрине и практике остаются такие вопросы, как фактическое задержание и сроки его исчисления, соотношение этого понятия с процессуальным и административным задержанием. На основе высказанных замечаний сделаны предложения по совершенствованию исследуемого института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступление, уголовное законодательство, уголовно-процессуальный институт, подозреваемый.

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник в сфере образования РФ, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: advocat@gra.ru).

Статья 91 УПК РФ регламентирует основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления. Эта мера принуждения в соответствии с частью 1 данной статьи назначается органом дознания, дознавателем или следователем при наличии одного из таких оснований, как: лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевшие или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления.

Положения ч. 2 ст. 91 УПК РФ содержат указание на иные основания для задержания подозреваемого. Под иными основаниями следует понимать любые сведения, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет посто-

янного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Полагаем, что отсутствие законодательно закрепленного перечня данных, обосновывающих подозрение, приводит к ошибкам и злоупотреблениям институтом задержания, используемого в качестве давления на подозреваемого.

Кроме того, каждое решение о задержании должно отвечать не только требованиям законности, но и быть мотивированным. Мотивирование задержания является важным элементом обеспечения права подозреваемого на неприкосновенность, соблюдения прав и свобод как граждани-

на и участника уголовного судопроизводства. Мотивом для задержания является вывод следователя (дознателя), основанный на материалах уголовного дела, о том, что подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Мотивы задержания следует отражать в протоколе, который должен быть составлен не позднее 3 часов после доставления лица к дознавателю или следователю. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания указываются: дата и время составления протокола, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого; результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. Вместе с тем само принятие решения о задержании не содержит указание на необходимость учитывать мотивы, что считаем законодательным пробелом.

Полагаем, было бы правильным предложить в качестве новеллы часть 3 ст. 91 УПК РФ, в которой указать следующее, что при принятии решения о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, при наличии оснований, предусмотренных в ч. ч. 1 и (или) 2 данной статьи, следует учитывать данные материалов уголовного дела, в соответствии с которыми имеются достаточные основания, чтобы полагать, что подозреваемый скроется от правосудия; продолжит заниматься преступной деятельностью; может угрожать участникам уголовного судопроизводства; уничтожит доказатель-

ства или иным образом будет воспрепятствовать производству по уголовному делу. Как справедливо пишет Л.И. Лавдаренко: «Указание на мотивы важно для задержанного. Он не объект задержания, а осознающий субъект, который должен иметь ясное представление о причинах, побудивших предпринять в отношении него столь жесткую меру процессуального принуждения»¹.

В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого — эта мера процессуального принуждения, применяемая дознавателем, органом дознания, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Момент фактического задержания связывают с физическим захватом и доставлением в правоохранительные органы для принятия процессуального решения о задержании (процессуального задержание). Проблема заключается в том, что срок в три часа зачастую не соблюдается, и на практике момент задержания в основном поэтому связывается с моментом доставления подозреваемого к следователю (дознателю).

Некоторые ученые высказывают сомнения, что фактическое задержание имеет уголовно-процессуальную природу, поскольку фактически оно реализуется только на основании ст. 91, 92 УПК РФ. Фактическое задержание (захват и доставление) обладает административной природой, предпроцессуальной, предполагает комплексный характер. С.Б. Россинский высказывает мысль, что положение п. 11 ч. 5 УПК РФ вовсе не означает, что захват лица является частью уголовно-процессуального задержания². Данная норма лишь имплементирует в сферу уголовно-про-

1. Лавдаренко Л.И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 12.

2. Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex russica. 2018. № 8. С. 70.

цессуального законодательства существующие позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, придавая фактическому задержанию значение некой точки отсчета допустимых сроков ограничения права на свободу и личную неприкосновенность³.

Однако, если фактическое задержание обладает административно-правовой природой, значит, оно подчиняется положениям КоАП РФ, регламентирующих задержание. Но в соответствии с КоАП РФ срок административного задержания начинает течь с момента доставления лица, а в УПК РФ — с момента его фактического задержания, т.е. с момента захвата подозреваемого и ограничения его передвижения. Стало быть, фактическое задержание не является сугубо уголовно-процессуальной категорией, но и не является административно-правовой, что в данной правовой неопределенности происходит то, что период между захватом лица и его доставлением к следователю (дознавателю) выпадает из сферы процессуального регулирования. Вместе с тем режим фактического задержания должен подчиняться единым законодательным положениям для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, и его личной неприкосновенности.

В научной литературе не раз отмечалось, что законодатель не уделяет должного внимания моменту фактического задержания подозреваемого, хотя и связывает с этим фактом правоотношения, характеризующие данную меру принуждения⁴. Считаем, что в Федеральном законе «О полиции» и ином законодательстве, регулирующем деятельность правоохранительных органов, нужно установить одинаковые сроки

задержания, а также правила их исчисления, а именно, срок задержания следует исчислять с момента фактического ограничения свободы передвижения подозреваемого, тем самым можно избежать нормативные расхождения и оптимизировать практику установления срока задержания.

Это является весьма важным, поскольку установление времени фактического задержания лица имеет существенное значение для соблюдения срока фактического задержания не более 48 часов (п. 11 ст. 5, ч. 3 ст. 128 УПК РФ); для соблюдения срока не более 24 часов, необходимого для производства допроса подозреваемого (ч. 2 ст. 46 УПК РФ); при установлении срока содержания под стражей, поскольку срок задержания входит в срок этой меры пресечения (п. 1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ); при предъявлении обвинения подозреваемому, в отношении которого судом ранее была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1 ст. 100 УПК РФ) и в ряде других положений уголовно-процессуального закона.

Кроме этого, следует иметь в виду, что фактическое задержание осуществляется для установления в последующем оснований для процессуального задержания. Отсутствие таковых должно влечь незамедлительное прекращение незаконного ограничения прав человека. Поэтому, представляется, что необходимо принимать во внимание целый ряд обстоятельств, совокупность которых дает возможность оценить законность и обоснованность задержания по ч. 2 ст. 91 УПК РФ. Ими могут являться формальный и фактический критерий. Первый — это рапорт сотрудника, осуществляющего фактическое задержание, в котором должны быть изложены

³. Указ. соч. С. 71.

⁴. Вилкова Т.Ю., Россинский С.Б. Правовые основы задержания подозреваемого в совершении преступления: от международного права к национальному законодательству // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 129.

его основания и фактические обстоятельства. Критерий факта связан с наличием достаточных объективных данных, свидетельствующих о причастности лица к совершению преступления. При этом, как

верно отмечает, наличие ориентировки по конкретному уголовному делу на лицо, совершившее преступление, необходимо рассматривать как обязательное условие задержания⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вилкова Т.Ю., Россинский С.Б. Правовые основы задержания подозреваемого в совершении преступления: от международного права к национальному законодательству // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 124-130.
2. Грибунов О.П., Степанова В.Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 13-18.
3. Лавдаренко Л.И. Определение целей и мотивов уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2015. № 12. С. 11-15.
4. Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex russica. 2018. № 8. С. 68-80.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vilkova T.Ju., Rossinskij S.B. Pravovye osnovy zaderzhanija podozrevaemogo v sovershenii prestuplenija: ot mezhdunarodnogo prava k nacional'nomu zakonodatel'stvu // Sudebnaja vlast' i ugovolnyj process. 2016. № 2. S. 124-130.
2. Gribunov O.P., Stepanova V.G. Obosnovannost' podozrenija kak garantija zakonnosti ogranichenija prav i svobod grazhdan pri primenenii mer prinuzhdenija v ugovolnom sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 5. S. 13-18.
3. Lavdarenko L.I. Opredelenie celej i motivov ugovolno-processual'nogo zaderzhanija // Rossijskij sledovatel'. 2015. № 12. S. 11-15.
4. Rossinskij S.B. Razmyshlenija o pravovoj prirode fakticheskogo zaderzhanija i dostavlenija podozrevaemogo // Lex russica. 2018. № 8. S. 68-80.

⁵. Грибунов О.П., Степанова В.Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 17.

А.П. АЛЬБОВ

Право и правовая культура как единство условного и безусловного

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию проблем условного и безусловного в праве и национальной правовой культуре, в ходе исследования анализирована диалектика условного и безусловного в праве, проанализированы основания правовой культуры, предложена трактовка понятия правовой культуры в парадигме рассматриваемой проблемы. В контексте условности правовой культуры рассмотрены ее элементы как способы ее бытия. Приведены результаты исследования, подтверждающие связь условности и безусловности права и правовой культуры, обеспечивающую безусловную перспективу активности личности в формировании системы права. Показано, что парные категории диалектики выражают важнейшие атрибуты права, приближая исследователя к понимаю сущности права как важнейшего элемента национальной правовой системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: условное и безусловное в праве, правовая культура, система права, категорический императив.

АЛЬБОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета; профессор Российской таможенной академии (РТА) (e-mail: aap62@yandex.ru).

Актуальность настоящего исследования посвящена проблеме условного и безусловного в праве, и обусловлена в первую очередь тем, что в настоящее время идет активный процесс трансформации научных парадигм, связанный с усложнением самой национальной правовой системы, что предполагает необходимость возврата к истокам онтологического и гносеологического единства диалектики в философии и теории права; в противном случае отказ от фундаментальных оснований исследования приведет к схоластической экзегезе. Любое научное знание и философия права, в частности, есть не что иное, как совокупная форма общественного сознания, целью которой является выработка систематизированного взгляда на мир, выяснение места и роли человека в формировании и изменении его наличного бытия; следовательно, философия права выполняет не только методологическую и гносеологические функции, но также важную аксиологическую и мировоззренческую функцию, которые не берут на себя отдельные отраслевые науки.

Действительно, сущность и форма права были и остаются объектом познания «многих дискурсивных практик», но только диалектика, сформулированная в недрах философии, способна сформулировать истинное знание о праве, его сущности и форме реализации. «Философия появилась намного раньше других наук и длительное время оставалась единственной формой рационального познания. Наука как систематическая организованная деятельность, направленная на воспроизводство объективных и пригодных на практике знаний, возникает лишь в XVII в.

В этом смысле философия права имеет более древнее происхождение, опирается на авторитет таких мыслителей, как Конфуций, Платон, Фома Аквинский, Гегель, и выступает в качестве методологической базы общей теории права».¹

Необходимость осмысления идеи безусловного понимали еще древние, полагая, что, если есть «конечное», то с необходимостью есть и «бесконечное», если дано «условное», то должно быть и «безусловное». Если идея безусловного необходи-

1. Кожевников В.В. О статусе философии права. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 65-71.

ма, то нет нужды и возможности доказывать бытие безусловного.²

Исследовав отношение условного и безусловного, можно определить не только внутреннюю основу права, но и источник, который задает качественные и количественные характеристики, связь элементов в структуре права, а также направления внутренних процессов. При этом научное исследование этих проблем через философские категории диалектики позволит избежать политизации права. Первым основанием для этого служит общее предположение, по которому всякая истина должна и может быть обоснована единственно только в присущих самому познанию понятиях и идеях, как утверждал немецкий философ П. Наторп.³

Безусловное и условное в праве с необходимостью признается данностью, но больше внимание обращается в первую очередь на то, в чем состоит эта необходимость. Так, с точки зрения одних ученых, эта необходимость обусловлена психологическими факторами (З. Фрейд, Л.И. Петражицкий, К.Г. Юнг), других – социологическими (М. Вэбер, Э. Дюргейм, М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов); иные полагают, что это необходимость практическая (К. Каутский, Э. Дюргейм, Л. Гумплович) и т.д.

Очевидно, что идея парных категорий в праве не может быть детерминирована одним каким-то онтологическим началом и иметь одно практико-ориентированное значение. Необходимость идеи безусловного и условного может быть оформлена только логически (объективно), так как в этом случае она включает в себя необходимое, а психологические, социологические, практические и иные основания безусловного будут иметь лишь опосредованное значение.

Еще И. Кант в своих трактатах не раз утверждал, что эмпирическое не может быть основанием достоверности понятия, так как такой опыт сам

ограничен лишь явлениями; опыт может служить достоверным источником лишь поскольку в него входят необходимые формы мышления: «так как опыт как эмпирический синтез есть по своей возможности единственный вид знания, сообщающий реальность всякому другому синтезу, то, следовательно, этот другой синтез как априорное знание обладает истинностью (согласием с объектом) лишь благодаря тому, что он содержит в себе только то, что необходимо для синтетического единства опыта вообще».⁴

Хайдеггер также отмечал, что возможное бытие объекта состоит в такой установленности чего-либо, когда последнее «согласуется» с тем, что дано в чистых формах созерцания, т. е. в пространстве и времени в качестве такой данности подлежа определению через чистые формы мышления, т. е. категории. Действительное бытие объекта есть установленность некоторой возможности таким образом, что установленное «связано» с чувственным восприятием.⁵

Так как, по Канту, бытие есть то, что полагается мышлением, следовательно, логическая необходимость существования безусловного в праве непосредственно является основанием признания реальности самой идеи безусловного. Следовательно, безусловное в праве противоположно условному; условность есть зависимость от чего-либо или от кого-либо; поэтому безусловное должно мыслиться как независимое, свободное.

Свобода (тезис) трактуется как антитезис детерминизму в том случае, если она предполагает возможность самостоятельного выбора, и выбор определяется позитивно, если соответствует необходимым действующим требованиям. Человек может считаться свободными до тех пор, пока он может оказывать влияние на будущее, управляя своим поведением.

Безусловное – свободно, так как имеет характер

2. См.: Линицкий П.И. Сочинения: в 5 т. Т. 1: Основные вопросы философии. Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту / ред. А.Г. Волков. Мелитополь: Изд. дом МГТ, 2012.

3. См.: Наторп П. Идея безусловного в теоретическом и практическом значении // Идеализм критики познания как предположение этического идеализма. Избранные работы. М., 2006. С. 26.

4. И. Кант. Критика чистого разума. Перевод Н. Лосского (Классическая философская мысль). М.: Мысль, 1994. С. 261.

5. Хайдеггер М. «Время и бытие» (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. С. 23.

самоопределения, свобода без самоограничения и самоконтроля немислима. По И. Канту, человек поступает по необходимости, то есть безусловно, так как подчинен закономерности, царящей в мире явлений. При этом нравственный закон Кант понимал как безусловное предписание, или, по его терминологии, как категорический императив: «следует поступать так, чтобы максима твоей воли в любой момент времени могла стать принципом всеобщего законодательства».⁶

Категорический императив есть золотое правило этики: поступай (безусловно) так, как бы ты хотел, чтобы поступали другие (условно). Существует одно из убеждений, что безусловному в праве должна быть подчинена личность, так, Вл. Соловьев утверждал, что в самом существе безусловного заключается признание относительного элемента в нравственной области, так как требование совершенства может обращаться только к несовершенному.⁷

Как мы видим, такая трактовка отношения условного и безусловного исходит из признания их бытия раздельным; причем условное ограничением безусловным, следовательно, здесь безусловное в праве может пониматься как некая неограниченность или, что еще хуже произвол, и таким образом этот произвол в праве приобретает явно отрицательный характер, и становится выражением безусловности.

Само по себе разделение безусловного и условного в праве не предполагает их независимость, и с точки зрения диалектического метода философии права безусловное и условное находятся во внутренней взаимосвязи, так что безусловное детерминировано условным, и наоборот, таким образом. что при определенных обстоятельствах условное и безусловное представляют собой единство противоположных моментов, как права и обя-

занности, преступление и наказание, необходимое и случайное.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что «безусловное есть единство условного и безусловного. Отрицание условного, дает безусловное, но такое безусловное не является более безусловным, поскольку ему не достает условного. Этот переход в противоположное полагает необходимость последнего. Следовательно, условное и безусловное с необходимостью требуют друг друга в их единстве. Эти категории посредством друг друга утверждают сами себя, т.е. являются категориями логического».⁸

«Безусловное может отрицаться только безусловно, если оно вообще может отрицаться, а потому всякое условное эмпирическое отрицание абсолютного — не имеет силы».⁹

Действительно, если в ограничении личности полагается условие существования социума, как утверждал Фихте, «Я» есть настолько, насколько ограничивается через «не-Я», то безусловная воля человека «становится действием так, что действие присоединяется к воле, что оно есть ее следствие: Высшая, чистая Воля — источник всего существующего и моей воли также. Именно поэтому, когда я считаю себя совершенно самостоятельным, признание общей воли не означает утверждение какой-то чуждой силы — она есть моя высшая основа, частью которой я являюсь».¹⁰ Таким образом можно сделать вывод, что безусловное в праве — это и нравственный закон и одновременно совесть».

Действительно, нам всем присуще чувство самосохранения, однако другой закон, нравственный, требует от нас самопожертвования, отрицая закон естественный, таким образом, условное ограничение личности не противоречит безусловному в праве тогда, только тогда, когда сама личность

6. Кант И. Критика практического разума // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000498/> (дата обращения: 02.08.2022).

7. Соловьев Вл. Оправдание добра // URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_opravdanie_dobra/chapter17/ (дата обращения: 02.08.2022).

8. Церетели С.Б. Диалектическая логика. Тбилиси. 1971. С. 40.

9. Трубецкой С.Н. Метафизика Древней Греции. Собр. соч. Т.3. М.: тип. Г. Лиссиера и Д. Совко., 1910. С. 4.

10. Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 199.

полагает самоограничение, и, если возможно наличие безусловной свободы, то необходимо предположить и возможность существования безусловной личности.¹¹

Одни ученые (Ж.Боден, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Т. Пейн) превращают идею безусловного в праве в рациональное понятие, лишая его практико-ориентированного значения, другие (К. Кастанеда, М. Холл, Г.И. Гурджиев), напротив, исключают все рациональное, доказывая, что безусловное непознаваемо.

Проблема безусловного в праве также важна и для современного правопонимания, что, в сущности, к ней сводятся все другие основные вопросы: о сущности и принципах права, форме и содержании права, законотворчестве и правоприменении.

Решая вопрос о сущности права, необходимо определить наиболее существенное в отношении к бытию личности, общества и государства, а в идее безусловного — наиболее важное из всего существующего; здесь четко прослеживаются взаимосвязанные компоненты, понятийные формы безусловного и условного в праве: абстрактно-формальной всеобщности нормы и меры равенства, свободы и справедливости, «это триединство сущностных свойств права (три компонента принципа формального равенства) можно охарактеризовать как три модуса единой субстанции, три взаимосвязанных значения одного смысла: одно без другого (одно свойство без других свойств) невозможно. Присущая праву всеобщая равная мера — это именно равная мера свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства (общей равной меры)».¹²

Интегрированность человека в виртуальный мир современных технологий, обретение доселе не известных возможностей в различных областях науки и техники создают определенные риски, что позволяет говорить о том, что проблемы условного

и безусловного в праве приобретают все большую актуальность и научно-практическое значение.

Система права и ее отдельные элементы сопряжены с условностью, тогда как сама национальная правовая культура, порождающая право, — безусловна; право выступает как условный фактор безусловного существования социума. Также можно отметить, что национальная правовая культура условна по отношению к природе, но безусловна по отношению к себе самой.

Правовая культура безусловна для ее носителей и вместе с тем условна для тех, кто не вовлечен в нее, кто принадлежит к другой религиозной, правовой, национальной культуре.

Национальная правовая культура для каждого государства остается безусловной и включает в себя обычаи, традиции, религиозные, этические нормы и духовные ценности. Независимо от того, какой концепции правопонимания отдавать предпочтение, очевидно, что все они так или иначе транслируют некую условность отдельной национальной правовой культуры, и безусловность для тех, кто вовлечен в нее. То же самое справедливо и в отношении правовой системы: для субъектов правоотношений ее элементы — безусловны, так как в противном случае сама правовая система была бы бесполезна.

Из сказанного становится понятным, что «российская правовая система своими корнями уходит в глубокие пласты национальной культуры и государственности. К ее глубинным началам, имеющим теоретико-методологическое значение для типологизации отечественной правовой системы, можно отнести: безусловную самобытность русской государственности, не поддающаяся изменению даже после длительных и массивных условных включений иностранных управленческих и конституционных форм».¹³

В то же время национальная правовая культу-

¹¹ См.: Линицкий П.И. Сочинения: в 5 т. Т. 1: Основные вопросы философии. Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту / ред. А.Г. Волков. Мелитополь: Изд. дом МГТ, 2012.

¹² Нерсесянц В.С. Право, как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 4.

¹³ Альбов А.П., Беспалько В.Г. Общее и особенное российской правовой системы. // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 1 (64). С. 18.

ра не представляет собой раз и навсегда данную систему регуляторов, она представляет собой систему норм, принципов, ценностей, традиций, способов реализации права, она постоянно меняется в процессе того, как проходит процесс социализации человека, и поэтому не может быть чем-то безусловно ригидным. Следовательно, правовая культура — феномен прежде всего условный и связан с пространством и временем, тогда как закономерная связь пространственно-времен-

ных координат срезов культуры с функциональной точки зрения — безусловна. Их условность будет очевидна только для последующих формаций. Таким образом, сущность права безусловна, поскольку является надбиологической программой поведения человека, выступающей условием организации социальной жизни. Истоки права находятся в безусловной способности человека создавать свой мир и необходимостью управлять им как единым целым.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Альбов А.П., Беспалько В.Г. Общее и особенное российской правовой системы. // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 1 (64). С.15-19.
2. И. Кант. Критика чистого разума / перевод с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Кант И. Критика практического разума / перевод с нем. Н.М. Соколова. М.: Изд-во «Э», 2017. 224 с. // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000498/> (дата обращения: 02.08.2022).
4. Кожевников В.В. О статусе философии права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 65-71.
5. Линицкий П.И. Сочинения: в 5 т. Т. 1: Основные вопросы философии. Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту / ред. А.Г. Волков. Мелитополь: Изд. дом МГТ, 2012. 455 с.
6. Наторп П. Идея безусловного в теоретическом и практическом значении // Идеализм критики познания как предположение этического идеализма. Избранные работы. М., 2006. 45 с.
7. Нерсесянц В.С. Право, как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10.С. 3-15.
8. Соловьев Вл. Оправдание добра // URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_opravdanie_dobra/chapter17/ (дата обращения: 02.08.2022).
9. Трубецкой С.Н. Метафизика Древней Греции // Собр. соч. Т.3. Москва, тип. Г. Лиссиера и Д. Совко., 1910. 475 с.
10. Фихте И.Г. Назначение человека // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 65-255.
11. Хайдеггер М., «Время и бытие» (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. 447 с.
12. Церетели С.Б. Диалектическая логика. Тбилиси. 1971. 468 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Al'bov A.P., Bepaл'ko V.G. Obshhee i osobennoe rossijskoj pravovoj sistemy. // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2022. №1 (64). S.15-19.
2. I. Kant Kritika chistogo razuma / perevod s nem. N. Losskogo. M.: Mysl', 1994. 591 s.
3. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma / perevod s nem. N.M. Sokolova. M.: Izd-vo «Je», 2017. 224 s. // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000498/> (data obrashhenija: 02.08.2022).
4. Kozhevnikov V.V. O statuse filosofii prava // Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Pravo». 2013. № 4 (37). S. 65-71.
5. Linickij P.I. Sochinenija: v 5 t. T. 1: Osnovnye voprosy filosofii. Ob umozrenii i otnoshenii umozritel'nogo poznanija k opytu / red. A.G. Volkov. – Melitopol': Izd. dom MGT, 2012. 455 s.
6. Natorp P. Ideja bezuslovnogo v teoreticheskom i prakticheskom znachenii // Idealizm kritiki poznanija kak predpolozhenie jeticheskogo idealizma. Izbrannye raboty. M., 2006. 45 s.
7. Nersesjanc V.S. Pravo, kak neobhodimaja forma ravenstva, svobody i spravedlivosti // Sociologicheskie issledovanija. 2001. № 10.S. 3-15.
8. Solov'ev V.I. Opravdanie dobra // URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/solovev/solovyev_opravdanie_dobra/chapter17/ (data obrashhenija: 02.08.2022).
9. Trubeckoj S.N. Metafizika Drevnej Grecii // Sobr. Soch. T.3. Moskva, tip. G. Lissiera i D. Sovko., 1910. 475 s.
10. Fihte I.G. Naznachenie cheloveka // Fihte I.G. Soch.: v 2 t. T. 2. SPb., 1993. S. 65-255.
11. Hajdegger M., «Vremja i bytie» (stat'i i vystuplenija). M.: Respublika, 1993. 447 s.
12. Cereteli S.B. Dialekticheskaja logika. Tbilisi. 1971. 468 s.

А.В. АХМАТОВ

Становление принципа законности и юридической профессии в России: историко-теоретический аспект

АННОТАЦИЯ. Автором на базе широкого исторического материала исследуются вопросы эволюции принципа законности во взаимосвязи с юридическим образованием в России.

В работе отмечается, что парадоксом развития права и принципа законности в России является исторический факт, согласно которому возникновение эпохальных нормативно-правовых актов (Русской Правды, Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г. и др.), деятельность первых юристов в России (стряпчих, дьяков и подьячих) предшествовало возникновению профессионального юридического образования, которое фактически началось только в 1755 г. в связи с созданием Императорского Московского университета, а окончательное формирование юридической профессии относится ко второй половине XIX века.

Автор считает, что эпоха феодальной раздробленности на Руси (XII-XVI веков) оказала фундаментальное воздействие на правосознание русских людей, живших в ту эпоху. Этот и другие факторы привели к «разорванности» между принципом законности, закрепленного в различных нормативных актах, принимаемых высшими должностными лицами (монархами) государства российского, а с другой стороны – жизнью простых крестьян, составлявших большинство населения России, для которых регулирование отношений правовыми средствами и соблюдение законности носило вторичный характер по отношению к обычаям и религиозным нормам.

В работе отмечается, что представители русской школы философии и теории права, окончательно сложившейся во второй половине XIX в., не только смогли «догнать» своих западных коллег, опережавших их на пятьсот лет, но и «перегнать» их в своих научных разработках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, законность, юридическая профессия, юридическое образование, история государства и права.

АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: Ahmatov@bk.ru).

Развитие современной России характеризуется высокой степенью востребованности юридической профессии в ее социальной сфере. Этому способствует огромное количество факторов: возрастающая динамика развития рыночной экономики (включая страховой и банковский сектора, рынок ценных бумаг), требующих постоянного юридического сопровождения, широкое обсуждение громких судебных процессов с известными медийными личностями и их адвокатами¹, освещение расследования громких уголовных дел в СМИ² и заседаний палат Федерального собрания Российской Федерации и пр.

Однако на таком общем информационном фоне пропаганды профессии юриста в России, на задний план уходят историко-философские вопросы о сущности профессии юриста, напрямую связанной с категорией законности, а также проблемы анализа уникальных условий возникновения и развития юридического образования в России, которыми, к сожалению, задается только очень узкий круг специалистов.

В настоящее время представляется злободневной проблема роли и значения института законности в контексте эволюции юридической профессии и юридического образования в России в связи

1. См., например: Малаховский А. Песни, квартиры, кредиты: из-за чего судятся российские звезды // URL: <https://pravo.ru/story/234657/>.

2. См., например: Экс-прокурор Ольга Швецова получила 12 лет за заказ убийства московского следователя // URL: <https://pravo.ru/news/239032/>.

с необходимостью осознания ее правовой культурной идентичности. Это обусловлено, с одной стороны, преобразованиями современной правовой системы России как ответными действиями на введение против нее многочисленных санкций в сфере международных отношений, а с другой — объективной динамикой правовых явлений, усложнением правоотношений, увеличением объема нормативно-правовых массивов, сложностью преодоления юридических коллизий в условиях глобальной нестабильности³.

Если в контексте отечественной теории права под законностью понимать правовой принцип, связанный с необходимостью строгого соблюдения и исполнения норм права государства, способ реализации норм права⁴, то с этой точки зрения представляется возможным говорить о том, что исторически динамика превалирования регулирования общественных отношений правовыми средствами и социокультурной роли юридической профессии в России существенно отличаются от значимости института юристов и юридической профессии на Западе и Востоке.

Так, если в Западной Европе уже в конце XI века в Италии открывается считающийся старейшим университетом в мире Болонский университет со своими уникальными традициями системы высшего образования,⁵ на базе которого активно начинает процветать европейская юридическая школа⁶ в условиях приспособления возрожденного римского права к условиям феодального западного общества, то в России в это время в сфере системы правового регулирования и юридического образования была совсем другая ситуация.

Учитывая колоссальный объем историко-правового материала в рамках настоящей работы не ставится исследовательская задача охарактеризовать весь непростой путь развития принципа законности и проанализировать все достижения отечественного юридического образования. Поэтому в рамках данного исследования будут освещены только узловые моменты развития принципа законности и юридического образования в России.

Общеизвестно, что период отечественной истории IX-XI века н.э. традиционно рассматриваются исследователями как эпоха «Древнерусского государства». При этом основы государственности России были заложены только в IX веке. Историк М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в то время племена славян хотели «поискати себе князя, который бы владел нами и судил по праву»⁷. Согласно рукописи «Повесть временных лет», ильменские славяне в 862 году призвали на правление в Новгород варяжского князя Рюрика (родоначальника русской княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей) с его братьями Синеусом, Трувором и дружиной. Это повлекло за собой возникновение впоследствии т.н. «норманской теории» и многочисленных споров вокруг нее среди историков⁸.

Как отмечает отечественный историк А.А. Горский, согласно «Повести временных лет» на базе восточнославянских общностей в IX-X вв. формируется государственное образование — Киевская Русь. Одновременно в документах того времени такое государство именовалось Русь или Русская земля⁹.

Анализируя Русскую правду Ярослава Мудрого

3. См., например: Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 5-18.
4. См. подробнее: Ахматов А.В. Методологические вопросы исследования законности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 34-35.
5. Например, ассоциации студентов (*universitas scholarium*) этого университета сами выбирали руководителей, которым подчинялись профессора и др.
6. См.: Покровский И.А. Болонский университет и глоссаторы // История римского права. М.: Статут, 2004. С. 493-514 и др.
7. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Русская правда. Киев: Императ. ун-т Св. Владимира, 1911. С. 17.
8. См.: Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. / отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Восточная литература РАН, 2000 и др.
9. См.: Горский А.А. «Древнерусское государство» IX-XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 13.

(XI в., сохраняла свое значение до XV– XVI веков) как базовый нормативный правовой акт того времени в контексте принципа законности, можно отметить, что, несмотря на относительно недавнее зарождение российской государственности, в рассматриваемый момент истории России этот нормативный акт был эффективным инструментом обеспечения законности Древнерусского феодального государства. Русская Правда содержала нормы уголовного, наследственного, обязательственного, семейного права¹⁰, что свидетельствует о развитости юридической техники отечественного законодателя того времени без отсылок к юридическим формулам римского права. Русская Правда устанавливала разную юридическую ответственность по принципу классово-принадлежности (за убийство «княжих людей» – штраф – 80 гривен, а за простого смерда – 5 и т.п.).¹¹ Исполнение закона в Древнерусском государстве напрямую было связано с судом, с которым в Древнерусском государстве и ассоциировались право и юридическая профессия. Это вполне объяснимо, т.к. суд был единственным правоохранительным органом государства того времени в России.

Справедливой представляется позиция профессора С.В. Кодан, согласно которой то время является генезисом восприятия законности в отечественном общественном сознании, олицетворявшийся с Русской Правдой, которая была также связана с законностью в правосудии в контексте «руководства для суда». Позднее такой же характер носило создание Новгородской и Псковской Судных грамот¹².

Уместно подчеркнуть, что лидером в XI– XIII вв. коммерческой жизни Древней Руси был Великий Новгород, являвшийся боярской республикой во

главе с князем¹³. Первым торговым судом в России был суд купечества в Великом Новгороде. Князь Мстиславович основал в Великом Новгороде храм Иоанна Предтечи на Опоках, где было создано купеческое общество, а с 1135 г. князь предоставил этому обществу полномочия суда по торговым делам¹⁴, который разбирал экономические тяжбы как между новгородскими купцами, так и между новгородцами и иностранными гостями. Как представляется, суд по торговым делам Великого Новгорода является предтечей современной системы судов арбитражной юстиции.

Развитие отечественного законодательства простимулировало и развитие представлений о принципе законности. Так, систематизация законодательства отражала внимание государственной власти к роли правовых норм и законности в государственно-политическом развитии России. В этом отношении очень важным было принятие Судебника 1497 г. царя Ивана III, что способствовало укреплению Русского государства. Так, существенные изменения в социально-экономическом развитии Руси того времени вызвали расширение барщинного хозяйства, а принятый судебник вводил усиленные юридические санкции за нарушение земельного правопорядка. Этот правовой памятник отражал политику государственной централизации власти суда, способствовал законодательной борьбе с произволом землевладельцев, подрывавшим новую систему государственного управления¹⁵. Развитием данной тенденции стал и Судебник 1550 г. царя Ивана IV Грозного, который упразднил все судебные привилегии удельных князей, усилил значение центральных судов в развитие концепции Судебника 1497 года, что отразило тенденцию к формированию принципа

¹⁰ См.: Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. Лит., 1988 и др.

¹¹ Мулукаев Р.С. Исторический аспект законности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 96.

¹² Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 437.

¹³ Марков С.М. Судебное право вечевой Новгородской республики XI–XIII вв.: история медиации в Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 148.

¹⁴ См.: Никифоров С.В. Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 9. С. 74.

¹⁵ См.: Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV– XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. С. 341–416.

единой законности в пределах всего объединяемого государства¹⁶.

После завершения феодальной раздробленности и объединения русских земель в XVII в. и создания централизованного Московского государства принцип законности как средство государственного управления вышел на новый виток своего развития. Однако превалирование регулирования общественных отношений только «судебниками» усложняло работу системы социально-политического управления. Так, историк государства и права Д.Я. Самоквасов писал: «Вывести Русь эпохи смутного нестроения к законному и прочному порядку государственной жизни можно было только посредством издания общеизвестного, общепризнанного и общеобязательного законодательства, перевоспитания исполнителей закона, в направлении преданности интересам царя и отечества, и повсеместного царского контроля государственной службы».¹⁷

С этой точки зрения особо важное историческое значение имело принятие Земским собором Соборного Уложения 1649 года Алексея Михайловича, второго царя из династии Романовых (пришедших к власти в 1613 г. после окончания Смутного времени), которое оставалось действующим и «рабочим» нормативным правовым актом до начала XIX века. Принятие этого правового акта имело серьезные социально-политические предпосылки. Например, на Земском соборе в 1648 г. было подано челобитие о составлении комплексного законодательного акта взамен действующих, чтобы на этой основе обеспечить законность в деятельности государства

и его подданных¹⁸. Статья 1 Соборного уложения 1649 года прямо определяла требование принципа законности «судом судити и расправа делами по государеву указу»¹⁹.

Таким образом, к концу XVII века в российском законодательстве окончательно оформился принцип законности как требование исполнять и соблюдать закон в деятельности государственных органов простых людей.

Важно отметить, что в рассматриваемый период времени в России, в отличие от Западной Европы (где развивались школы глоссаторов, постглоссаторов и Орлеанской школы на базе юридических факультетов, а в Англии сформировались уникальные категории английских представителей юридической профессии (солисоторы (solicitor) и барристеры (barrister), не было ни профессиональных юристов, ни известных высших учебных заведений, которые готовили юридические кадры. Обеспечением правосудия и юридической деятельности царей занимались в основном т.н. стряпчие – придворный чин, следующий ниже за стольником. Стряпчие оказывали многообразные личные услуги и государю, и боярам, в т.ч. в сфере правовых документов. Отсюда и пошло выражение «состряпать дело». Кроме стряпчих, как справедливо отмечал профессор Г.Ф. Шершеневич, в правовых актах разбирались и работали с правовыми документами «законоведы в лице дьяков и подьячих»,²⁰ которые осуществляли делопроизводственную работу в различных государственных учреждениях и составляли отдельную группу служилого неподданного населения.²¹

¹⁶ Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 437.

¹⁷ Самоквасов Д.Я. Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII в. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 22.

¹⁸ Цит. по: Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 438.

¹⁹ Там же. См. также: Российское законодательство X–XX веков: акты Земских соборов: в 9 т. Т. 3 / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. С. 77.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1899. Кн. 2. С. 55-80.

Следующим этапом становления принципа законности является эпоха правления Петра I – время фундаментальных реформ государственного управления и сложившегося уклада российской жизни. Представляется обоснованной позиция профессора С.В. Кодан, согласно которой реформы Петра I были обусловлены осознанием высокой роли законности в государственном управлении и политике²². Закон стал важной связью между руководством государства и его подданными в связи с усложнением системы государственного управления, увеличением территории и численности населения.

Петр I прямо установил законность в качестве главного принципа деятельности государственного аппарата: «Того ради сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не держал иным образом дела вершить и располагать не против регламентов»²³. Презумпцию знания закона и безусловность требования его соблюдения поданными Петр I подчеркнул в именном указе «О наказании за преступление против опубликованных указов» от 9 февраля 1720 г.,²⁴ объявленного со временем всему населению огромной страны.

Ограниченные рамки настоящей работы не предполагают освещение всех новелл в юридической сфере, связанных с развитием принципа законности в эпоху глобальных реформ Петра I. Поэтому представляется необходимым отметить, что в рамках рассматриваемой проблемы историческая заслуга Петра I состоит также в создании в 1722 г. для пресечения нарушений закона со стороны чиновников, взяточничества, казнокрадства, а также контроля деятельности государственного

аппарата «ока государя» – системы органов прокуратуры («стряпчие о делах государственных»)²⁵, которое также стало фактически «оком законности».

Таким образом, благодаря Петру I в России впервые появилась строгая вертикаль контроля государственного аппарата, а прокурорский надзор за законностью стал важным фактором всей внутригосударственной политической жизни.

Петр I, следуя примеру европейских государств и после многочисленных бесед с европейскими учеными, создал в 1724 г. Императорскую Академию наук с университетом и гимназией при ней. Однако подготовка необходимого количества юристов, адаптированных к российской правовой действительности того времени, на базе Академии наук и его университета не осуществлялось в связи с отсутствием отечественной научной и педагогической школы в сфере права. Как отмечает профессор В.А. Томсинов, в России первой четверти XVIII в. система подготовки в области юриспруденции отсутствовала как таковая. Именно поэтому образовательный ценз не являлся обязательным при комплектовании кадров органов юстиции²⁶.

Исторической заслугой и вкладом императрицы Елизаветы Петровны в развитие принципа законности и юридического образования России является учреждение ею в 1755 г. Императорского Московского университета (после 1940 г. – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), являющегося старейшим классическим из университетов Российской империи.²⁷ Одним из первых созданных факультетов в университете был и юридический. Научная школа

21. См.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М.: Квадрига; МБА, 2011 и др.

22. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 439.

23. Там же. С. 440.

24. Там же. С. 441.

25. См.: Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. Москва; Ленинград, 1945. Т. 1.

26. См.: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010.

Императорского Московского университета заложила основы для развития всего высшего профессионального юридического образования и юридической профессии в России²⁸.

Первыми преподавателями права были немцы — И. Пургольд, Х. Штельцер, Ф.-Г. Дильтей и др. Однако со временем в Императорском Московском университете появились свои первые отечественные профессора права — С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, З.А. Горюшин и др. Подготовка студентов-юристов была направлена на практику государственного аппарата (подготовки чиновников) и продолжалась три года. Она состояла обычно из лекций (по 4 пары в день) и практических занятий, включающих в себя изучение и разбор законодательных актов, судебных дел, подготовку документов и т.д. Особое значение придавалось итоговой проверке знаний, к которой студенты готовились под руководством профессоров. Выдержавшие испытания по курсу обучения «с особым успехом» получали звание «кандидата права», а остальные — действительного студента, что отмечалось в дипломе²⁹.

Законодательная деятельность в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II продолжилась в части формализации принципа законности. Например, наставление Екатерины II губернаторам от 21 апреля 1764 г. предписывало должностным лицам чиновников и судей «нерадивых о должности своей, или порочных людей приметить, ...понуждать и исправлять их разными в законах изображенными образы», регламентируется прак-

тика обнародования узаконений.³⁰

Таким образом, к концу XVIII в. требование соблюдать принцип законности в условиях развития института монархии начинает приобретать четко выраженный формальный характер с установлением ответственности за несоблюдение законности.

В первой половине XIX в. благодаря стараниям реформатора и законодателя Михаила Михайловича Сперанского³¹ происходит фундаментальная систематизация правовых актов и издание Полного Собрания Законов Российской Империи (1830 г.) и Свода Законов Российской Империи (1832 г.), которые имели решающее значение в обеспечении законности и порядка в Российской империи. Их принятие сделало доступным для ознакомления тексты правовых актов всем государственным органам и подданным Российской империи, став тем самым важным средством обеспечения законности. Особое значение в рамках рассматриваемой проблемы имело принятие в рамках Свода Законов Российской Империи т.н. Основных государственных законов, определивших исходные требования к законности в государстве³². Так, первая статья его первого раздела под названием «Священные права и преимущества верховной самодержавной власти» гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»³³.

Важно подчеркнуть, что в первой полови-

27. См.: Чесноков В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII-XX веках: сб. науч. статей: вып. 6. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 141-146 и др.

28. См.: Колошинская Н.В. Общие тенденции развития юридического образования в императорской России // Юридическое образование и наука. 2004. № 3 и др.

29. Кодан С.В. Становление юридического образования в России (1800– 1850 гг.) // Российский юридический журнал. 2001. № 3. С. 99-102.

30. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 444-445.

31. См.: Челус А.В. Идеиные основы политико-правовой доктрины М.М. Сперанского // История государства и права. 2010. № 12. С. 32-34.

32. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 446-447.

33. Там же.

не XIX в. система юридического образования в России делает большой шаг в своем развитии. Так, в 1802 г. создается профильное Министерство народного просвещения, появляются учебные округа по университетам. Учреждаются Казанский, Дерптский и Харьковский императорские университеты и иные многочисленные учебные заведения, где студенты могли получать юридическое образование на юридических факультетах. Продолжалось развитие судебной системы. Так, в 1808 г. в Одессе появляется первый государственный коммерческий суд в России.

В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных — впервые подробно регулировавшее уголовные правоотношения. Преступления в нем рассматривались прежде всего как противозаконные деяния. Статья 1 Уложения гласила: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властью, или на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление».³⁴

Объективная историческая необходимость отмены крепостного права в 1861 году и иные социально-политические факторы повлекли за собой Судебную реформу 1864 года. Данный факт не мог не отразиться на содержании и принципа законности в Российской империи.³⁵ Например, вводился гласный состязательный суд, в котором принимали участие представители только что созданного института присяжных заседателей, появились стороны обвинения и защиты в судебном процессе. Именно тогда были заложены основные требования к профессионализму юристов, что повлияло на развитие юридической деятельности в России в целом. Феодалная законность стала приобретать черты буржуазной законности³⁶.

Кажется справедливой позиция исследова-

теля вопроса отечественной адвокатуры М.П. Шаламова: «в царской России до 1864 г. института адвокатуры не существовало»³⁷. При этом бесплатная правовая помощь было формальной: «поверенные преимущественно занимались тем, что ходили по канцеляриям... письменность и тайность процесса давали возможность злоупотреблять своими правами»³⁸.

Как представляется, окончательное становление юридической профессии и юридического образования в России относится ко второй половине XIX века. Так, после реформ Сперанского и создания юридических факультетов императорских университетов, Судебной реформы 1864 г. можно говорить о формировании русской дореволюционной школы философии и теории права, яркими представителями которой являются К.А. Неволин, П.Г. Редькин, А.Д. Градовский, Г.Ф. Шершеневич, В.Д. Катков, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, Б.Н. Чичерин, Е.А. Трубецкой, И.А. Покровский, Н.К. Михайловский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.Х. Гольмстен, Н.Н. Розин и др.

Развитие отечественной юридической школы повлекло за собой образование самостоятельного юридического сословия, яркими представителями которого были легендарные российские дореволюционные адвокаты В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако и др.

Состояние режима законности в России в начале XX века носит сложный и противоречивый характер. С одной стороны, был принят Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», создана Государственная дума (первый парламентский орган в истории России), осуществлялись глобальные реформы П.А. Столыпина и др. С другой стороны, монар-

³⁴ Российское законодательство X–XX веков: законодательство первой половины XIX века: в 9 т. Т. 6 / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юрид. лит., 1988. С. 174.

³⁵ См.: Фролов В.В. Судебная реформа 1864 года в России и ее отражение в правосознании российского общества середины XIX века: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003 и др.

³⁶ Мулукаев Р.С. Исторический аспект законности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 98.

³⁷ Шаламов М.П. История советской адвокатуры. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. С.9.

³⁸ Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002. С. 39.

хической властью был проведен ряд мер, существенно повысивший градус социально-политической напряженности в обществе: ликвидация II Государственной думы, создание военно-полевых судов и пр. Кризис института монархии в России, Первая мировая война и ряд других исторических обстоятельств привели не только к кризису законности в стране, но и к Революции 1917 г., гибели Николая II и прекращению существования Российской империи.

Ранее автором настоящей работы была обоснована позиция, что системная работа над теоретической концепцией законности в России начинается после Революции 1917 г. с целью утверждения новой «революционной», а позднее «социалистической» законности появившегося советского государства³⁹, а проблематика теоретической разработки законности является специфической проблемой отечественной теории права. Одновременно советская власть четко осознавала необходимость подготовки юридических кадров.

Так, В.И. Ленин, учившийся некоторое время на юридическом факультете Казанского императорского университета, утверждал: «Не впадая в утопизм, нельзя думать, что свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу»⁴⁰. Общеизвестно, что государство «есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»⁴¹. Важным событием в деле становления и развития советской высшей школы (и советского юридического образования) стало учреждение в 1921 г. в Москве и Петрограде

Институтов по подготовке красной профессуры⁴² для преподавания в высших школах исторического материализма, теоретической экономики, развития общественных наук, в т.ч. правовых дисциплин, взамен буржуазных преподавателей. Кроме того, была создана Социалистическая академия общественных наук, председателем которой стал М.Н. Покровский. Педагогическому составу академии удалось за достаточно короткий период создать учебно-методическую базу по юридическим дисциплинам согласно новой (марксистско-ленинской) идеологической парадигме⁴³, распространить ее на другие высшие учебные заведения, готовивших в т.ч. юристов⁴⁴. Академия существовала и действовала в 1918-1936 годах⁴⁵. В 1927 году в стране начинается подготовка юристов в заочной форме.

В период советского юридического образования юридические факультеты были не во всех высших учебных заведениях (наиболее известные – Московский, Казанский, Ленинградский, Новосибирский, Дальневосточный и др.). Одновременно существовали также специализированные юридические вузы – Всесоюзный юридический заочный институт, Свердловский и Саратовский юридические институты, в том числе институты системы образования правоохранительных органов. Профессия юриста на общем фоне не была очень популярна. На юридические факультеты часто (но не всегда) брали по рекомендации партийных органов, а молодые люди нередко попадали на юридические факультеты только после службы в армии. Кроме того, юридическое образование получали студенты, которые отучи-

³⁹ См.: Ахматов А.В. Теоретические подходы к определению понятия «законность» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3 (58). С. 31.

⁴⁰ Ленин В.И. Сочинения. Изд. 3. Т. XXI. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. С. 435.

⁴¹ Там же. С. 433.

⁴² См. подробнее: Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса (1921– 1930 гг.) // Петербургская историческая школа. Третий год выпуска. Памяти Е.Р. Ольховского. СПб., 2004 и др.

⁴³ Рошин Б.Е. Юридическое образование в советской России (октябрь 1917 март 1921 гг.): организационно-правовой аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 217.

⁴⁴ См. подробнее: Алексеев Н.С., Шилов Л.А. 50 лет советского высшего юридического образования. М.: Высш. шк., 1963; Шамсумова Э.Ф. Трансформация советского юридического образования в 1920-х – середине 1940-х гг. и ее отражение в отечественной литературе тех лет // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 1. С. 73-79 и др.

⁴⁵ См.: Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР. (1918-1936). М.: Слово, 2008.

лись один год на подготовительном отделении, так называемом «рабфаке». Все студенты в СССР летом ездили в строительные отряды, что сильно объединяло людей. По результатам обучения среди выпускников юридических факультетов существовало обязательное распределение студентов (чаще всего для работы в системе государственных органов) на основании результатов успеваемости или в целевом порядке. Выпускник должен был отработать по месту распределения не менее трех лет⁴⁶.

Необходимо подчеркнуть, что советские ученые внесли свой неоценимый вклад в исследование государственно-правовой материи, а их работы являются такими же классическими источниками академических правовых знаний, как труды их дореволюционных предшественников. К ярким представителям советской юридической школы можно отнести П.И. Стучку, Д.И. Курского, Е.Б. Пашуканиса, М.А. Рейснера, С.Ф. Кечекьяна, А.А. Пионтковского, А.К. Стальевича, Я.Ф. Миколенко, Н.Г. Александрова, М.С. Строговича, П.М. Рабиновича, М.И. Байтина, А.Т. Боннера, А.Б. Венгерова, В.В. Борисова, В.М. Сырых, М.Д. Шаргородского, В.И. Теребилова, О.А. Красавчикова, С.С. Алексеева, В.Н. Кудрявцева, В.С. Нерсесянца и многих других.

На основании вышеизложенного и в целях изложения авторского видения изучаемых проблем представляется возможным отметить следующее.

Во-первых, парадоксом развития права и принципа законности в России является исторический факт, согласно которому возникновение эпохальных нормативно-правовых актов (Русской Правды, Судебника 1497 г., Соборного уложения 1649 г. и др.), первых юристов в России (стряпчих, дяков и подьячих) предшествовало возникновению профессионального юридического образования, которое началось только в 1755 г. в связи

с созданием Императорского Московского университета.

Во-вторых, эпоха феодальной раздробленности на Руси (XII–XVI веков) оказала фундаментальное воздействие на правосознание русских людей, живших в ту эпоху. Длительное отсутствие централизации государственной власти и высших учебных заведений, невысокий уровень грамотности большинства населения, крепостное право, огромные ненаселенные территории привели как к низкому статусу законников (ассоциировавшихся с государственными санкциями), так и регулированию общественных отношений больше обычаями и религиозными нормами, чем правовыми средствами. Подтверждением этого вывода является социально-политический авторитет Церкви в истории России⁴⁷. Следствием этого стала «разорванность», с одной стороны, формального принципа законности, закрепленного в различных нормативных актах, принимаемых высшими должностными лицами (монархами) государства российского, а с другой стороны – жизнью простых крестьян, составлявших большинство населения Руси (о чем писал русский философ права Н.Н. Алексеев⁴⁸).

В-третьих, работа в сфере юриспруденции и реализации принципа законности в России длительное время была связана чаще всего с обеспечением функционирования правоохранительных органов (следствия, прокуратуры, судов и т.п.). Окончательное формирование академической правовой школы относится ко второй половине XIX века. Важно подчеркнуть, что представители русской школы философии и теории права, сложившейся после реформ М.М. Сперанского и появления юридических факультетов в университетах, Судебной реформы 1864 г., не только смогли «догнать» своих западных коллег, опережавших их

⁴⁶ См.: Иванов А. Юрфаки в СССР // URL: https://zakon.ru/blog/2017/4/20/yurfaki_v_ussr.

⁴⁷ См. подробнее: Филимонова Э.Г. Православие и его роль в формировании национального самосознания русского народа // Обновление России: трудный поиск решений. М., 1996. Вып. 4. С. 119-131; Карташов А.В. Очерки по истории русской Церкви. В 2-х т. М., 1992; Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / отв. ред.: Овсиенко Ф.Г., Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. М., 1996; Миронов Б.Н. Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 646-667 и др.

⁴⁸ Алексеев Н.Н. Народное право и задачи нашей правовой политики // Евразийская хроника. Вып. VIII. Париж, 1927. С.36-38.

на пятьсот лет, но и «перегнать» их в своих научных разработках (в области «возрожденного» естественного права (П.И. Новгородцев), социологического позитивизма (С.А. Муромцев), психологической теории права (Л.И. Петражицкий) и др.).

При этом во второй половине XIX в. в России окончательно формируется юридическая профессия как самостоятельный социальный институт, связанный в том числе с деятельностью российской адвокатуры. Подтверждением этого тезиса может служить проведение в 1875 г. по инициативе С.И. Баршева, В.Н. Лешкова и Министерства народного просвещения в стенах Императорского Московского университета первого в истории России съезда русских юристов. Этот съезд стал первым (и последним) опытом проведения

общероссийского юридического форума⁴⁹ такого масштаба. Всего в его работе приняло участие 228 человек из разных городов империи (Санкт-Петербурга, Киева, Казани и пр.). Это позволяет утверждать о тенденции интеграции российского юридического сообщества уже в то время.

В-пятых, современное развитие правовой системы России в условиях глобализации, международных санкций, цифровизации права, обсуждаемые возможные изменения стратегии развития Российской Федерации в условиях переориентации на страны Азии (прежде всего на КНР), требуют переосмысления содержания как принципа законности, так и системы современного отечественного юридического образования, которые ждут своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горский А.А. «Древнерусское государство» IX-XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.) / редкол.: Ю. А. Петров (отв. ред.) и др.. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. 589 с.
2. Кодан С.В. Генезис законодательного закрепления принципа и режима законности в деятельности государственной администрации в России (XVII – начало XX в.) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 436-451.
3. Мулукаев Р.С. Исторический аспект законности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 96-101.
4. Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 5-18.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gorskij A.A. «Drevnerusskoe gosudarstvo» IX-XI vv.: k voprosu o periodizacii i terminologii // Rossijskaja gosudarstvennost': opyt 1150-letnej istorii: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 4-5 dekabnja 2012 g.) / redkol.: Ju. A. Petrov (otv. red.) i dr.. M.: In-t rossijskoj istorii RAN, 2013. 589 s.
2. Kodan S.V. Genezis zakonodatel'nogo zakreplenija principa i rezhima zakonnosti v dejatel'nosti gosudarstvennoj administracii v Rossii (XVII – nachalo XX v.) // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2012. Vyp. 12. S. 436-451.
3. Mulukaev R.S. Istoricheskij aspekt zakonnosti // Vestnik JuUrGU. Serija «Pravo». 2017. T. 17. № 1. S. 96-101.
4. Tihomirov Ju.A. Sistematika v prave v uslovijah global'noj nestabil'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 5. S. 5-18.

⁴⁹ См.: Прокопьев В.П. Первый съезд русских юристов (к 100-летию съезда в Москве) // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Вып. 5 / редкол.: Нажимов В.П. (отв. ред.), Назаров В.В., Хлюпин Н.И., Цветинович А.Л. Калининград, 1977. С. 142-147.

Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ

Аксиомы правосознания и их испытание на прочность геополитическими сдвигами 2020-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье, отталкиваясь от аксиом правосознания, сформулированных русским мыслителем И.А. Ильиным, рассматривается сложный путь формирования правосознания в условиях геополитического кризиса, отдельные проявления которого обнаружили в момент окончания холодной войны, но в полной мере проявились в 2020-х гг. В частности, они выявились в стремлении стран Западного мира подменить модель международного права набором правил. Ответом на этот вызов могут стать новые подходы к укреплению правовой основы миропорядка через совершенствование процесса формирования правосознания, придание этому процессу творческого характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, правосознание, философия права, геополитика, мироустройство, бриколаж.

ГОЛЬДИН ГЕННАДИЙ ГЛЕБОВИЧ – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: avocats@yandex.ru);

ТЕРНОВАЯ ЛЮДМИЛА ОЛЕГОВНА – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (e-mail: 89166272569@mail.ru).

Нормализации любой ситуации независимо от того, носит ли она всеобщий, глобальный или единичный характер, способствует нахождение некой точки опоры, позволяющей, опираясь на нее, искать пути обретения стабильности. Как ни покажется странным, и в международных отношениях, и в личной жизни чаще всего такой точкой выступает правовая. Именно в области права обнаруживается часто болезненный, но в то же время действенный вариант разрешения проблемы. Это может быть осознание необходимости заключения договора конфликтующими международными акторами, или раздела имущества разведенными членами семьи. Закон способен предложить путь к нормализации, но выбор, состоящий в том, чтобы идти к этому и продвигаться по нему далее, или отказаться, принадлежит исключительно людям.

Их выбор всегда определяется многими внешними факторами, но внутренняя готовность человека, группы, общности ему следовать диктуется осо-

бенностями индивидуального или коллективного (группового, корпоративного, массового, общественного) правосознания¹. Оно, выступая как специфическая форма общественного сознания, позволяет из мозаики правовых взглядов, концептуальных моделей, убеждений и настроений сложить такую картину реальности, которая не только помогает достаточно устойчиво удерживаться в обстановке социальной турбулентности, но, подобно порталу в произведениях писателей-фантастов, открывает проход в будущее. То, как индивид или социум укрепится на этой правовой платформе, зависит и от присущей им правовой культуры, и от объективных обстоятельств, которые могут способствовать консервации норм и правил правового поведения, а могут требовать стремительных изменений не только соответствующих этим нормам и правилам институтов, но и перемены отношения общества и личности к праву в целом².

Именно в такое беспокойное время глобаль-

1. Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект // Психология и право. 2012. № 1. С. 132-142.

2. Арутюнов Э.К., Улитин И.Н. Правосознание и правовая культура личности в России. М.: Ridero, 2018.

ных социально-политических сдвигов в прошлом веке доктором государственных наук, ярким публицистом, философом, писателем Иваном Александровичем Ильиным создается труд «О сущности правосознания»³. В нем были выведены три аксиомы правосознания, включающие: первую — закон духовного достоинства, т.е. самоутверждения; вторую — закон автономии, означающий способность к самообязыванию и самоуправлению; третью — закон взаимного признания, выражаемый во взаимном уважении и доверии людей друг к другу. Эти идеи были высказаны Ильиным на основе глубокого знания истории и философии права, без которых и духовный смысл, и государственное предназначение правосознания выглядят условными моделями, пригодными для всех времен, народов, стран, а на практике нигде не могут быть реализованными в полной мере⁴. При этом имеются общие пространственные и темпоральные закономерности развития правосознания⁵.

У Ильина представление о правосознании формировалось с опорой на русскую государствоведческую традицию и национальные интересы России. Эта позиция давала ему возможность раньше многих мыслителей своего времени увидеть в революции, совершенной большевиками, «корыстное разграбление» государства, обнаружить в геополитических стратегиях Запада патологическое стремление к «походу на Восток», проникнуть в античеловеческую сущность фашизма. Уже тогда для Ильина была очевидна угроза украинского сепаратизма, которой он посвятил статью «Основы борьбы за национальную Россию»⁶. К горькому сожалению, идеи Ильина не были ни поняты, ни востребованы, ни переработаны Советской властью. Сто лет назад, в 1922 г., к нему

и еще к 126 гуманитариям, среди которых было: 68 педагогов; 29 литераторов; 22 экономиста, агронома и кооператора; 7 юристов, — было применено то, что сейчас зовется «культурой отмены». Они были высланы из страны в ходе акции, намного позже названной «философским пароходом». Их имена были вычеркнуты из исторической памяти, а мысли, если и вспоминались, то лишь в качестве объекта для критики.

Несмотря на то, что горький итог такой политики Россия уже почти испила до дна, остались недопонятыми, а потому и невыученными некоторые уроки. Один из важнейших из них состоит в понимании совмещения исторической памяти, правосознания и общего духа, объединяющего не только общество и власть, но и территории государства. Это единство делает социум, в целом, и каждого включающего его индивида более сильным, целеустремленным, организованным и способным к самоорганизации. Оно же создает благоприятные условия для повышения эффективности государственного управления.

Каждый элемент такой триады представляет собой одновременно и опору, и шарнир, поскольку вся система должна обладать достаточной гибкостью. Однако в этой подвижности есть не только плюсы, но и минусы. Любой отдельно взятый компонент — исторической памяти, правосознания и общего духа — способен играть роль рычага для поворота остальных. Как правило, из всех этих политико-правовых рычагов в первую обращается внимание на возможность с помощью исторической памяти манипулировать общественным сознанием. Подобных примеров множество. Опыт манипуляций все время прирастает, а политика памяти трансформируется в войны памяти, выступающие органичным компонентом современных

3. Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993.

4. Ямшанов Б. Александр Звягинцев: В 1938 году философ, идеолог Белого движения Иван Ильин дал точный прогноз событий на Украине // Российская газета. 2022. 25 мая.

5. Смазнова О.Ф. Аксиомы правосознания И.А. Ильина и темпоральный анализ развития правосознания // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 24. С. 46-50.

6. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. [б. м.]: Национально-трудовой союз нового поколения, Генер. представительство в Германии, 1938.

7. Терновая Л.О. Война и мир в гибридном измерении: монография. М.: ИНФРА-М, 2021.

гибридных войн⁷. Не менее болезненными оказываются результаты расшатывания таких смысловых «шарниров», как правосознание и общий дух. Пагубность их ослабления прекрасно продемонстрировала жизнь в России в 1990-х гг., чаще всего именуемых «лихими»⁸. В те годы торжествовало превратное понимание юридической максимы «Все, что не запрещено, разрешено». Итогом правового беспредела становилось стремительное превращение страны в пространство «разбитых окон»⁹. Множество фактов, подтверждающих «теорию разбитых окон», находится в депрессивных районах самых разных государств мира. В таких местах раскаленность криминогенной обстановки является знаком фактического отсутствия какой-либо ни было правосознания у обитателей гетто, трущоб, фавел и бидонвелей, независимо от того, как назвать эту зону неблагополучия.

Вернемся к тому определению аксиом правосознания, которые были выделены Ильиным. Сразу же требуется отметить, что они сформулированы, с одной стороны, как непреложные законы, а, с другой стороны, вбирают в себя широчайший объем смыслов, которые можно представить как укорененные в правовой почве, проросшие в социально-экономической реальности и приносящие плоды в духовно-нравственном мире образы и образцы поведения. Подобный символизм, присутствующий данным законам, напоминает первичную матрицу мира — Мировое древо (лат. *Arbor Mundi*). Оно стало мировым архетипом благодаря своим способностям все соединять воедино, при этом позволяя трактовать особенности каждой связующей линии.

В определенные периоды истории образ *Arbor Mundi* становится востребованным, поскольку позволяет четко расставлять по местам фрагменты рассыпанной картины мира, особенно, когда рассыпаются они не самопроизвольно, а согласно намеченной кем-то схеме, как в теории управляемого хаоса¹⁰. Развитие событий в рождаемой из хаоса реальности далеко не всегда соответствует сценарию. Новая модель может собираться из тех структур, которые не принимались во внимание, не имели ни сил, ни средств для саморазвития. И вот здесь следует обратиться к аксиомам правосознания, постулированным Ильиным, чтобы представить, что подобно уровням прорастания *Arbor Mundi*, с постижением ценности каждого из изложенных законов, а потому стремлением им следовать, происходит подъем, а затем и расцвет правосознания определенной социальной общности, который оказывает влияние на правосознание входящих в нее индивидов и различных групп (профессиональных, возрастных, региональных, корпоративных и пр.).

Логично, что этот процесс начинается с самоутверждения, самоидентификации, которая имеет четко очерченные задачи ответить на вопрос «Кто мы?»¹¹ Однако у этого вопроса есть и оборотная сторона — «Кто они?» Рассматривая изнанку российского самоидентификационного вопроса, и российская власть, и российские граждане четко осознали, как отметил российский ученый-правовед, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Дмитриевич Зорькин, что «внезапно оказались, благодаря политике США и совокупного Запада, в совершен-

8. Бонч-Осмоловская А.А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. М.: РАНХиГС, 2018. № 4. С. 115-146; Генералова Е.В. «Лихие девяностые» и «тучные нулевые»: Образ времени в современном русском языке // Духовность и ментальность: Экология языка и культуры на рубеже XX– XXI веков. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной педагогической и научной деятельности проф. Г.В. Звездовой и приуроченной к ее юбилею. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2017. С. 166-173.

9. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Мир разбитых окон и его объяснение в социологии права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4. С. 96-100; Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Социальная обусловленность права: монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019.

10. Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. № 8. С. 64-73.

11. Багаева А.В., Терновая Л.О. Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11-17; Терновая Л.О. Культурно-цивилизационная идентичность России в условиях глобализации // Глобализация и Россия. М.: ПАГС, 2007. С. 25-44.

но новой для России нормативно-правовой или, если честно признать, в неправовой международной реальности»¹². Сначала весьма мягко, в полном согласии с представлениями о «мягкой силе», затем с более грубым нажимом на риторику прав человека международное право стало вытесняться правилами. Далее из области прав человека этот подход перетек в экономическую сферу, где экономическое право оказалось полностью попорченным санкционной политикой Запада. А с началом Специальной военной операции Российской Федерации по помощи Народным Республикам Донбасса правила восторжествовали над правом и в исключительно чувствительном международном гуманитарном праве, например, когда западные государства требуют признавать откровенных наемников комбатантами¹³.

Безусловно, одного лишь осознания собственной культурно-цивилизационной и геополитической идентичности мало для того, чтобы общество могло мобилизовать свои силы, в том числе заключающиеся в правовых инструментах, для отстаивания собственной истории, культуры, веры, а также образа жизни, порядка управления и т.д. Поэтому важно, чтобы был реализован второй закон правосознания, который Ильин связывает с прочностью автономии, опирающейся на умение ставить цели и проявлять креативность в их достижении. Заметим, что автономия не означает автаркию, которую можно было встретить и в политике Бенито Муссолини в виде «Битвы за зерно» (итал. *Battaglia del grano*), и в реализации лозунга «Опоры на собственные силы», выдвинутый лидером компартии Китая Мао Цзэдуном в речи 10 января 1945 г. «Самообязывание» и «самоуправление», по Ильину, есть частные проявления самоорганизации, которая имеет множество вари-

антов, объединенных смыслом движения, жизни, развития отдельных элементов любой системы без нарушения остальных. Яркий пример самоорганизации в бизнесе — «живые», или «бирюзовые», или «организации будущего», в которых установлено доверие внутри коллектива, есть осознание ответственности каждым работником и имеется эволюционная цель. Понятно, что их деятельность протекает исключительно в правовом поле. Чем больше подобных структур в экономике, тем она не только эффективнее, но и креативнее. Также, чем больше «живых организаций» в обществе, тем и оно более жизнеспособно.

Третья аксиома правосознания, постулированная Ильиным, гласит о ценности для социума взаимного признания, выражаемого во всеобщем уважении и доверии людей друг к другу. Еще в период до пандемии *COVID-19* социологические данные указывали на приближение стрелки барометра доверия к положению, означаемому «шторм»¹⁴. Опрос 2019 г., проведенный независимой фирмой *Edelman Trust Barometer*, занимающейся такими исследованиями уже два десятилетия, показал любопытные сдвиги в доверии людей в сторону таких отношений, которые поддаются относительному контролю, например, взаимодействия работника и работодателя¹⁵. Оказалось, что независимо от полной или неполной занятости сотрудники доверяли значительно больше конкретным работодателям, чем общественным организациям, бизнесу, правительству и средствам массовой информации (именно в такой последовательности). Эту тенденцию подтвердили и данные опроса 2021 г.¹⁶

Акцентированное внимание власти, общественных организаций, бизнеса, СМИ к смыслам, заложенным в аксиомах правосознания, не только способно усилить правовой вектор развития России,

12. Зорькин В.Д. Право России: Альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Российская газета. 2022. 29 июня.

13. Терновая Л.О. Наемничество в условиях гибридных войн: история и современность // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 6 (96). С. 114-122.

14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Большие обещания уменьшают доверие»: мысли о роли доверия в истории // Власть истории и история власти. 2019. Т. 5. № 18. С. 318-327.

15. Федотова Л. Рейтинг доверия к общественным институтам в странах мира 2019 // URL: <https://basetop.ru/rejting-doveriya-k-obshhestvennym-institutam-v-rossii-i-mire-2019>.

16. 2021 EdelmanTrustBarometer // URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.

но и сформировать более гармоничные отношения между всеми социальными институтами внутри государства и благоприятно отразиться на внешнем социально-политическом и духовно-нравственном климате.

Такая задача укрепления правовых основ изначально не относится к легким. В настоящий период сложность ее решения на микроуровне, включающем правосознание отдельных личностей, организаций, бизнеса, традиционных сообществ и пр., усугубляется проблемами, обнаружившимися на макроуровне. Условно их можно назвать кризисом глобальной либеральной модели мироустройства, настолько очевидным, что фактически наступило всеобщее согласие о конце эпохи глобализации. При этом следует помнить, что глобализация не была единственной тенденцией развития. Наряду с ней продвигалась регионализация, а еще наблюдались любопытные социальные, политические, экономические и правовые процессы в локальных пределах. Иногда тенденцию, уравнивающую глобализацию, называют фрагментацией. В чем-то с таким выводом можно соглашаться, а где-то он вызывает серьезные возражения.

При этом фрагментация предполагает наличие собственного инструментария для сборки разрозненных явлений реальности в более или менее целостную, хотя и мозаичную картину. Выдающимся французским антропологом Клодом Леви-Строссом для характеристики одной из форм мышления, в данном случае мифологического, был введен термин «бриколаж» (фр. *bricolage*)¹⁷. Эта дефиниция, передающая практику создания какого-либо объекта из имеющихся материалов, оказалась пригодной для передачи сути действий преобразующего, творческого характера на основе имеющихся возможностей, порой весьма ограниченных. В постмодернистской философии проблематика, охватываемая термином «бриколаж», была расширена до любого дискурса.

Представляется, что применительно к правосознанию, следует обратиться в первую очередь к

опыту бриколажа в образовании и бизнесе. Сфера образования актуальна, поскольку всегда должна на несколько шагов опережать запросы общества. Сейчас российское образование вступило в очередной период реформ, потребность в которых диктуется не только практической необходимостью вырастить те кадры, которые будут способны выдерживать любое санкционное давление и отвечать задачам развития национальной экономики. Имеется задача сформировать концепцию подготовки кадров, альтернативную той, что следовала из сути Болонского процесса, который ориентировал обучающихся на овладение навыками, а не на способность конструировать различные модели, вплоть до дерзновенно фантастических. Зачатки такого подхода были в прежних – российской и советской – системах образования. Образ бриколажа, вводимый Леви-Строссом и напоминающий калейдоскоп, здесь более чем уместен, особенно если вспомнить, сколь завораживающими могут быть картинки, полученные с помощью этого прибора всего лишь из рисунка, образуемого несколькими цветными стеклышками. Бриколаж делает обучение увлекательным процессом, но он же закладывает основу для самостоятельности учащихся и творчества педагогов, без которой не может быть ни самосознания, ни самоорганизации, в свою очередь наполняющие смыслами правосознание.

Что касается бизнеса, то американским теоретиком организационной коммуникации, одним из основателей науки об организационном поведении Карлом Вейком были сформулированы требования к успешному использованию бриколажа в организациях. К ним относятся: глубокое знание ресурсов; внимательное наблюдение и прослушивание; вера в свои идеи; самокорректирующиеся структуры, с обратной связью¹⁸. Поскольку организационная культура тесно соприкасается с правовой культурой, то понятно воздействие перечисленных Вейком возможностей применения инструментария бриколажа и на правовую культуру, и на правосознание.

¹⁷ Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 126.

¹⁸ Вейк К. Смыслопроизводство в организациях: психология, организация, персонал / пер. с англ. П.К. Власова и А.В. Коченгина под науч. ред. П.К. Власова. Харьков: Гуманитарный центр, 2015.

Бриколаж — это искусство компоновки. В ее основе всегда есть не только некий проект, но и компромисс, потому что порой приходится совмещать несовместимое. В языке права мы можем рассматривать договор как вариант компромисса, когда кому-то приходится в чем-то ограничивать собственные желания, а кому-то — брать на себя большую ответственность. Но только так можно добиваться формирования такого правосознания, которое в самые сложные периоды геополитических кризисов сможет благодаря наличию аксиом правосознания стать спасательным кругом, удерживающим человека, общество, государство в любой шторм на поверхности и помогающим найти спасительную почву.

Обычно, когда анализируют понятие «кризис»,

обращается внимание на то, что в китайском языке этот термин передается двумя иероглифами, которые означают «опасность» и «возможность». Умение их соединить и выбраться из состояния кризиса можно рассматривать как искусство бриколажа. Но мало кто знает, что название России в китайском языке — «Элосы» — также есть проявление этого творчества. Оно состоит из иероглифов: «внезапно», «сеть», «воспитанность». Наш восточный сосед давно уже разглядел не только особенности российской геополитической идентичности, но и то, из каких элементов она складывается. А в содержании каждого из них мы при вдумчивом проникновении можем найти отголосок аксиом правосознания. Необходимо только самим в этом убедиться и озаботиться его укреплением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнов Э.К., Улитин И.Н. Правосознание и правовая культура личности в России. М.: Ridero, 2018. 102 с.
2. Багаева А.В., Терновая Л.О. Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11-17.
3. Бонч-Осмоловская А.А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. М.: РАНХиГС, 2018. № 4. С. 115-146.
4. Вейк К.Смыслопроизводство в организациях: психология, организация, персонал / пер. с англ. П. К. Власова и А. В. Коченгина под науч. ред. П.К. Власова. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. 320 с.
5. Генералова Е.В. «Лихие девяностые» и «тучные нулевые»: Образ времени в современном русском языке // Духовность и ментальность: Экология языка и культуры на рубеже XX– XXI веков. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной педагогической и научной деятельности проф. Г.В. Звездовой и приуроченной к ее юбилею. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 166-173.
6. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Мир разбитых окон и его объяснение в социологии права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4. С. 96-100.
7. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Социальная обусловленность права: монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2019. 248 с.
8. Зорькин В.Д. Право России: Альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // Российская газета. 2022. 29 июня.
9. Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
10. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. [б. м.]: Национально-трудовой союз нового поколения, Генер. представительство в Германии, 1938. 66 с.
11. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 382 с.
12. Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. № 8. С. 64-73.
13. Пастушеня А.Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект // Психология и право. 2012. № 1. С. 132-142.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Большие обещания уменьшают доверие»: мысли о роли доверия в истории // Власть истории и история власти. 2019. Т. 5. № 18. С. 318-327.
15. Смазнова О.Ф. Аксиомы правосознания И. А. Ильина и темпоральный анализ развития правосознания // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 24. С. 46-50.
16. Терновая Л.О. Война и мир в гибридном измерении: Монография. М.: ИНФРА-М, 2021. 367 с.
17. Терновая Л.О. Культурно-цивилизационная идентичность России в условиях глобализации // Глобализация и Россия. М.: РАГС, 2007. С. 25-44.
18. Терновая Л.О. Наемничество в условиях гибридных войн: история и современность // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 6 (96). С. 114-122.
19. Федотова Л. Рейтинг доверия к общественным институтам в странах мира 2019 // URL: <https://basetop>.

ru/rejting-doveriya-k-obshestvennym-institutam-v-rossii-i-mire-2019.

20. Ямшанов Б. Александр Звягинцев: В 1938 году философ, идеолог Белого движения Иван Ильин дал точ-

ный прогноз событий на Украине // Российская газета. 2022. 25 мая.

21. 2021 EdelmanTrustBarometer // URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Arutjunov Je.K., Ulitin I.N. Pravosoznanie i pravovaja kul'tura lichnosti v Rossii. M.: Ridero, 2018. 102 s.

2. Bagaeva A.V., Ternovaja L.O. Konstruirovanie regional'noj identichnosti v koordinatah prostranstva i vremeni // *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*. 2012. № 10 (52). S. 11-17.

3. Bonch-Osmolovskaja A.A. Imena vremeni: jepitety desjatiletij v Nacional'nom korpuse russkogo jazyka kak proekcija kul'turnoj pamjati // *Shagi/Steps*. M.: RANHiGS, 2018. № 4. S. 115-146.

4. Vejk K. Smysloproizvodstvo v organizacijah: psihologija, organizacija, personal / Per. s angl. P.K. Vlasova i A. V. Kochengina pod nauch. red. P.K. Vlasova. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2015. 320 s.

5. Generalova E.V. «Lihie devjanostye» i «tuchnye nulevy»: Obraz vremeni v sovremennom russkom jazyke // *Duhovnost' i mental'nost': Jekologija jazyka i kul'tury na rubezhe XX – XXI vekov*. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj pedagogicheskoj i nauchnoj dejatel'nosti prof. G.V. Zvezdovoj i priurochennoj k ee jubileju. Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P.P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2017. S. 166-173.

6. Gol'din G.G., Ternovaja L.O. Mir razbityh okon i ego ob#jasnenie v sociologii prava // *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata*. 2018. № 4. S. 96-100.

7. Gol'din G.G., Ternovaja L.O. Social'naja obuslovlennost' prava: monografija. M.: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr «Jetnosocium», 2019. 248 s.

8. Zor'kin V.D. Pravo Rossii: Al'ternativy i riski v uslovijah global'nogo krizisa // *Rossijskaja gaze*. 2022. 29 ijunja.

9. Il'in I.A. O sushhnosti pravosoznanija / podgotovka teksta i vstupitel'naja stat'ja I.N. Smirnova. M.: «Rarog#», 1993. 235 s.

10. Il'in I.A. Osnovy bor'by za nacional'nuju Rossiju. [b. m.]: Nacional'no-trudovoj sojuz novogo pokolenija, Gener. predstavitel'stvo v Germanii, 1938. 66 s.

11. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie / per., vstup. st. i primech. A.B. Ostrovskogo. M.: Respublika, 1994. 382 s.

12. Mitroshenkov O.A. Teorija upravljaemogo haosa: ispol'zovat' sebe vo blago // *Vlast'*. 2017. № 8. S. 64-73.

13. Pastushenja A.N. Psihologicheskaja karakteristika individual'nogo i obshestvennogo pravosoznanija: strukturno-soderzhatel'nyj aspekt // *Psihologija i pravo*. 2012. № 1. S. 132-142.

14. Rjabova E.L., Ternovaja L.O. «Bol'shie obeshhanija umen'shajut doverie»: mysli o roli doverija v istorii // *Vlast' istorii i istorija vlasti*. 2019. T. 5. № 18. S. 318-327.

15. Smaznova O.F. Aksiomy pravosoznanija I. A. Il'ina i temporal'nyj analiz razvitija pravosoznanija // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo*. 2003. № 24. S. 46 – 50.

16. Ternovaja L.O. Vojna i mir v gibridnom izmerenii: Monografija. M.: INFRA-M, 2021. 367 s.

17. Ternovaja L.O. Kul'turno-civilizacionnaja identichnost' Rossii v uslovijah globalizacii // *Globalizacija i Rossija*. M.: RAGS, 2007. S. 25-44.

18. Ternovaja L.O. Naemnichestvo v uslovijah gibridnyh vojn: istorija i sovremennost' // *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*. 2016. № 6 (96). S. 114-122.

19. Fedotova L. Rejting doverija k obshestvennym institutam v stranah mira 2019 // URL: <https://basetop.ru/rejting-doveriya-k-obshestvennym-institutam-v-rossii-i-mire-2019>.

20. Jamshanov B. Aleksandr Zvjagincev: V 1938 godu filosof, ideolog Belogo dvizhenija Ivan Il'in dal tochnyj prognoz sobytij na Ukraine // *Rossijskaja gaze*. 2022. 25 maja.

Г.И. ИВАНЕЦ

Степень влияния социальных, психологических и правовых аспектов на модель правового поведения личности

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается механизм формирования моделей правового поведения личности. Делается вывод о том, какой из общепринятых аспектов: социальный, психологический или правовой в наибольшей степени влияет на формирование правомерного или противоправного поведения, как они коррелируют между собой, и от каких иных внешних и внутренних факторов этого зависит. Целью исследования является попытка доказать превалирующее значение для этапа формирования модели правового поведения личности именно социального аспекта, с учетом постоянной потребности человека в социализации, социальных контактах, получении одобрения или самоутверждении. Достичь эту цель позволяет анализ особенностей каждого из аспектов – социального, психологического и правового, в их взаимосвязи и вариантах проявления. Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и позволили уточнить, что правовой аспект в наименьшей степени влияет на модель правового повеления взрослой, уже состоявшейся личности, а психологический аспект является промежуточным звеном между социальным, закладывающим основы правосознания, и правовым, подкрепляющим имеющуюся базу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое поведение, правомерное поведение, противоправное поведение, социальные факторы, личность.

ИВАНЕЦ ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (ГКОУ ВО «РТА») (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Модель правового поведения личности формируется постепенно, с учетом систематического влияния на личность различных факторов: социальных, политических, экономических, культурных и иных. Все указанные факторы, которые участвуют в формировании той или иной модели правового поведения человека, принято в литературе называть по-разному. Кто-то предпочитает использовать дефиницию «детерминанты», кто-то называет это «причинами», а кто-то «условиями». Однако, вне зависимости от лексической разницы употребляемых в науке выражений, объединяет их то, что они являются неотъемлемой частью становления личности и его поведенческой модели.

Ряд факторов, влияющих на правовую модель личности, можно классифицировать в зависимости от различных обстоятельств, однако общепринятым является деление данных факторов на три аспекта: социальный, психологический и правовой¹. Каждому из этих аспектов соответствуют

свои субъективные особенности. Иными словами, модель правового поведения будет формироваться с учетом влияния одних и тех же факторов по-разному у представителей различных возрастных групп, социальных слоев общества, национальностей и отдельных специфических черт личности.

Раскрывая каждый аспект в отдельности, начать хотелось бы именно с социального, так как он, на наш взгляд, если определять степень влияния всех вышеобозначенных факторов на модель правового поведения личности в процентном соотношении, составляет более 50%. Такая ведущая роль в процессе формирования правового поведения личности социальных факторов не случайна: далеко не все, по понятным причинам, отрасли жизни человека могут поддаваться правовому регулированию и контролю со стороны государства, значительная часть интимной, личной жизни человека остается вне правового поля.

1. Скоробогатов А. В. Детерминанты правового поведения // Правосудие. 2021. № 1. С. 34-43.

Именно по этой причине влияние семьи, друзей, рабочего/учебного коллектива, даже незнакомых людей в социальных сетях (обобщая – социума) на формирование той или иной модели правового поведения личности, сложно переоценить. Безусловно, большее влияние социум имеет лишь на начальном этапе формирования правовой модели поведения, в более молодом возрасте, поскольку лица более старшего, зрелого возраста, как правило, живут с уже сформированным уровнем правосознания и мироощущения в целом, которое не так подвержено общественному мнению и труднее поддается коррекции. Однако, в общем и целом, на все возрастные группы именно социальный аспект, аспект взаимодействия между людьми, оказывает наибольшее влияние, позволяя установить ценностные ориентиры, приобрести морально-нравственные установки, понять для себя что хорошо, а что плохо, что социально-одобряемо, а что социально-порицаемо, то есть сформировать фундамент той или иной модели правового поведения².

Сразу оговоримся, что важно понимать: модели правового поведения личности – это не константная категория, что означает лишь в редких исключительных случаях возможность отнести ту или иную модель правового поведения личности только к правомерной или неправомерной модели. Чаще всего поведенческие акты в процессе жизнедеятельности человека, проявляют себя как правомерными поступками, так и противоправными (не обязательно правонарушениями, это могут социально-неодобряемые или социально-нежелательные поступки). Однако с учетом того, что та или иная модели правового поведения проявляет себя, в процентном соотношении, чаще, является преобладающим, доминирующим правовым поведением личности, принято делить все модели именно дихотомично, на два вида – сугубо правомерное или противоправное.

Психологический аспект, при формировании

модели правового поведения, на наш взгляд, можно поставить на второе место по значимости. Человек, как существо разумное и думающее, склонное к саморефлексии и построению причинно-следственных связей, так или иначе, подчиняет все свои поступки своему сознанию и воле. Именно поэтому, транслируя ту или иную модель правового поведения во вне, субъект действует осознанно, принимая решение на основе своих субъективных, психологических качеств – темперамента, уровня агрессии, желания, сформированных стереотипов, и даже уровня интеллектуального развития³.

При этом мы не говорим о том, что человек всегда действует осознанно, не отрицаем возможность совершения поступков психически больными людьми или людьми, находящимися под наркотическими веществами, в состоянии аффекта и т.д. Мы лишь хотим подчеркнуть, что их поведение нельзя отнести строго к правовой модели поведения, скорее к юридически значимым поступкам, так как сама по себе формулировка «поведение» предполагает, что субъект отдает себе отчет в своих действиях, может руководить ими, а «поступки» не всегда подконтрольны сознанию, но так как они все равно могут нести юридически значимые последствия, их принято называть «юридически значимыми поступками».

В свою очередь, правовой аспект проявляется в наименьшей, на наш взгляд, степени. Любой субъект – член общества, так или иначе, вступает в коммуникацию с государством, в лице государственных органов, законодательных актов и пр. Однако то, насколько это способно повлиять на формирование модели правомерного или противоправного поведения, является достаточно спорным вопросом.

Исследуя вопрос в контексте соблюдения/не соблюдения законодательных предписаний человеком, можно сказать, что правовой аспект никак не влияет на большинство граждан, воспринимаю-

2. Осипов М. Ю. Основные факторы, влияющие на правосознание и правомерное поведение // Юридические записки. 2020. № 1. С. 18.

3. Тимошенко В. И. Социально-психологические факторы противоправного поведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3 (25). С. 26.

ших закон как данность, которую нельзя нарушать. Однако такие случаи «пассивного подчинения» не все авторы воспринимают как выражение правомерной модели поведения вообще. Так, некоторые исследователи пишут, что нельзя сказать, что у такой личности, которая не совершает противоправные поступки лишь из-за страха наказания (общей превенции закона) сформировалась нормальная модель правопослушного поведения. Правопослушное поведение, по мнению приверженцев такой концепции, должно быть детерминировано исключительно внутренним желанием поступать правильно, по совести, по закону. Иными словами, любое внешнее воздействие, давление на человека, которое заставляет его действовать правопослушно, не должно приниматься во внимание.

Мы не согласны с данным утверждением, поскольку оно работает несколько выборочно, на наш взгляд: если оценивать степень влияния внешних факторов (в том числе, правовых) на модель противозаконного поведения, то почти все без исключения авторы признают криминообразующее значение за ними, однако, если речь идет о механизме формирования правопослушного поведения, — почему-то отказываются от этого критерия. Мы, напротив, полагаем, что не важно, какой именно фактор побудил человека к правопослушной модели поведения, внешний или внутренний, важно, чтобы она закрепилась у него как незыблемая установка, привычка, потребность.

Следовательно, правовой аспект, являясь внешним фактором формирования той или иной моде-

ли правового поведения, влияет на нее опосредованно, в совокупности с иными аспектами, а потому мы определили его как менее значимый в механизме формирования правовой модели поведения, нежели социальный и психологический аспект. Проявляется же влияние правового аспекта в следующем: уровень законодательной техники в государстве, степень соблюдения и защиты прав и свобод личности, обеспечение надлежащего порядка защиты гражданами своих прав, эффективная работа правоохранительных органов, доступность и прозрачность предоставления государственных услуг и т.д.

Таким образом, в заключение подытожим, что степень влияния социальных, психологических и правовых аспектов на модель правового поведения личности — различная. Большее влияние, как показал анализ, оказывают социальные факторы коммуникации и взаимодействия личности, с помощью которых формируется базовое представление о праве и законе, задатки правосознания. Следующим по значимости фактором является психологический, который позволяет на сформированной социальным фактором базе, с учетом личного преломления своего жизненного опыта, своих собственных установок и ценностей, сформировать ту или иную модель правомерного поведения окончательно. В свою очередь правовой аспект играет второстепенную роль в механизме формирования модели правового поведения личности, концептуально не влияя на уже сформированный «фундамент», но позволяя дополнять его отдельными вариациями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лебедева Е. Н. Юридические дозволения в правостимулирующей политике государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 38-43.
2. Осипов М. Ю. Основные факторы, влияющие на правосознание и правомерное поведение // Юридические записки. 2020. № 1. С. 17-26.
3. Скоробогатов А. В. Детерминанты правового поведения // Правосудие. 2021. № 1. С. 34-43.
4. Тимошенко В. И. Социально-психологические факторы противоправного поведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3 (25). С. 23-30.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Lebedeva E. N. Juridicheskie dozvoljenja v pravostimulirujushhej politike gosudarstva // Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika. 2015. № 2 (40). S. 38-43.
2. Osipov M. Ju. Osnovnye faktory, vlijajushhie na pravosoznanie i pravomernoje povedenie // Juridicheskie zapiski. 2020. № 1. S. 17-26.
3. Skorobogatov A. V. Determinanty pravovogo povedenija // Pravosudie. 2021. № 1. S. 34-43.
4. Timoshenko V. I. Social'no-psihologicheskie faktory protivopravnogo povedenija // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2014. № 3 (25). S. 23-30.

Р.В. ШАГИЕВА

Правовое государство и его современные критерии как главное основание юридической типологии (на примере России)

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка вернуться к переосмыслению достаточно востребованного в конце XX века понятия правового государства в связи с тем, что известный компаративист Раймонд Леже обосновал достаточно новаторскую классификацию правовых систем мира, в основу которой как раз положено наличие правового государственного устройства и сложившихся правовых традиций. Это приводит к возрождению интереса к современной интерпретации критериев правового государства и их применимости к оценке современной российской государственности.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на негативные тенденции, связанные с современными вызовами (пандемия Ковида-19, ситуация на Донбассе и т.д.) и не способствующими в чем-то утверждению в нашей жизни правовых начал, задача российского общества заключается в том, чтобы, взяв дело обустройства человеческой жизни в свои руки, попытаться создать на земле, как писал философ В.С. Соловьев, хотя бы не Рай, а отсутствие Ада. И в этом нам сможет помочь только Право как искусство Добра и Справедливости, которое облагораживает государственность, делает ее полноценной и зрелой. И при опоре на поддержку народа, выражающего свою волю в законах, можно будет рассчитывать и на долгосрочный положительный результат.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, право, права человека, демократия, господство права, разделение властей, взаимная ответственность государства и личности, гражданское общество, социальная справедливость

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (e-mail: shagsas@mail.ru).

Любое государство не может вне и помимо права осуществлять свою деятельность. История всех до ныне существовавших цивилизованных обществ показала, что право «навязывается» государству в силу необходимости, поэтому оно в принципе не может пренебречь правовой формой. Государство без ущерба для общества не может манипулировать правом или освободиться от него. Право «облагораживает» государственность, делает ее зрелой и полноценной. Эта закономерность, будучи присуща сначала только странам так называемой «западной традиции права»¹, начинает прокладывать себе путь и среди осталь-

ных стран мира, в которых происходит модернизация общественного развития.

В современных условиях связующая роль права в отношении государства усиливается. При этом наблюдается следующая закономерность: чем точнее право отражает объективные потребности общественного развития, тем в большей мере оно связывает государство. Активность государства в этом случае не подавляется, напротив, она расходуется результативно и исключительно в интересах общества и отдельной личности. Только будучи связанным правом, государство может действовать «свободно», а значит, соответствует

1. Можно привести одну из характерных черт западной правовой традиции: «Развивающийся организм права как в любой данный момент, так и в длительной перспективе ... является обязывающим для самого государства». Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 26.

2. Данную закономерность во взаимосвязи и взаимодействии государства и права обнаружил еще в XX веке болгарский ученый Н.К. Неновски. – См.: Неновски Н.К. Единство и взаимодействие государства и права. М., 1982.

историческому предназначению². Таким образом, речь идет о становлении *правовой государственности*: «Хорошо замечено, что в современную эпоху демократические ценности и свободы, являющиеся их неперенным следствием, существуют только в тех государствах, чьи органы строго подчинены нормам права: это и есть та реальность, которая охватывается словосочетанием «правовое государство»³.

Данный французский компаративист считает возникновение правовой государственности настолько существенным фактором и закономерным фактором в политико-правовой сфере, что посчитал возможным положить его в основу главной дуалистической классификации всех правовых систем мира: «Можно с определенной последовательностью представить правовые системы мира в двух группах:

– Группа правовых систем, принадлежащих правовым государствам с длительной правовой традицией.

– Группа правовых систем, принадлежащих правовым государствам, не обладающим правовыми традициями, или государствам, подчинившим право или религии или идеологии, что не позволяет их относить к правовым государствам»⁴.

И если категории «правовая система» и «правовая традиция» уже подвергались теоретическому осмыслению в наших исследованиях⁵, то вопрос о современном понимании правового государства с позиции его применимости в сравнительном

правоведении, в том числе и к России, заслуживает внимания, невзирая на его кажущуюся ясность и однозначность.

Непреходящим общим началом любого правового государства, как известно, является его связанность правом. В своих началах, нормах и предписаниях право выражает особый характер взаимодействия в системе «индивид – общество – государство». Взаимная уравновешенность элементов есть необходимое равновесие свободы, условие обеспечения правовой справедливости, при котором только и возможно право – государственное устройство, отвечающее своему назначению⁶. Еще И. Кант в свое время обосновал идею о правовом государстве как о такой государственной власти, целью которой есть право⁷. Само государство возникает и существует не просто одновременно с правом, но до известной степени и ради самого права – для его формулирования и обеспечения.

Исходя из этого, некоторые отечественные правоведы приходят к выводу, что правовой государственности вообще присущ особый характер взаимосвязи государства и права, так как главное в правовом государстве – это признание верховенства права над государством, безусловное подчинение всех его органов закону⁸. Такого рода изменение соотношения между правом и государством напрямую связано с новой, высокой миссией прав человека. И здесь нужно вновь сказать о Канте. По его словам, «право человека должно считаться священным, каких бы жертв не стоило

3. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. Грядов А.В. 2-е изд, перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 105-106.

4. Леже Р. Указ. соч. С. 106-107.

5. Шагиева Р.В. Правовая система современного общества и ее функции в контексте устойчивого экономического развития // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 4 (43). С. 106-109; Шагиева Р.В. Правовая система как юридическая категория: и проблемы ее сопоставления с экономическими, политическими и другими подсистемами общества // Образование и право. 2016. № 12. С. 39-50; Шагиева Р.В. Теория правовой системы общества. М.: РТА, 2016; Шагиева Р.В. Правовая традиция как категория фундаментальной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 30-34; Шагиева Р.В. Категория «правовая традиция» в контексте ее теоретико-методологического потенциала // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3 (54). С. 32-35.

6. См.: Омельченко О.А. Идея правового государства: Истоки, перспективы, тупики. Очерк исторического комментария к современной политической мифологии. М.: Манускрипт, 1994. С. 108.

7. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. С.141, 461.

8. С.С. Алексеев писал: «Стало быть, в результате недавней «революции в праве», именно сейчас, в наше время, право и власть начали меняться местами». – См.: Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.С. 129.

это господствующей власти. ... всей политике следует преклонить колени перед правом...»⁹

Действительно, в правовом государстве государственные органы и должностные лица связаны правом. Но нельзя забывать, что отношение «государство – право» есть отношение реальных людей, а не каких-то абстрактных, искусственно сконструированных людьми же феноменов, какими выступают государство и право. И в правовом государстве в центре этой связи («государство – право») находится человек в его конкретном социально-правовом аспекте. Отсутствие права в отношениях государства и личности обращается против самой личности, в конечном итоге затрагивает человека и его свободу. Само государство разговаривает со своими гражданами и их объединениями «языком» права, если желает быть понятым и услышанным. Поэтому главное в право-государственном устройстве не само по себе господство права, а то, насколько взаимосвязь государства и права обеспечивает гармоничное и прогрессивное развитие личности, расширение ее свободы. Если ценность права и обусловлена связью с государством и его «верховенством» над ним, то это имеет место лишь в той мере, в какой само государство поставлено на службу человеку¹⁰. Соответственно общепринятым является следующее современное определение понятия правового государства, раскрывающее его социально-правовую природу:

«Правовое государство – это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и различными объединениями людей на основе норм права, а также фундаментальных правовых принципов, направленных на защиту достоинства, свободы и прав человека»¹¹.

При этом право играет приоритетную роль лишь в том случае, если оно выступает мерой свободы всех и каждого, если действующие законы реально служат интересам народа и государства, а их реализация является воплощением справедливости. Развитое законодательство еще не свидетельствует о наличии в обществе правовой государственности. Недавний опыт показывает, что в тоталитарных государствах регулярно издавались правовые акты, обеспечивалась их жесткая реализация, но такое правовое регулирование являлось антиподом правового государства в современном его понимании.

Вот поэтому ныне важнейшим признаком правового государства является его демократизм. Это означает, что в государстве осуществляется не формальное, а реальное народовластие, обеспечивается активное участие граждан в управлении государством. Исторически первые правовые государства могли начать формироваться и при отсутствии демократии: «Решительная победа правового государства в Англии на рубеже XVII и XVIII столетий (уничтожение всех форм беззакония, утверждение независимости судопроизводства, гарантии свободы личности и др.) не сопровождалась адекватной победой демократии»¹². Однако в настоящее время трудно представить себе правовое государство вне его демократического контекста. В связи с этим О.А. Омельченко, подводя итоги развития современных взглядов на правовое государство, отмечает эту взаимосвязь: «Правовое государство понимается как специфическая система политико-государственных установлений *на основе демократии (курсив наш – Р.Ш.)*, приводящая в равновесие в условиях общежития интересы индивидуальной свободы и политической демократии»¹³.

⁹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. С. 461.

¹⁰ Опять вспоминается И.Кант: «...правитель взял на себя миссию слишком тяжелую для одного человека, а именно взялся блюсти право людей (самок святое из того, что есть у Бога на земле), и ему постоянно следует опасаться чем-либо задеть эту зеницу господ». – Кант И. Указ. соч. С. 461.

¹¹ См.: Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: учебное пособие. М.: НОРМА, 2014. С. 19. В юридической науке предпринято глубокое исследование этих принципов на примере России. – См.: Краснов Э.В. Становление и развитие принципов правового государства в России: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Казань, 2021. 24 с.

¹² Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. М.: Маркетинг, 1999. С. 36-37.

¹³ Омельченко О.А. Указ. соч. С. 74.

Соответственно в правовом государстве в соответствии с принципом народовластия народ является реальным источником всей власти, которая выражается и проводится в жизнь государством. Это выражается, прежде всего, в праве населения формировать представительные органы государства, которые призваны принимать законодательные решения по важнейшим вопросам жизни общества. Именно в законах, обладающих высшей юридической силой, должны закрепляться права и законные интересы всех членов общества. В них должны устанавливаться гарантии от их нарушений, в том числе со стороны государственных органов.

Соблюдение принципа народовластия предполагает также наличие реального механизма, который позволял бы обществу быстро и своевременно пресекать любые попытки государства чрезмерно вмешиваться в дела общества, общественных объединений, личную жизнь граждан. Партия, средства массовой информации, гражданам и их объединениям предоставляется широкая возможность подвергать критике деятельность государства и его органов, принимаемые ими решения. Одновременно не только провозглашаются, но и обеспечиваются реальные гарантии для реализации гражданами своих прав и свобод в этой области.

И это — не случайно, ибо следующим существенным признаком правового государства является *провозглашение, реализация и защита им прав и свобод личности*. В современном понимании права человека — это социальные и юридические возможности пользоваться материальными, социальными и иными благами. Права человека принадлежат каждому члену общества и составляют одну из важнейших ценностей человечества в целом.

Права человека в обобщенном, концентрированном виде находят свое закрепление в международных актах, конституциях различных государств. Важнейшими среди них являются Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и

основных свобод, Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека, а также целый ряд других.

Применительно к России необходимо назвать Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую 22 ноября 1991 года, а также современную Конституцию Российской Федерации. В статье 2 Конституции РФ провозглашено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В Конституции РФ записано также: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч.2 ст.17). Кроме того, в Основном законе России содержится положение о том, что «не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч.2 ст. 55).

Следует отметить, что провозглашенные и закрепленные Конституцией РФ 1993 года права и свободы человека и гражданина за истекшие почти 30 лет после ее принятия получили реальное развитие и обеспечение в совокупности законодательных и иных нормативных правовых актов. Наряду с прямым действием норм Конституции РФ они создают в целом механизмы их реализации в повседневной правоприменительной и правоохранительной деятельности. Важным этапом по пути развития этого и всех остальных признаков правового государства послужили принятые после общенародного голосования в 2020 году Поправки к Конституции РФ¹⁴.

Следует подчеркнуть вместе с тем, что государство должно гарантировать полный набор прав и свобод личности. Тем более, что они признаются мировым сообществом в качестве естественных, принадлежащих человеку от рождения и потому являющихся неотчуждаемыми. В виде естественных признается система гражданских (личных), политических экономических, социальных и культурных прав личности.

На сегодняшний день в России сложилась

¹⁴ www.pravo.gov.ru (дата обращения — 09.08.2022 г.)

определенная система правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, включающая наряду с самозащитой и международно-правовой защитой прав и свобод, государственно-правовую защиту. В административном порядке этим призваны заниматься, прежде всего, правоохранительные, а также иные органы исполнительной власти. Важная роль принадлежит здесь также Комиссии по правам человека при Президенте РФ, уполномоченным по правам человека в субъектах Федерации.

Важное значение в защите прав и свобод человека и гражданина России принадлежит Прокуратуре РФ, роль и значение которой значительно укрепилась после принятия Поправок 2020 года к Конституции РФ. Восстановлена отечественная (включая и советский период) традиция *конституционно признавать* за органами прокуратуры осуществляемые *надзорные* функции, в том числе и — за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем особое место в защите прав человека в силу своего предназначения принадлежит суду. В 2014 году произошла реформа в области судебной системы, произошло слияние Высшего арбитражного суда и Верховного суда РФ, направленное на обеспечение единства судебной практики в деле защиты прав и свобод как физических, так и юридических лиц.

Вместе с тем общее состояние гарантированности прав и свобод личности в России не может не вызывать определенной озабоченности. В частности, это связано, например, с неединичными фактами незаконного администрирования и ущемления прав и свобод человека и гражданина. Нередко чиновники, которые должны следовать закону и обеспечивать законность, попирают нормы права в угоду своим личным интересам и во вред правам и законным интересам личности, общества и государства.

Кроме этого, в Конституционный Суд РФ еже-

годно поступает от 18 до 20 тыс. обращений, примерно 99% из них жалобы граждан и объединений на нарушение конституционных прав федеральными законами. Анализ статистики показывает, что ежегодно примерно в 60% постановлений федерального органа конституционного контроля правовые нормы признаются неконституционными.¹⁵

Остается явно недостаточной острота реагирования органов власти на факты нарушения законности и конституционных прав граждан. Нередко права человека восстанавливались лишь после многочисленных жалоб потерпевших в различные инстанции, в том числе в Европейский Суд по правам человека¹⁶.

Ослаблен спрос за низкую эффективность работы государственных структур по защите прав человека, снижена ответственность госслужащих перед населением. В решении этих задач пока нет должной системы. Нет и необходимого комплексного подхода, основанного на тесном взаимодействии всех государственных и общественных правозащитных структур.

Другим важным признаком правового государства является соблюдение им принципа *разделения властей*. Сущность этого принципа была сформулирована Дж. Локком и Ш. Монтескье в период борьбы буржуазии с феодальным строем. Суть этого принципа заключается в том, что для утверждения подлинной свободы, предотвращения злоупотребления властью со стороны какой-либо социальной группы, учреждения или отдельного лица необходимо ее разделить на законодательную, исполнительную и судебную. При этом законодательная власть избирается народом и призвана разрабатывать перспективную стратегию развития общества путем принятия законов. Исполнительная власть назначается представительным органом власти и призвана заниматься претворением в жизнь данных законов, а также осуществлять текущую оперативно-

¹⁵ Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.06.2021).

¹⁶ В настоящее время в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы эта возможность перестала существовать. Однако принятые ранее ЕСПЧ решения сохраняют пока свое прецедентное значение. Вопрос о международно-правовых средствах защиты прав стоит на повестке дня, соответствующие механизмы прорабатываются в рамках стран СНГ.

хозяйственную деятельность. Судебной же власти предначертано выступать гарантом восстановления нарушенных прав, справедливого наказания виновных¹⁷.

Каждая из ветвей власти самостоятельна и одновременно является взаимосдерживающей по отношению к другим. Она осуществляет свои функции посредством специальной системы органов и в особых формах.

Одновременно в конституциях правовых государств устанавливается система сдержек и противовесов, т.е. определенного сочетания ограничений в отношении той или иной ветви власти.

Так, применительно к законодательной власти в Конституции РФ прописана четкая процедура законодательного процесса: законодательной инициативы, обсуждения законопроекта, принятия закона, а также его подписания и опубликования. Одновременно предусмотрена система противовесов, в том числе возможность Президента применить отлагательное вето при несогласии с содержанием законов, принятых Федеральным Собранием РФ. В качестве сдерживающей силы можно рассматривать деятельность Конституционного Суда РФ, поскольку он призван блокировать антиконституционные акты. Примеры успешной работы Конституционного Суда РФ приведены нами ранее.

В Конституции РФ предусмотрены сдержки и противовесы и для исполнительной власти. Это выражается в установленных сроках президентской власти, возможности отстранения президента от должности (импичменте), вотуме недоверия правительству. Сюда же следует отнести ограничения, накладываемые законодателем на практику делегированного законодательства, ведомственного нормотворчества. Важное значение имеет также запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных, заниматься предпринимательской деятельностью.

Система сдержек и противовесов предусмотрена в законодательстве и для судебной ветви

власти. Они содержатся как в Конституции РФ, так и в процессуальном законодательстве, в его принципах и гарантиях. Назовем хотя бы такие, как равенство граждан перед законом и судом, презумпция невиновности, гласность и состязательность процесса и др.

Не менее важное значение имеет и такой признак, как *господство права*. Господство права неразрывно связано с естественными правами человека как необходимого условия нормальной жизни человека. Эти права, появляющиеся у человека с момента его рождения, не только не могут быть ущемлены государством, но и выступают главнейшим ориентиром во всей его деятельности, критерием оценки ее эффективности. Поэтому государство не является единственным источником права. Нередко оно призвано лишь законодательно оформлять потребности правового развития общества. Эти потребности могут быть выражены путем референдумов, сформулированы в ходе общественной практики, в том числе судебной. Ярким проявлением такого господства права, порожденного и поддержанного общественной инициативой, явилась разработка Поправок к Конституции РФ, которые были вынесены на общероссийское голосование.

Антиподом господства права выступают произвол, хаос в жизни общества, или, как сейчас нередко говорят, — «беспредел». Чтобы этого не допустить, необходимо, прежде всего, рассматривать все вопросы общественной и государственной жизни с точки зрения права, с позиций закона, естественных прав человека. При этом чрезвычайно важно добиваться органического единства нравственных ценностей (добро, справедливость) с правовыми (равенство всех перед законом). Важнейшим условием при этом выступает наличие необходимых демократических процедур, способствующих как выражению воли народа в целом, так и защите прав и интересов отдельной личности.

С признаком господства права неразрывно

¹⁷ Ершов В.В. Статус суда в правовом государстве. М.: РПА, 1992.

связан и в значительной степени обусловлен им еще один исключительно-важный признак правового государства — *верховенство закона*. В соответствии с ним все государственные органы, должностные лица, коммерческие структуры, граждане обязаны подчиняться закону. При этом закон понимается не в широком смысле, когда он отождествляется с правом, с совокупностью всех нормативных актов, а только в строго юридическом смысле. Это значит, что законом следует считать только тот официальный письменный документ, который будучи принят народом или высшим представительным органом государственной власти в строгом соответствии с установленной процедурой по самым важным вопросам жизни общества и государства обладает верховенством в системе официальных источников права страны, высшей юридической силой и прямым действием для всех органов государственной власти и остальных адресатов на всей ее территории.

Соответственно важно учитывать два существенных момента, связанных с верховенством закона. Прежде всего, это выражается в том, что все остальные государственные органы, участвующие в той или иной степени или форме в правотворческой деятельности, должны строго руководствоваться законом, но ни в коем случае не «подправлять» его. К сожалению, сегодня законы подчас «тонут» в массе подзаконных и ведомственных актов, а также в нормативных актах, принимаемых субъектами Российской Федерации, которые подчас даже противоречат федеральным законам.

Вместе с тем верховенство закона распространяется не только на сферу правотворчества, связанную с деятельностью государственных органов, но и на его реализацию в повседневной практике каждого человека. Это обстоятельство имеет особое значение, так как, сколько бы ни хороши были законы, принятые государственными органами, их эффективность, в конечном

счете, зависит от общества, от того, насколько неукоснительно их соблюдают граждане.

В юридической литературе высказано весьма обоснованное мнение о том, что у верховенства права и законности значительное количество точек соприкосновения, по своему содержанию они во многом сходны — они определяют основы взаимоотношений государства и личности, охватывают процессы правотворчества и реализации, в том числе применения, права. Более того, если не ограничивать принцип законности подчинением только закону и, как отмечает В.В. Ершов, правовое государство рассматривать как государство, ограниченное в своей деятельности как «внешним» правом, прежде всего, основополагающими (общими) принципами международного и (или) национального права, специальными принципами и нормами права, выработанными в международных договорах и обычаях права, национальных нормативных правовых договорах и обычаях права, так и «внутренним» правом, содержащимся, например, в специальных принципах и нормах права, установленных, в частности, в национальных правовых актах, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права¹⁸, если распространить действие принципа законности на все субъекты права, то принцип верховенства права и принцип законности приобретут еще большую идентичность. Потому, полагаем, включение принципа законности в содержание верховенства права и последующее «растворение» его в нем даст возможность на правотворческом уровне определить понятие принципа верховенства права, уйти от узко-нормативного понимания права, ограничить именно правом деятельность государства, повысить эффективность работы судебных и правоохранительных органов, ответственность всех субъектов права.¹⁹

Следующий важный признак правового госу-

¹⁸ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 240.

¹⁹ Власова Т.В. Принцип законности в контексте верховенства права // Аграрное и земельное право. 2019. № 11 (178). С. 38.

дарства – *взаимная ответственность личности и государства*²⁰. Она проявляется, прежде всего, в том, что государство и личность обладают взаимными правами во взаимоотношениях между собой.

С одной стороны, государство вправе требовать от личности выполнения возложенных на нее обязанностей. Наиболее существенные из них закреплены в Конституции РФ. Например, соблюдать положения Конституции и предписания других законов, платить налоги, необходимые для содержания государственного аппарата, охранять окружающую среду, участвовать в защите государства от внешних посягательств на его территорию.

Но с другой – государство выступает обязанной стороной и несет ответственность перед личностью. Соответственно личность вправе требовать от государства точного выполнения взятых на себя обязательств. И, прежде всего, гарантированности закрепленных в Конституции РФ и других законах прав и свобод. Особое значение сегодня, в связи с возможными террористическими актами, приобретает обеспечение государством безопасности своих граждан. Важно также обеспечить правовую защищенность личности, восстановления в случае необходимости ее нарушенных прав и свобод.

Как уже отмечалось выше, в правовом государстве законодательно закрепляется также возможность граждан потребовать от государства соблюдения взятых на себя обязательств. Эту возможность превращает в действительность судебный порядок обжалования решений и действий государственных органов, а также право гражданина обратиться, при соблюдении некоторых

предварительных условий, за защитой своих прав и свобод в международные организации.

В контексте всего изложенного становится понятным распространенное в юриспруденции определение правового государства, в котором соединены в основном все перечисленные его признаки: «Правовое государство – это такое демократическое государство, в котором обеспечиваются господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и независимым судом, где признаются и гарантируются права и свободы человека, а в основу организации власти положен принцип разделения (обособления) властей».²¹

Необходимым условием и предпосылкой формирования и функционирования правового государства выступает также наличие в стране гражданского общества. Для России создание гражданского общества – важнейшее условие продвижения по пути экономических, социально-политических и правовых реформ, успешное осуществление которых будет свидетельством завершения переходного периода²².

Под гражданским обществом в современной литературе принято считать лежащую за пределами государства, политики сферу экономических, семейных, нравственных и других отношений, где реализуются интересы отдельных индивидов и их объединений, взаимоотношения товаропроизводителей и потребителей. Основными субъектами гражданского общества выступают личность, семья, церковь, различные негосударственные объединения²³.

Таким образом, под гражданским обществом понимается не государственно-политическая, а прежде всего социально-экономическая, частная

²⁰ Следует заметить, что впервые о взаимной ответственности личности и государства отечественные ученые заговорили еще задолго до конституционного обозначения России как правового государства. – См.: Чхиквадзе В.М. Личность и государство: взаимная ответственность // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 19-26. Однако значение этого признака правовой государственности не уменьшается, о чем свидетельствует переиздание этой статьи в юбилейном номере журнала «Государство и право» во 2-м номере за 2022 год.

²¹ Клименко А.В., Румынина В.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2006. С. 7.

²² См.: Мельникова М.В. Эволюция идей о гражданском обществе и правовом государстве и проблемы их реализации в России: монография. Саратов: Изд-во Самарского юрид. института ФСИН России, 2006.

²³ Смоленский М.Б. Гражданское общество в условиях Российского конституционализма: аспекты правовой культуры: монография. М.: ИКЦ «МарТ», 2003.

жизнедеятельность людей по удовлетворению их различных потребностей, возникающих и развивающихся в рамках закона²⁴. Это, прежде всего, состояние жизни общества, когда успешно, без препятствий реализуются интересы личности в условиях демократии, справедливости, свободы от произвола, каких-либо посягательств. В нем недопустимо принудительное навязывание того или иного образа жизни, тех или иных моделей поведения в повседневном общении.

Сказанное не означает отсутствие взаимодействия между гражданским обществом и государством. Напротив, между ними предполагается тесная и неразрывная связь, в которой определяющая роль принадлежит гражданскому обществу. Государство же призвано не препятствовать, а способствовать успешному и свободному развитию гражданского общества. В этой связи вмешательство государства в сферу гражданского общества, его регулирующая роль не могут носить всеобщий, тотальный характер. Напротив, она ограничивается созданием благоприятных условий для нормальной жизнедеятельности индивидов и их объединений, их активности и предприимчивости, реализации своих прав и свобод, удовлетворения разнообразных интересов. Особое внимание государство призвано уделять обеспечению свободной конкуренции, охране правопорядка, борьбе с преступностью. Возможно, поэтому термин «гражданское общество» встречается в тексте Конституции РФ всего один раз, в ст. 114, в которой указано, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики.

Гражданское общество может рассматриваться как предпосылка, необходимое условие, гарант правового демократического государства. Составляющие гражданское общество различные социальные группы, объединения призваны внимательно наблюдать за демократическими изме-

нениями, происходящими в их жизни, и не допускать выхода государства и его органов за пределы конституции, законов, принимать необходимые меры по предотвращению и противодействию антидемократическим тенденциям, превращения правового государства в свою противоположность – тоталитарное. С учетом сказанного нельзя не подчеркнуть роль и значение юристов в правовом государстве, развитии демократии, укреплении законности. Нельзя говорить о государстве как о правовом, если в нем принижена роль юристов. Необходимо также учитывать, что для профессиональных юристов характерно, прежде всего, участие в государственном управлении. А это дает основание рассматривать их в качестве важного подотряда управленческой интеллигенции. От состояния профессиональной подготовки юристов во многом зависит эффективность механизма правового регулирования, правотворчества, применения права, состояние законности и правопорядка, развитие демократических принципов правового государства.

Однако уверены, что для формирования правового государства требуется не низведение его до уровня ординарного демократического государства, а наоборот, уточнение и конкретизация его признаков, в первую очередь принципа приоритета права перед законом. С учетом практики государственно-правового строительства в России за последние тридцать лет описание правового государства необходимо дополнить как минимум двумя признаками: 1) распределение произведенных обществом материальных благ по справедливости; 2) реальное народовластие как гарант деятельности государства в строго правовом поле. И это показывает, что критерий – «правовое государство», даже с опорой на длительные правовые традиции, вряд ли способен послужить достаточным основанием для осуществления глобальной юридической типологизации национальных правовых систем. Становление правовой государственности в современных государствах продолжается, этот процесс сопряжен

²⁴ Кравцова Е.А. О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании // Конституционное и муниципальное право. 2021 № 2. С. 22.

с достаточно глубокими цивилизационными социально-экономическими, культурно-идеологическими и политико-правовыми сдвигами, а общественной жизни народов, выбирающих самостоятельный путь развития. Эти глобальные процессы не всегда вписываются в традиционные «западные» представления, в том числе и о правовой или демократической государственности. Об этом свидетельствует, например, совместное заявление от 4 февраля 2022 года, сделанное руководителями Китая и России: «Демократия

является общечеловеческой ценностью, а не привилегией отдельных государств, ее продвижение и защита — общая задача всего мирового сообщества. Демократия не строится по трафаретам. Народ вправе выбирать такие формы и методы реализации демократии, которые соответствуют специфике данного государства. Право судить о том, является ли государство демократическим, есть только у его народа»²⁵. Думаем, что это может в полной мере относиться и к представлениям о правовом государстве и его критериям.

* * * * *

Мы запланировали исследование данной проблематики задолго до современных событий, полностью перевернувших наши ориентиры во всех сферах жизни. Тогда казалось, что основные проблемы заключаются лишь в том, что надо в чем-то усилить профилактическую работу среди населения, более ответственно отнестись к проблемам юридической техники, а в целом — сосредоточиться на повышении правовой культуры всех субъектов в юридически значимых областях жизни. И — достижение идеала — правовой государственности в России — не за горами. Средства ясны — упрочение законности и повсеместное развитие демократических начал будут неизбежно способствовать дальнейшему продвижению нашей страны в правильном направлении.

Однако уже в условиях борьбы с пандемией коронавируса мир столкнулся с такими вызовами, поставившими под сомнение незыблемость многих утверждений прошлых лет, когда ради спасения жизни множества людей пришлось поступаться отдельными правовыми ценностями — свободой передвижения, тайной частной жизни, безусловной силы договора, неприкосновенности частной собственности и т.д. Но вслед за этой мировой бедой, которая обострила многие экономические, социальные, политические и иные проблемы, но не привела к единению человечества в борьбе с единым противником — смертоносной болезнью, пришла новая беда, иного рода. У границ нашей Родины возникла «раковая опухоль» в

лице возрожденного нацизма, угрожающая новыми бедствиями не только нашим соотечественникам, проживающим в ДНР и ЛНР, но и всячески подталкиваемому заокеанскими «доброжелателями» к прямому столкновению с тем народом, который уже один раз спас человечество от нацистской агрессии. Можно много рассуждать, могло ли быть иначе, могла бы наша страна по-прежнему оставаться безучастной к тому геноциду, который на протяжении 8 лет осуществлялся по отношению к русскому народу Донбасса и Луганщины, бесполезно взывая к соблюдению международной законности и обеспечению основных прав и свобод этих мирных людей. Но все пошло по другому сценарию, когда единственным аргументом становится метод прямых насильственных (военных) действий. Специальная военная операция, проводимая в интересах демилитаризации и денацификации территории ДНР и ЛНР, признанных Россией независимыми государствами, получила невероятную народную поддержку россиян и может считаться самым демократичным актом XXI века.

Означает ли это, что все, о чем говорилось в нашей статье, перестает быть важным и относящимся к реальной действительности? Дальнейшие события покажут. Но все же хотелось предложить свой прогноз — тяжелые времена, военные действия, экономические потрясения и прочие катаклизмы — неизбежные спутники человечества на протяжении тысячелетий. Но мудрые люди на этой земле не

²⁵ www.kremlin.ru (дата обращения 04.02.2022 г.).

допустить ее уничтожения и здравый смысл — победит. И тогда — опять начнутся поиски справедливого и правильного мироустройства, в ходе которых концепция правового государства обязательно покажется привлекательной. В ходе этих поисков можно уповать на Божий промысел. А можно — взять дело обустройства человеческой жизни в свои руки, попытаться создать на земле, как писал философ

В.С. Соловьев, хотя бы не Рай, а отсутствие Ада. И в этом нам сможет помочь только Право как искусство Добра и Справедливости, которое облагораживает государственность, делает ее полноценной и зрелой. А при опоре на поддержку народа, выражающего свою волю в законах, можно будет рассчитывать и на долгосрочный результат. Но это уже — другая история.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. Вып. 1. М.: Маркетинг, 1999. 292 с.
2. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. М.: РГУП, 2018. 619 с.
3. Краснов Э.В. Становление и развитие принципов правового государства в России: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Казань, 2021. 24 с.
4. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. Грядов А.В. 2-е изд, перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. 529 с.
5. Омельченко О.А. Идея правового государства: Истоки, перспективы, тупики. Очерк исторического комментария к современной политической мифологии. М.: Манускрипт, 1994. 140 с.
6. Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: учебное пособие. М.: НОРМА, 2014. 191 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Danilov S.Ju. Pravovye demokraticheskie gosudarstva: ocherki istorii. Vyp. 1. M.: Marketing, 1999. 292 s.
2. Ershov V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij: Monografija. M.: RGUP, 2018. 619 s.
3. Krasnov Je.V. Stanovlenie i razvitie principov pravovogo gosudarstva v Rossii: avtoref. dis. ... k-ta jurid. nauk. Kazan', 2021. 24 s.
4. Lezhe R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoj podhod / per. s fr. Grjadov A.V. 2-e izd, pererab. M.: Volters Kluver, 2010. 529 s.
5. Omel'chenko O.A. Ideja pravovogo gosudarstva: Istoki, perspektivy, tupiki. Ocherk istoricheskogo kommentarija k sovremennoj politicheskoj mifologii. M.: Manuscript, 1994. 140 s.
6. Shagieva R.V. Aktual'nye problemy prava: uchebnoe posobie. M.: NORMA, 2014. 191 s.

А.Д. СЕЛЮКОВ, Б.Г. БАДМАЕВ

Финансовая деятельность государства как основание формирования системы финансового права

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ роли финансовой деятельности государства в процессе развития системы финансового права. Дело в том, что предмет финансового права как сфера его проявления, а метод финансового права как способ воздействия на эту сферу не выступают достаточным основанием единства финансового права как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих между собой всех норм финансового права, способных эффективно обеспечивать цели государства, включая реализацию важнейших потребностей общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, правовая норма, финансы, финансовая деятельность, финансовое право.

СЕЛЮКОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия (e-mail: nauka-raa@mail.ru);

БАДМАЕВ БАТОР ГАЛБАДАРОВИЧ – старший преподаватель Российского государственного университета правосудия (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Объединение отдельных элементов финансово-правовой сферы в единую систему традиционно осуществляется на основе двух критериев: предмета и метода отрасли права, благодаря которым она выступает как взаимосвязанные между собой группы правовых норм, а также отграничивается от других сопредельных отраслей права. Но намного важнее то, что признак системности норм финансового права позволяет им не только в совокупности комплексно регулировать отношения в сфере финансов, а также взаимодополнять друг друга в процессе их применения, но и обеспечивать единство направленности регуляторного потенциала финансово-правовых норм на достижение целей государства как единого целостного субъекта, имеющего свою миссию.

Поскольку сами элементы финансового права как системного явления не обладают свойством субъектности по причине того, что выступают результатом деятельности социума в лице государства и его представителей. Поэтому о системе финансового права как динамичном явлении, обладающем признаком целостности, можно говорить только с учетом того, что все составные элементы финансового права одновременно выступают инструментами финансовой деятельности

государства и используются для достижения его целей в процессе воздействия на различные группы финансовых правоотношений публично-правовыми образованиями государства и их уполномоченными представителями. Следовательно, настоящее единство системы финансового права может проявляться только через направленное на достижение единой цели взаимодействие представителей государства, применяющих бюджетно-правовые, налогово-правовые, кредитно-правовые и иные составные элементы финансового права. Другими словами, единство норм финансового права как системное явление может в полном объеме состояться только при наличии единства финансовой деятельности государства.

Именно этот фактор обеспечения единства направленности регуляторного воздействия норм финансового права требует учитывать признаки предмета и метода финансового права во взаимосвязи с финансовой деятельностью государства, которое формирует единое финансово-правое поле, а также должную результативность правового регулирования финансовых отношений. Названный фактор единства оказался наиболее востребован в наши дни усиления внешней угрозы для российского общества. Его воздействие ска-

зывается на трансформации элементов предмета финансового права и характере проявления метода правового регулирования.¹

Сам предмет отрасли права как объект правового регулирования нормами финансового права за период развития финансово-правовой отрасли имел свою эволюцию: от включения в него отдельных взаимосвязанных между собой разновидностей правоотношений по поводу фондов денежных средств, необходимых для обеспечения потребностей государства, до включения в него дополнительно других групп правоотношений, объектом которых могут выступать помимо средств, сконцентрированных в фонды, другие деньги и иные финансовые инструменты публичной и частной форм собственности, но всегда инициированных уполномоченными субъектами государства и базирующихся на публично-правовом методе воздействия правовых норм.

Расширение сферы объекта правового регулирования нормами финансового права можно объяснить заменой социалистической экономики, когда централизованные и децентрализованные фонды денежных средств имели публичную по современной терминологии форму собственности, — капиталистической экономикой, что побудило государство включить в перечень своего финансово-правового воздействия новые виды объектов. Речь идет о появлении рынка ценных бумаг, о создании государственных внебюджетных фондов, об увеличении доли налогообложения в структуре доходов государства, о трансформации государственного кредита, о формировании рынка финансовых услуг и др. Некогда единый государственный бюджет трансформировался в бюджетную систему, что вызвало серьезные изменения в содержании бюджетного права.

Сказывается также влияние фактора усложнения

жизнедеятельности общества по причине роста значимости субъективного фактора, повышением уровня социальной активности практически всех слоев общества, а также процессов глобализации, цифровизации и других явлений, которые потребовали изменений в финансовых механизмах и их правовом обеспечении. В этих условиях потребовалось увеличить перечень объектов, на которые государство обязано было воздействовать в целях обеспечения единства интересов всего национального общества и формирования единого финансово-правового поля. Наибольшее влияние на порядок правового регулирования финансовых отношений оказали события текущего года, которые зафиксировали переход Россией рубикона от прежнего полузависимого положения к политике утверждения национальной самоидентификации, что предполагает утверждения финансового суверенитета, поворота направленности функционирования каждого элемента финансового права на обеспечение целей государства. В настоящее время активно идет поиск такого механизма государственного управления, при наличии которого государство будет проводить политику, максимально соответствующую ожиданиям и коренным интересам большинства населения. Прежде всего речь идет о повышении ответственности у органов публичной власти за надлежащий уровень обеспечения потребностей общества.

По нашему мнению, ключевую роль в трансформации финансового права, чтобы обеспечить безопасность страны и повышение ее экономического роста, важнейшей задачей должно стать внедрение в систему финансового законодательства категории публичных интересов как особого ориентира финансовой деятельности государства. Нельзя считать, что такой подход является принципиально новым в финансовом праве.² Но в современное

1. Об этом: 2.1. Понятие и значение финансовой деятельности государства для финансового права с. 38-43. См.: Актуальные проблемы финансового права: учебник / кол. авторов; под ред. А.Д. Селюкова, И.А. Цинделиани. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУСАЙНС, 2022. 584 с.

2. См.: Щекин Д.М. Категория интереса в налоговом праве // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 4. С. 46-56.; Публичные и частные интересы в финансовом праве: монография (рук-ль авт. кол-ва Е.И. Спектор). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. Если в доктринальной литературе публичные интересы упоминаются, то в законодательстве единственный случай определения названного понятия для применения в судебной практике по разрешению споров по сделкам назвал Верховный Суд РФ. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1

время, когда резко обострилась внешняя обстановка, стоит проблема сохранения отечества, необходимо конкретизировать целеполагание, чтобы с помощью финансово-правовых инструментов на всех направлениях и уровнях государственно-го управления должным образом реализовывать национальные интересы.

Недостаточное присутствие категории публичного интереса в финансовом праве находит свое объяснение в том, что законодатель и доктрина отрасли преимущественно представлена той сферой правового регулирования финансов, в рамках которой решаются процедурные вопросы. При подобном подходе потребность учитывать роль публичных интересов становится незначительной. При сосредоточении усилий на обеспечении процедурных вопросов, как правило, обеспечиваются проблемы установления правового статуса субъектов правоотношений, определения их прав и обязанностей, вопросы порядка реализации прав и обязанностей, меры ответственности за нарушение установленного порядка.³ По сути те же самые вопросы, но только при различии правового метода воздействия решаются и в гражданском праве, и в финансовом праве. Но, если в гражданском праве стороны правоотношений в своем интересе и в своей воле решают — вступать или нет в правоотношения и определяют их содержание, то в финансовом праве вопрос реализации интересов обеспечивается без указания на интересы. Они как бы подразумеваются, но нормами права не определяются. Поэтому для сферы правового регулирования на основе публично-правового метода всегда требуется определять перечень общих, публичных интересов, обеспечивающих целеполагание как способ указания направленности всего механизма правового регулирования

на достижение конкретных результатов. Поэтому, если ограничиться чисто процедурной частью финансово-правового регулирования отношений, где не будет решена проблема целеполагания, связи с удовлетворением потребностей общества, что и входит в содержание публичных интересов. Причем их содержание возможно только при условии расширения сферы финансово-правового регулирования помимо обеспечения процедурных вопросов еще и вопросов целеполагания, направленных на реализацию публичных интересов, что возможно только при учете роли финансовой деятельности государства.

В связи с изложенным можно разграничить традиционно понимаемую роль финансового права как отрасли права, что отражается в его сущности, и роль финансового права, предполагающей инициирование государством и его представителями в процессе их финансовой деятельности соответствующих правоотношений, направленных на достижение целей государства. Мы согласны с Е.Ю. Грачевой в том, что сущность финансового права неизменна и отражает следующие признаки: «это упорядочение, стабилизация и воспроизводство общественных отношений в сфере финансов, финансовой деятельности государства и муниципальных образований, осуществляемые в нормативной форме и охраняемые средствами государственного принуждения».⁴ Следуя логике вышеприведенной цитаты, можно отметить, что сущность финансового права отражает его правовую природу, является правовым инструментом в управленческой деятельности государства, показывает, как государство воздействует на финансовые отношения, чтобы упорядочить их, придать им правовую форму. Это способ придания урегулированным отношениям стабильного, относительно

◀ Гражданского кодекса Российской Федерации» дано определение публичных интересов как «интересы неопределенного круга лиц, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды».

3. Мы не отрицаем позитивную роль алгоритма правового обеспечения. Для выявления недостатков правового обеспечения и путей их устранения применительно к сфере функционирования финансов это имеет положительное значение. Однако нельзя не учитывать того, что сами финансы выступают всего лишь средством для достижения иных нефинансовых целей, что предполагает необходимость учета в процессе правового регулирования финансовых отношений показатели полученного результата вследствие использования финансовых средств.

4. Грачева Е.Ю. К вопросу о сущности финансового права // Вестник университета им. О.М. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 32.

постоянного характера. В добавление к этому миссия финансового права включает в себя все, что отражает его сущность и дополнительно включает в себя аспект целеполагания, увязывает финансовое право с задачами управленческой деятельности государства. На любом этапе развития финансового права такая миссия нацеливает государство с помощью финансово-правовых инструментов на решение стратегических, глубинных проблем национального общества.

Если понятие сущности финансового права отражает его способность юридизировать финансовые отношения, определить статус их субъектов, порядок их деятельности и ответственность за нарушения предписанного порядка, то учет миссии названной отрасли права придает его правовым нормам нацеленность на достижение социального результата. Исходя из сказанного, следует считать понятие миссии финансового права шире, чем понятие сущность финансового права.

Таким образом, если сущность финансового права связана с этой отраслью как совокупностью правовых норм – правовым явлением, то миссия финансового права, сохраняя его сущностные аспекты, дополнительно учитывает финансовую деятельность государства. Оправданность такого толкования вытекает из того факта, что финансовая деятельность государства является причиной появления правовых норм и реализуется в процессе всего периода функционирования правоотношений, является проявлением воли государства, в свою очередь направленной на реализацию сущности государства.⁵

Исходя из сказанного, миссия финансового права реализуется государством в процессе его финансовой деятельности, которая в свою очередь выступает как управленческая деятельность, нацеленная на получение с помощью финансово-правового механизма регулирования на получение конкретных результатов. Об этом же применительно к налоговой сфере Н.И.Тургенев в работе «Опыт теории налогов» указывал, что «налоги суть

средства к достижению цели общества или государства, т.е. той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество или при составлении государств».⁶ Другими словами, определение статуса субъектов и порядка их деятельности недостаточно, дополнительно требуются меры к указанию и последующему достижению целей государства и общества. Миссия финансового права указывает не только на роль и функции финансового права, которые в процессе генезиса названной отрасли имели некоторые изменения, но самое главное – она отражает причинную взаимосвязь отрасли права, самый смысл его существования как правового инструмента государства по обеспечению существования и развития национального общества в границах государства.

Чтобы осуществить анализ финансового права через призму выявления его миссии, требуется расширить проблематику рассмотрения финансового права: не просто выявить особенности регулируемых отношений и характер воздействия правовых норм, но дополнительно учесть влияние ряда внешних факторов, вследствие чего меняется само финансовое право как совокупность правовых норм. К таковым факторам можно отнести состояние национальной безопасности, задачу сохранения народонаселения, решение экологических проблем и др. Поэтому следует учитывать в процессе исследования финансового права не только особенности правовых инструментов регулирования отношений, но также состояние финансовых объектов и имеющихся в обществе и государстве потребностей, для обеспечения которых предназначены финансы. Конечно, такой подход предполагает определенный выход за пределы традиционного правового поля правовых исследований.

С учетом сказанного значительно усложнился перечень задач и направлений деятельности государства в сфере финансов. Так, например, от государства для активизации инвестиций потребовались не только меры по осуществлению инвестиций из публичных по форме собственности

5. Селюков А.Д. Финансовая деятельность государства как категория финансового права // Государство и право. 2016. № 4. С. 73-80.

6. Тургенев И.Н. Опыт теории налогов. Золотые страницы финансового права России. Т. 1. М., 1998. С. 129.

источников, но также меры по стимулированию инвестиций за счет частных источников. В целом государство все чаще обязано принимать меры по защите интересов национального бизнеса от его иностранных конкурентов, а также поддержки отечественных предпринимателей в условиях экономического кризиса и санкционного давления. В этом случае в обобщенной форме частные интересы представителей бизнеса, иных социальных групп совпадают с публичными интересами всего национального общества, поэтому государство берет на себя заботу о них.

Второй критериальный показатель отрасли финансового права — публично-правовой метод для целей правового воздействия на финансовые отношения выступает не только критерием отграничения друг от друга отраслей права как больших массивов правовых норм, но способом реализации воли государства в финансовой сфере, обусловленной сущностью государства, особенностями форм его проявления и конкретным содержанием его деятельности в названной сфере. Сущность государства как определенное его свойство, раскрывающее причины его появления и особенности его функционирования, проявляется в характере публичной власти, степени его суверенности, формах и методах реализации власти, отражает его предназначение — быть формой политической организации общества в его территориальных границах и одновременно быть основным организатором и орудием самосовершенствования национального общества. В свою очередь, сущность государства в сфере финансов реализуется в выборе форм, методов и направленности деятельности государства, иными словами, в финансовой деятельности государства.

На основе сказанного финансовая деятельность государства есть непрерывное проявление его воли вовне, набор определенных действий, предпринимаемых уполномоченными субъектами государства по реализации сущности государства с учетом

особенностей объектов государственного воздействия.⁷ При таком понимании причинная связь в появлении потребности у государства применения к финансовой сфере норм финансового права выглядит следующим образом: вначале перед государством возникает проблема проявить свою активность и осуществить комплекс действий по применению каких-либо финансовых инструментов (установить налоги, определить порядок банковской деятельности, создать инфраструктуру и установить порядок обращения денег и т.д.); затем, в зависимости от характера направленности интересов субъектов, на которых государство воздействует финансовыми инструментами, его уполномоченные представители обязывают их публично-правовыми нормами совершить определенное деяние в интересах государства.

При таком понимании в перечень отдельных видов финансовой деятельности государства входят все виды того или иного участия государства в отношениях, объектом которых являются публичные и частные финансы и иные финансовые инструменты. Так, участие уполномоченных субъектов государства в гражданско-правовых отношениях по поводу финансов есть разновидность финансовой деятельности государства, где его представители призваны обеспечивать интересы государства, используя метод юридического равенства. Таковым примером могут стать многочисленные случаи купли товаров, работ и услуг за счет бюджетных средств. Финансовая деятельность государства в этих случаях распространяется на действия уполномоченных субъектов по поводу принятия решения о покупке, осуществления подготовительных мер по поводу заключения соответствующей сделки, проведению контроля за правомерным и эффективным расходованием средств на закупки. В указанных видах деятельности уполномоченными субъектами государства применяются нормы права как минимум трех отраслей права: финансового, гражданского и административного,

7. Исторически впервые словосочетание «финансовая деятельность государства» встречается у В.А. Лебедева, который указывал на две ее формы: публичную, обеспечивающую бюджетную сферу, и договорную, в ходе которой казна заключала сделки с частными лицами на принципах юридического равенства. — См.: Лебедев В.А. Финансовое право: лекции. СПб., 1882. С. 121.

которые регулируют отношения комплексного правового института госзакупок. Разумеется, к отрасли финансового права должен быть отнесен институт бюджетного права, включающий в себя нормы права, регулирующие порядок выделения на совершение закупок средств из бюджета, закрепление их за уполномоченным совершать соответствующую сделку и осуществлению соответствующего контроля.

Но там, где нет возможности обеспечивать интересы государства с использованием механизмов сделок, там государство применяет властный метод, предполагающий одностороннее воздействие на поведение и волю другого субъекта.⁸

Наукой финансового права в настоящее время недостаточно разработаны критерии применения финансово-правовых норм, базирующихся на властном методе в ряде случаев, которые традиционно регулировались нормами гражданского права. Например, отношения в сфере ценообразования. Национальное законодательство чаще всего ориентировано на установление цен на товары, работы, услуги посредством механизма спроса и предложения, где каждый в своей воле и в своих интересах совершает сделку. Однако нередко

возникают ситуации, когда угроза жизненным интересам граждан и органы государства обязаны вмешиваться в процесс ценообразования с целью ограничения верхней планки цен. Такая ситуация была при сильном задымлении в Москве и необоснованно повышении аптеками масок для дыхания в 2010 году, именно тогда Президент Медведев потребовал от Генерального прокурора РФ принять меры по снижению цен. Всякий раз, когда возникала угроза общим интересам, у государства возникает потребность административного вмешательства.

Таким образом, роль категории финансовой деятельности государства для определения свойств отрасли финансового права можно сравнить с теорией государства и права, которая предопределяет правовые особенности финансового права, равно как и других отраслей права. Финансовая деятельность государства в силу того, что предполагает не только иницилирующую роль представителей государства в процессе возникновения, изменения и прекращения финансовых правоотношений, но также придает им целевую содержательную направленность, что в конечном счете обеспечивает системность финансового права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грачева Е.Ю. К вопросу о сущности финансового права // Вестник университета им. О.М. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 26-32.
2. Лебедев В.А. Финансовое право: лекции. СПб.: Типо-литография А.М. Вольфа, 1882. Т. 1. [Вып. 1]. 359 с.
3. Тургенев И.Н. Опыт теории налогов. Золотые страницы финансового права России. Т. 1. М., 1998. 176 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gracheva E.YU. K voprosu o sushchnosti finansovogo prava // Vestnik universiteta im. O.M. Kutafina (MGYUA). 2020. № 9. S. 26-32.
2. Lebedev V.A. Finansovoe pravo: lekicii. SPb.: Tipolitografiya A.M. Vol'fa, 1882. T. 1. [Vyp. 1]. 359 s.
3. Turgenev I.N. Opyt teorii nalogov. Zolotyie stranicy finansovogo prava Rossii. T. 1. M., 1998. 176 s.

⁸ Селюков А.Д. Учет диалектики публичных и частных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Публичное право сегодня. 2016. № 1.

Р.В. ШАГИЕВА, Н.Н. КОСАРЕНКО, Ю.М. САРАНЧУК, А.В. ФИЛИППОВА

Развитие финансово-правового регулирования в сфере операций с криптовалютой в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. Рынок криптовалют развивался хаотично и с беспрецедентной скоростью в течение своего короткого срока службы. С момента выпуска пионерской анархической криптовалюты «биткойн» для широкого пользования было разработано более 550 криптовалют, большинство из которых имели лишь небольшой успех. Исследований в этой отрасли по-прежнему мало. Большая их часть сосредоточена исключительно на биткойне, а не на более разнообразном распространении криптовалют, и его неуклонно опережают динамичные разработки в отрасли, включая новые монеты, технологический прогресс и усиление государственного регулирования рынков криптовалют. Хотя текучесть отрасли, по общему признанию, представляет собой проблему для исследований, необходима тщательная оценка индустрии и возможностей регулирования криптовалют в целом.

На основе проведенного исследования авторы статьи пришли к выводу о том, что развитие финансово-правового регулирования закономерно приводит законодателя к признанию криптовалюты имуществом в целях налогообложения, что автоматически повлечет обязанность по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость в отношении операций по реализации криптовалюты, НДС с применением имущественного вычета, налога на прибыль организации в части определения суммы доходов от реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, цифровая экономика, право, цифровые объекты, криптовалюта, правовое регулирование.

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: shagsas@mail.ru);

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: Nkosarenko@yandex.ru);

САРАНЧУК ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: nauka-raa@mail.ru);

ФИЛИППОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Стремительно развивающийся процесс цифровизации ставит перед юридической наукой вопросы о правовой природе новых цифровых объектов. Нужно отметить, что замена материальной формы объекта на цифровую форму не является совершенно новым явлением. Примером тому могут служить безналичные деньги и безналичные расчеты, бездокументарные ценные бумаги. Однако все указанные объекты на момент их возникновения в правовом поле имели и сохраняли материальные (вещественные) аналоги, а потому правовое регулирование отношений с их использованием выстраивалось на основе соответствующих дополнений

существовавшего правового режима, отражающих особенности обновленной формы.

В настоящее время многие цифровые объекты не имеют вещественных аналогов, обладают новым составом признаков и свойств, создают возможность новых общественных отношений, новых сценариев взаимодействия их участников. Примером такого принципиально нового информационного объекта является криптовалюта, которая в российском законодательстве именуется цифровой валютой.

Категория «валюта» в данном случае не указывает на присущие цифровой валюте видовые свойства привычных фиатных денег в налич-

ной или безналичной форме. Представляется, что «валюта» как категория применяется в данном случае условно, прежде всего потому, что в России цифровая валюта не эмитируется Банком России, не является денежной единицей Российской Федерации, а использование ее в качестве средства платежа является предлагаемым или возможным.

Характеризуя цифровую валюту как объект правовых отношений, можно выделить следующие ее признаки:

- отсутствует физическая форма представления;
- генерируется в результате вычислительного процесса (майнинга);
- для функционирования используются криптографические алгоритмы;
- анонимность использования;
- трансграничность передачи;
- является средством платежа;
- является финансовым активом;
- наличие механизма взаимной передачи с децентрализованной эмиссией и системой учета.

При этом с экономической точки зрения вполне очевидно, что совершение операций с цифровой валютой способно принести ее обладателю существенные экономические выгоды. В связи с этим у государства возникает естественный фискальный интерес в отношении операций с подобными объектами. Безусловно, вопрос налогообложения не является первым в перечне задач по правовому обеспечению общественных отношений, возникающих с использованием цифровой валюты.

Эксперты практически единогласно отмечали, что правового решения требует прежде всего задача предупреждения и пресечения новых форм преступности, в том числе использования возникающих экономических выгод для финансирования преступной деятельности, задача обеспечения безопасности государства.

Предпринимательское сообщество в свою очередь оценивало перспективность использования новых видов активов как новую ступень финансового развития, новые возможности для инвестирования, ускорение процессов обмена финансовой информацией, снижение издержек. Так, М.А. Егорова и Л.Г. Ефимова характеризуют криптовалюту как революционное явление цифровой экономики, которое одновременно вызывает значительный интерес у частного сектора и серьезное беспокойство со стороны публичных структур¹.

Криптовалюта и общественные отношения с ее применением неоднократно выступали предметом научных исследований изначально в сфере технических и экономических наук, незначительно – в юридической сфере. Первостепенная задача юридической науки состояла в решении вопроса о возможности применения действующих правовых механизмов к новым общественным отношениям, степени их адаптации, перспективная задача видится в необходимости формирования новой, учитывающей национальный и зарубежный опыт, модели правового регулирования.

Интерес в связи с этим вызвала публикация Е.В. Кудряшовой², в которой выработаны три подхода к регулированию криптовалюты: негативный, прогрессивный или нейтральный, отмечая при этом, что финансово-правовое регулирование начинается с отношения законодателя к регулируемому явлению. Признавая объективность возникновения криптовалюты и ее способность содействовать позитивному развитию финансовых отношений, автор выразила идею легализации криптовалюты в российском обороте.

В то же время в юридической среде высказывались и обоснованные опасения, связанные с применением криптовалюты в качестве средства платежа как нового средства совершения

1. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 132.

2. Кудряшова Е.В. Криптовалюты в правовом поле // *Финансы и кредит*. 2018. № 10 (778). С. 2179.

преступлений. Такая позиция была представлена в трудах многих авторов. Например, А.А. Коренная, Н.В. Тыдыкова³ отмечали практическую необходимость признания криптовалюты в качестве предмета хищений, при этом выступая за дополнения российского законодательства в части определения правового статуса криптовалют. В.В. Дорофеева, Л.А. Каверзина, Д.В. Жмуров, Т.Г. Краснова, В.И. Бураков указывали на необходимость принятия мер по предотвращению использования криптовалюты для финансирования преступной деятельности и терроризма, склоняясь при этом в выработке благоприятного режима регулирования рынка криптовалют посредством имплементации лучших мировых практик⁴.

Некоторые авторы, такие как С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Березкин, Я.А. Суходолов⁵, выступали с поддержкой идеи не только определения правового режима криптовалют, но и отнесения деятельности в сфере оборота криптовалют к видам деятельности, подлежащим лицензированию, а также разработки международных стандартов противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма, создание базы данных о криптопреступлениях. Перспектива лицензирования деятельности, связанной с обращением цифровых валют, требует разработки перечня лицензионных требований, и здесь видится участие не только Центрального банка Российской Федерации как потенциального лицензирующего органа, но и Минцифры России и Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России), как регуляторов в сфере использования цифровых валют.

Предтечей в развитии изучения криптова-

лют и биткойна, в частности, стал японский специалист Сатоши Накамото, который в 2008 выпустил статью под названием «Биткойн: одноранговая электронная валютная система», где предложил термин «биткойн» как одноранговую цифровую валюту с открытым исходным кодом, впервые предложенная в белой Накамото начинает свою статью с заявления о том, что «торговля в Интернете стала полагаться почти исключительно на финансовые учреждения, выступающие в качестве доверенных третьих сторон для обработки электронных платежей. Хотя система работает достаточно хорошо для большинства транзакций, она все еще страдает от присущей модели, основанной на доверии, слабости»⁶.

Кроме того, наличие надежного посредника увеличивает транзакционные издержки, «отсекая возможность для небольших случайных транзакций». Кроме того, Накамото утверждает, что доверенные посредники вынуждены собирать как можно больше информации о сторонах, чтобы контролировать транзакционные издержки. Следовательно, Накамото стремился создать монету, которая полностью устранила бы любую доверенную центральную власть и заменила принцип доверия криптографическим доказательством. Японский специалист отмечает, что такая система будет иметь дополнительные преимущества в виде низких комиссий за транзакции, низкой задержки (время совершения транзакций) и псевдоанонимности.

В работе Престона Миллера «Загадка криптовалюты» отмечается, что ключевыми характеристиками криптовалюты являются два элемента – это децентрализация и, как следует из названия, технология криптографии. Когда валюта децентрализована, она не контролиру-

3. См. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 408-415.

4. Дорофеева В.В., Каверзина Л.А., Жмуров Д.В., Краснова Т.Г., Бураков В.И. Криптовалюты: легальные и криминально-теневые аспекты оборота // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. С. 891.

5. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Березкин Ю.М., Суходолов Я.А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 91.

6. Satoshi Nakamoto (2008) Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. [Online]. <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.

ется одним субъектом. Биткойны, как отмечает автор, выпускаются в качестве побочного продукта при проверке пакета транзакций. Проверка происходит с использованием вычислительных мощностей определенных пользователей в Сети. Эта и другие функции создают валюту, которая разделяется между ее пользователями, и является одной из причин, по которой у биткойна много страстных последователей. Миллер отмечает, что такие особенности затрудняют принятие криптовалют правительством, поскольку контроль находится вне их рук. Еще одним аспектом криптовалют является встроенная реализация криптографии в их дизайне. Для биткойна это проявляется в форме криптографии с открытым ключом, также известной как асимметричное шифрование. Асимметричное шифрование использует закрытый и открытый ключи, позволяя создавать цифровую «подпись», которая может использоваться для авторизации транзакций⁷.

Важнейшее значение в контексте темы нашего исследования имеет работа коллектива европейских авторов Робби Хубена и Александра Снейрса «Криптовалюты и блокчейн», подготовленная при поддержке Европарламента (ЕС) в 2018 году. Голландские специалисты отмечают, что все больше и больше регулирующих органов беспокоятся о преступниках, которые все чаще используют криптовалюты для незаконной деятельности, такой, как отмывание денег, финансирование терроризма и уклонение от уплаты налогов. Проблема действительно существенна: несмотря на то, что полный масштаб злоупотребления виртуальными валютами неизвестен, их рыночная стоимость может превышать 7 миллиардов евро по всему миру.

В исследовании Хубена и Снейрса подробно рассматривается это явление, основное внимание уделяется использованию криптовалют для финансовых преступлений, отмывания денег и уклонению от уплаты налогов. В работе отмеча-

ется, что ключевой проблемой, которую необходимо решить, является анонимность, связанная с криптовалютами. Эта анонимность, варьирующаяся от полной анонимности до псевдоанонимности, препятствует надлежащему мониторингу транзакций с криптовалютами, позволяя теневым транзакциям происходить за пределами «нормативного периметра», а преступным организациям использовать криптовалюты для получения легкого доступа к так называемым «чистым деньгам». Анонимность также является основной проблемой, когда речь заходит об уклонении от уплаты налогов. Когда налоговый орган не знает, кто заключает налогооблагаемую сделку из-за связанной с этим анонимности, он не может ни обнаружить, ни санкционировать это уклонение от уплаты налогов⁸.

Голландские специалисты также отмечают, что существующая европейская правовая база не в состоянии решить эту проблему. Просто не существует правил, раскрывающих анонимность, связанную с криптовалютами. Однако ситуация постепенно меняется. В 2018 году состоялся пятый пересмотр Директивы ЕС по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, AMLD5.

Позднее власти ЕС еще раз пересмотрели существующую директиву и внесли правки (AMLD6), в результате в январе 2021 года обновленная директива вступила в силу. Данный документ включает определение виртуальных валют и подчиняет услуги обмена виртуальных валют и поставщиков кошельков-хранителей требованиям должной осмотрительности клиентов и обязанность сообщать о подозрительных операциях подразделениям финансовой разведки. Полученная информация также может быть использована налоговыми органами для борьбы с уклонением от уплаты налогов. В результате в ЕС криптовалюту рассматривают как «цифровую форму стоимости, которую можно передавать, хранить или продавать в цифровом виде, и кото-

7. Miller P. The cryptocurrency enigma / Digital Forensics, 2016.

8. Robby Houben and Alexander Snyers (2018) Cryptocurrencies and blockchain / EU Parliament Study.

рую можно принимать или обменивать».

Согласно AMLD6⁹, криптовалюты и их биржи подпадают под действие того же режима AML/CFT, который применяется к работе всех финансовых учреждений. Сюда входит обязательное проведение надлежащей проверки клиентов и информирование соответствующих органов о подозрительной активности. AMLD6 усиливает требования к отчетности, что дает возможность подразделениям финансовой разведки (FIU) получать информацию об адресах и лицах, владеющих криптовалютой, тем самым нивелируя ранее часто используемую в преступных целях анонимность. AMLD6 также вводит обязательную регистрацию в соответствующих органах по месту нахождения для поставщиков услуг криптовалютных кошельков (wallets).

Наконец, хотелось бы также упомянуть достаточно обстоятельную работу коллектива специалистов Европарламента Т. Китинга, Д. Карлисла и Ф. Кина «Виртуальные валюты и финансирование терроризма»¹⁰. Авторы отмечают, что виртуальные валюты (VCS) представляют собой новые инновационные технологии, которые позволяют осуществлять цифровые транзакции и предоставлять финансовые продукты и услуги в новых онлайн-сетях, средах и на рынках. Следовательно, некоторые наблюдатели считают виртуальные валюты важными для усиления конкуренции в сфере платежных услуг, расширения доступа к финансовым услугам и повышения эффективности и скорости трансграничной передачи стоимости.

Как и другие финансовые продукты и услуги, криптовалюты обладают функциями, которые создают риски для содействия преступности, включая отмывание денег и финансирование терроризма. Авторы исследования отмечают, что безграничный, одноранговый (P2P) характер некоторых виртуальных валют открывает терро-

ристическим субъектам возможность переводить средства за пределы регулируемого сектора и за пределы компетенции органов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Криптовалюты также имеют различные уровни анонимности и псевдоанонимности, что может позволить скрыть незаконную деятельность. Случаи незаконного использования криптовалют в киберпреступности и на зашифрованных рынках «Темной сети Интернета» (Darknet) хорошо документированы. Однако по-прежнему существует лишь небольшое число публично задокументированных и подтвержденных случаев финансирования терроризма с участием криптовалют.

С 2019 года научные исследования отношений с использованием криптовалюты стали приобретать более прикладной характер со стороны публичной власти, научного и общественного сообщества были достигнуто понимание концептуальных подходов к регулированию нового для права объекта. Исследованы перспективы правового регулирования применения технологии блокчейна в государственном управлении, разработаны и обоснованы проекты нормативных правовых актов в части комплексного регулирования рассматриваемых отношений. Наиболее значимые правовые научные исследования регулирования отношений с криптовалютой проводились такими учеными, как И.И. Кучеров, который выразил в своем монографическом труде мнение и рекомендацию законодателю воздержаться от масштабной трансформации российского законодательства и необходимости организации экспериментального локализованного режима регулирования и использования криптовалюты, а также предложения по системному, но точечному совершенствованию российского финансового законодательства¹¹. Интерес вызывает и исследование А.А. Ситника, в котором автор пришел к выводу

⁹ Directive (EU) 2018/1673 on combatting money laundering by criminal law – 6AMLD.

¹⁰ Keatinge, T., Carlisle, D., and Keen, F., "Virtual currencies and terrorist financing: assessing the risks and evaluating responses", study commissioned by the Directorate General for Internal Policies, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, May 2018, 87p.

¹¹ См. Кучеров И.И. Криптовалюта: (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М.: Центр ЮрИнфоР, 2018. 203 с.

о том, что в качестве предпосылки возникновения криптовалюты выступает факт осуществления государственного контроля за обращением безналичных денег и электронных денежных средств¹². Тем не менее научная разработанность вопросов применения криптовалюты на сегодняшний день остается все еще недостаточной. Несмотря на определенные результаты научных исследований, ученым еще предстоит выработать конкретные правовые меры обеспечения этих отношений в обществе и государстве, основываясь на междисциплинарном подходе.

В октябре 2020 года Банком России был опубликован доклад для общественных консультаций,¹³ посвященный оценке возможностей и перспектив выпуска цифровой формы российской национальной валюты — цифрового рубля. Предполагается поэтапное введение цифрового рубля: оценка возможностей и перспектив введения цифрового рубля; определения концепции цифрового рубля с учетом общественных консультаций; пилотирование цифрового рубля на ограниченном круге пользователей и разработка платформы цифрового рубля. После введения цифрового рубля единая система денежного обращения будет объединять три формы российского рубля — наличную, безналичную и цифровую.

В апреле 2021 года была представлена подготовленная Банком России Концепция цифрового рубля (далее — Концепция),¹⁴ включающая описание целевой модели цифрового рубля, анализ влияния введения цифрового рубля на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность, а также этапы реализации прототипа платформы цифрового рубля.

Как наиболее целесообразную Концепция рас-

сматривает двухуровневую розничную модель цифрового рубля как наиболее доступную для граждан и бизнеса. Согласно данной модели, цифровой рубль представляет собой уникальные цифровые коды (токены), находящиеся в цифровых кошельках клиентов на платформе цифрового рубля. Цифровой рубль определен как обязательство Банка России. Первый уровень представлен Банком России, который является оператором платформы и эмитентом цифрового рубля. На втором уровне модели представлены финансовые организации и Федеральное казначейство.

В целях безопасности проводимых операций планируется разработка программного модуля, который будет встраиваться в мобильное приложение финансовых организаций и обеспечивать взаимодействие платформы цифрового рубля с клиентом для подтверждения выполнения действий при открытии и пополнении кошелька, переводе средств.

Проблема совершенствования налогового законодательства в контексте новых, порожденных цифровизацией, объектов возникла как следствие фактического использования или правового признания таких объектов в гражданском обороте, принятия соответствующих дефинитивных норм и введения системы требований к действиям участников общественных отношений по поводу цифровых объектов, в частности, цифровой валюты.

В Федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁵ было предусмотрено внесение в ряд федеральных законов изменений в части регулирования обо-

¹² См. Ситник А.А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации: дис. ...д-ра юрид. наук: М., 2020. 506 с.

¹³ Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года) (утв. Банком России) // Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

¹⁴ Концепция цифрового рубля (подготовлена Банком России) // URL: <http://www.cbr.ru/> по состоянию на 08.04.2021.

¹⁵ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

рота криптовалют и проведения ICO, определения статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий. Изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации¹⁶ (далее – НК РФ) были запланированы для достижения следующего результата: установление требований к «организации и осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределенных реестров, включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность, а также определение порядка ее налогообложения».

Несмотря на поставленные сроки, ряд ключевых понятий получил правовую определенность лишь в 2019 году, а дефинитивная норма о цифровой валюте вступила в силу с 1 января 2021 года. Вопросы о возникновении и исполнении налоговой обязанности в связи с обладанием цифровой валютой и (или) совершением операций с ней на практике возникали значительно раньше, советуемые запросы направлялись в ФНС России уже в 2017 году.

Первыми разъясняющими актами по этим вопросам в части исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) стали письма Министерства финансов России (далее – Минфин РФ) от 13 октября 2017 года¹⁷ и 17 мая 2018 года¹⁸, в которых ведомство уточняло, что какой-либо специальный порядок налогообложения для данного случая законодательно не определен, и физическим лицам следует руководствоваться общими положениями налогового законодательства о понятии «доход», закрепленном в статье 41 НК РФ, и понятии «материальная выгода», раскрытом в статье 212 НК РФ. При этом, по мнению Минфина РФ, при исчислении дохода по операциям с криптовалютой нет оснований применять освобож-

дение от налогообложения на основании пункта 17.1 НК РФ, установленное в отношении продажи иного имущества, находившегося в собственности физического лица от трех лет. Основанием такой позиции являлась неопределенность криптовалюты с точки зрения наличия или отсутствия у нее свойств имущества в целях налогообложения. В течение последующих двух лет было издано порядка десяти аналогичных разъяснений.

Впервые основания для применения имущественного налогового вычета при исчислении НДФЛ по доходам от купли-продажи криптовалюты Минфин РФ усмотрел в 2017 году¹⁹, руководствуясь общим принципом о толковании неустрашимых сомнений в пользу налогоплательщика, хотя криптовалюта на тот момент по-прежнему не получила правовой определенности и не была наделена налоговым законодательством свойствами имущества.

По вопросу об исчислении и уплаты налога на прибыль организаций Минфин России в феврале 2022 года²⁰ при отсутствии специальных правовых норм рекомендовало руководствоваться общей логикой положений главы 25 НК РФ и учитывать доходы по операциям с криптовалютой, в частности с биткоинами, в общем порядке.

С момента вступления в силу Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹ установлен правовой запрет на применение цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иные способы, позволяющие предполагать оплату цифровой валютой

¹⁶ Российская газета. 1998. 6 августа; Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

¹⁷ Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

¹⁸ Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

¹⁹ Письмо Минфина России от 13.10.2017 № 03-04-05/66994 // Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

²⁰ Письмо Минфина России от 10.02.2022 № 03-04-05/9243 // Документ опубликован не был / URL: www.consultant.ru.

²¹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения – 31.07.2020).

товаров (работ, услуг). Исследователи стали все больше сходиться во мнении, что цифровая валюта может быть отнесена к имуществу.

В настоящий момент в Гражданском кодексе Российской Федерации по-прежнему нет упоминаний о цифровой валюте, ее месте в системе объектов гражданских прав. И здесь следует обратить внимание, что Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²² внес изменения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²³ и в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»²⁴ в части признания цифровой валюты имуществом для отношений в регулируемой предметной области. Категория «имущество» неразрывно связана с категорией «собственник». Принимая во внимание нематериальную природу информационных объектов, к которым относится цифровая валюта, обратимся к положениям Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁵.

Предметная область регулирования рассматриваемого закона включает в себя область использования информационных технологий, т.е. в том числе и технологий, связанных с обращением цифровых валют. Указанный федеральный закон ввел понятие «обладатель информации», имея цель использовать аналогию с гражданско-правовой категорией «собственник», учитывая при этом «правомочия обладателя в

отношении конкретной информации решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами»²⁶.

В этой связи немаловажным является вопрос, связанный с установлением обладателя цифровой валюты в целях налогообложения. Речь идет о том, что «само по себе наличие у конкретного лица доступа к информации не означает, что данное лицо становится ее обладателем, т.е. что оно вправе совершать в отношении этой информации действия, являющиеся прерогативой обладателя информации»²⁷.

Структурная трансформация экономики предусмотрена в числе целей и задач бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021–2023 годы и предполагает в качестве самостоятельного мероприятия урегулирование вопросов налогообложения цифровой валюты и налогового контроля за ее оборотом²⁸.

Цифровая валюта как явление цифровой экономики, продолжительно существовавшее в условиях правовой неопределенности, лишь недавно приобрело свою российскую дефиницию, весьма вероятно, будет классифицировано в системе привычных групп объектов именно налоговым законодательством. Признание криптовалюты имуществом в целях налогообложения автоматически повлечет обязанность по исчислению и уплате налога на добавленную стоимость в отношении операций по реализации криптовалюты, НДС с применением имущественного вычета, налога на прибыль организации в части определения суммы доходов от реализации.

22. Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения – 31.07.2020).

23. Российская газета. 2002. 2 ноября.

24. Российская газета. 2007. 6 октября.

25. Российская газета. 2006. 29 июля.

26. Плотникова Т.В., Харин В.В. Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 53.

27. Сидоренко Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 137.

28. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России) // Документ опубликован не был // URL: www.consultant.ru.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дорофеева В.В., Каверзина Л.А., Жмуров Д.В., Краснова Т.Г., Бураков В.И. Криптовалюты: легальные и криминально-теневые аспекты оборота // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. С. 884-894.
2. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex russica. 2019. № 7. С. 130-140.
3. Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Березкин Ю.М., Суходолов Я.А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С.85-93.
4. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 408-415.
5. Кудряшова Е.В. Криптовалюты в правовом поле // Финансы и кредит. 2018. № 10 (778). С. 2175-2183.
6. Кучеров И.И. Криптовалюта: (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М.: Центр ЮриИнфоР, 2018. 203 с.
7. Плотникова Т.В., Харин В.В. Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 50-54.
8. Сидоренко Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 129-137.
9. Ситник А.А. Правовое регулирование финансового контроля и надзора в сфере денежного обращения в Российской Федерации: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2020. 506 с.

**ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ**

1. Dorofeeva V.V., Kaverzina L.A., Zhmurov D.V., Krasnova T.G., Bura-kov V.I. Kriptovaljuty: legal'nye i kriminal'no-tenevye aspekty obo-rota // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. № 6. S. 884-894.
2. Egorova M.A., Efimova L.G. Ponjatie kriptovaljut v kontekste so-vershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva // Lex russica. 2019. № 7. S. 130-140.
3. Ivancov S.V., Sidorenko Je.L., Spasennikov B.A., Berjzkin Ju.M., Suhodolov Ja.A. Prestuplenija, svjazannye s ispol'zovaniem kriptovalju-ty: osnovnye kriminologicheskie tendencii // Vserossijskij kriminolo-gicheskij zhurnal. 2019. № 1. S. 85-93.
4. Korennaja A.A., Tydykova N.V. Kriptovaljuta kak predmet i sredstvo sovershenija prestuplenij // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. № 3. S. 408-415.
5. Kudrjashova E.V. Kriptovaljuty v pravovom pole // Finansy i kredit. 2018. № 10 (778). S. 2175-2183.
6. Kuchеров I.I. Kriptovaljuta: (idei pravovoj identifikacii i legi-timacii al'ternativnyh platezhnyh sredstv): monografija. M.: Centr JurInfoR, 2018. 203 s.
7. Plotnikova T.V., Harin V.V. Kriptovaljuta: jevoljucija stanovlenija i perspektiva razvitija // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 4. S. 50-54.
8. Sidorenko Je.L. Pravovoj status kriptovaljut v Rossijskoj Federacii // Jekonomika. Nalogi. Pravo. 2018. № 2. S. 129-137.
9. Sitnik A.A. Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolja i nadzora v sfere denezhnogo obrashhenija v Rossijskoj Federacii: dis. ...d-ra jurid. nauk. M., 2020. 506 s.

В.Ф. ДЖАФАРЛИ, О.А. ЗОРИНА

Пути «цифровой» оптимизации полицейской деятельности при обеспечении криминологической кибербезопасности

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются перспективы обеспечения криминологической кибербезопасности в процессе современной правоохранительной деятельности. Отмечается, что дифференциация полиции на два обособленных правоохранительных ресурса, один из которых будет заниматься исключительно инновационной преступностью, а другой – только традиционной, является весьма спорным процессом.

Авторы настаивают на том, что необходимо повышать уровень профессиональной и специальной подготовки каждого сотрудника МВД России с целью «цифровой» оптимизации его деятельности в современных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: криминологическая безопасность, криминологическая кибербезопасность, криминология кибербезопасности, оперативно-разыскной ресурс, служба участковых уполномоченных полиции, «цифровая» оптимизация полицейской деятельности, сфера информационно-коммуникационных технологий, оперативно-разыскной кибермониторинг, Инновационный центр «РГУК-безопасность».

ДЖАФАРЛИ ВУГАР ФУАД ОГЛЫ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина; доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nizami.66@mail.ru);
ЗОРИНА ОЛЕСЯ АНДРЕЕВНА – магистрант Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (e-mail: olesya_zorina_98@mail.ru).

Система обеспечения криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий лишь в том случае станет по-настоящему эффективной, когда процессом оптимизации деятельности, направленной на противодействие современным криминальным угрозам, будут охвачены все уровни правоохранительной деятельности, начиная с тех подразделений, которые преимущественно вступают в прямой контакт с преступниками, а именно дорожно-патрульная и патрульно-постовая службы, служба участковых уполномоченных полиции и подразделения уголовного розыска.

Рассмотрению таких практических аспектов правоохранительной деятельности в последнее время посвящены дискуссии на различных студенческих площадках, к примеру, в рамках деятельности научно-образовательного центра исследований инновационных технологий безопасности Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Инновационный центр «РГУК-безопасность»).

Итак, прежде чем приступить к рассмотрению особенностей реализации оперативно-разыскного

и иного правоохранительного ресурсов обеспечения криминологической безопасности, считаем необходимым заострить внимание на следующих важных моментах, рассмотрение которых крайне важно с позиции формирования по-настоящему эффективной и всесторонней системы обеспечения состояния защищенности интересов личности, общества, государства.

Во-первых, существует вполне осязаемая проблема, теоретическое обсуждение которой в научной литературе идет не первый год, т.е. речь идет о том, надо ли создавать новые специализированные киберподразделения по типу Управления «К», осуществляющего свою деятельность в центральном аппарате МВД РФ, или же подвергнуть процессу «цифровой» оптимизации традиционно существующие подразделения правоохранительных органов?

Здесь же зададимся вопросом: а насколько дальновидным и обоснованным будет процесс дифференциации той же полиции на два обособленных правоохранительных ресурса, один из которых будет заниматься исключительно инновационной преступностью, а другой – только традиционной?

На наш взгляд, даже само существование такого рода варианта дальнейшего развития антикриминальной деятельности является крайне спорным и тактически неверным. Совершенно очевидно, что в условиях эпохи «гибридной реальности», когда различные сферы традиционных социальных отношений имеют тенденцию к цифровой алгоритмизации, говорить о неизменности традиционных институтов правоохранительной деятельности неверно.

Во-вторых, очевидно, что даже наличие специализированных киберподразделений, их высокое информационно-технологическое оснащение и сотрудничество с представителями коммерческих структур в сфере обеспечения кибербезопасности не способно достаточно эффективным образом предупредить «цифровую» преступность, удержать ее на социально низком уровне.

В-третьих, следует признать положительным моментом наличие в системе криминологической кибербезопасности отмеченных выше подразделений, относимых нами к специализированному оперативно-разыскному киберресурсу, в принципе показывающем свою пусть и недостаточную для всей страны, но все же немалую эффективность.

Это означает, что есть точка опоры для формирования инновационного оперативно-разыскного и иного соответствующего правоохранительного ресурса, деятельность которого изначально заключается как в выявлении киберкриминальных проявлений, так и в их предупреждении.

Исходя из наличия отмеченной перспективы, прежде чем перейти к вопросам оптимизации данного антикриминального направления, рассмотрим нынешнее состояние оперативно-разыскного и иного правоохранительного ресурсов обеспечения криминологической кибербезопасности на «земле», что на профессиональном сленге сотрудников правоохранительных органов означает оперативно-разыскную деятельность, осуществляемую на семейно-бытовом, досуговом, производственном и иных социальных уровнях.

Отметим сразу, что оперативно-разыскная деятельность, осуществляемая на начальном уровне, т.е. в районных подразделениях МВД РФ, а также в таможенных органах и в системе пенитенциарных

учреждений, значительно отличается от отмеченной выше работы в рамках специализированного оперативно-разыскного ресурса.

Прежде всего констатируем общеизвестный факт, что подавляющая часть сообщений, в том числе и о совершенных преступлениях, поступает в районные отделы внутренних дел. Однако, вместе с тем, крайне редки случаи, когда какое-либо обращение из данного массива дошло бы до указанных выше специализированных киберподразделений.

Получается, что правоохранительная деятельность, направленная на противодействие киберпреступности, в основной своей части осуществляется на «низовом» уровне, и, в связи с недоступностью высокотехнологического оборудования, профессионального штата специалистов, а также фактической невозможностью использования коммерческого кибер-ресурса обречена на неуспех. В результате все сводится или к вялотекущему предварительному расследованию, как правило, не имеющему какой-либо судебной перспективы, либо же, что происходит чаще всего, к вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Отсюда высочайшая латентность информационно-технологической преступности, провоцируемая низкой эффективностью деятельности государственных субъектов осуществления защиты и отсутствием реальных результатов с их стороны, и, соответственно, неверием граждан в способность государства помочь им. Справедливости ради подчеркнем, что такого рода проблема существует не только в России, являясь фактически общемировой.

Работа сотрудников уголовного розыска в настоящее время никак не соответствует уровню инновационных угроз, сводясь к осуществлению традиционного личного сыска как формы реализации лишь части оперативно-разыскных мероприятий, а в качестве инновационного цифрового средства используются лишь потенциалы смартфона, компьютера и соответствующих баз данных.

Здесь нельзя не отметить, что основная нагрузка по рассмотрению обращений граждан ложится на службу участковых уполномоченных полиции

(УУП). Попытки данных сотрудников направить сложные проверочные материалы, в том числе связанные с фактами совершения киберпреступлений, в вышестоящую «окружную» инстанцию оказываются безуспешными, назначение компьютерных экспертиз без возбужденного уголовного дела — невозможным. Максимум, что можно сделать, — это направить письмо провайдеру связи, вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а после получения ответа от провайдера, по сути сводящемуся к невозможности предоставления информации по причине отсутствия судебного разрешения — возобновить проверку, приобщить дополнительные материалы и в очередной раз вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Авторы выражают глубокое сомнение, что силами одного лишь специализированного киберподразделения, причем осуществляющего свою деятельность на уровне центрального аппарата МВД России, будет возможно противодействовать валу киберпреступности. Тем более, что достичь высокого уровня раскрытия преступлений, имеющих информационно-технологический аспект, самостоятельно не всегда удастся, отсюда и привлечение негосударственных коммерческих структур в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП).

На наш взгляд, оптимизация деятельности оперативно-разыскного или иного правоохранительного ресурса обеспечения криминологической кибербезопасности должна состоять из двух этапов.

Первый этап должен заключаться в следующем:

1. Оснащении подразделений правоохранительных органов любого уровня инновационным программно-аппаратным оборудованием хотя бы примерно такого уровня, что наличествует у специализированных субъектов обеспечения кибербезопасности;

2. Осуществлении подготовки, переподготовки и повышении профессиональной квалификации сотрудников оперативно-разыскного и иного правоохранительного аппарата, частично осуществляющего ОРМ и непосредственно обеспечивающего общественный порядок, путем задействования

возможностей образовательного, научно-практического и коммерческого ресурсов;

3. Предоставлении «низовым» подразделениям непосредственного доступа к потенциалам коммерческого ресурса, специализирующегося в сфере обеспечении кибербезопасности, посредством реализации государственно-частного партнерства.

Что касается *второго этапа* оптимизации деятельности рассматриваемых ресурсов, то реализация данного процесса непосредственно заключается во включении в систему криминологической кибербезопасности возможностей современных цифровых технологий.

Здесь следует отметить чрезвычайную востребованность «больших данных» (БД) в оперативно-разыскных целях, поскольку очевидно, что такого рода информационный поток при умелом приложении сил и средств способен принести массу полезных сведений о совершенных, совершаемых или готовящихся преступлениях. К такого рода массиву возможно отнести: данные спутниковых изображений, мобильной телефонной связи, социальных сетей, сканирующих устройств и пр. (*оперативно-разыскной кибермониторинг*).

Вместе с тем рассматриваемая деятельность должна реализовываться не только в области киберпространства. Так, выполнению задач, предусмотренных ст. 2 ФЗ об ОРД, способствует осуществление антикриминальных возможностей информационно-коммуникационных технологий следующим образом:

— использование факта тотального охвата российского населения средствами мобильной связи, что позволяет осуществлять розыск лиц, вызывающих оперативный интерес, посредством систем геопозиционирования;

— использование возможностей стационарных видеокамер и комбинированных мобильных устройств (БПЛА, оснащенных видеоустройством или отдельным видеорегистратором, извлечение «картинки» с которых осуществляется посредством БД), использующих технологию искусственного интеллекта (ИИ) — распознавание лиц через систему «FindFace»;

— использование стационарных и мобильных видеокomплексов, включающих в себя технологии

БД и ИИ, способных обнаруживать эмоциональное и психофизиологическое состояние человека по таким параметрам, как микровибрации головы, особенности моторной активности человека, повышенная температура, мимика и пр., что позволит дистанционно выявить как потенциального нарушителя, так и потенциальную жертву через использование мультимодального эмоционального видеодатасета «Emotion Miner Data Corpus»;

– использование концепции «дистанционный контроль за преступностью» посредством чипов-биосенсоров или чипов, вмонтированных в носимые вещи, на основании судебного решения, предписывающего подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному к наказанию, не связанному с лишением свободы, условно-досрочно освобожденному, лицу, находящемуся под административным надзором, подвергаться соответствующему дистанционно-цифровому контролю со стороны сотрудников оперативно-разыскных подразделений, выполняющих свои служебные обязанности на основании Закона об ОРД.

Также еще раз подчеркиваем необходимость оптимизации деятельности службы участковых уполномоченных полиции, и в этом, на наш взгляд, есть значительный резерв качественного улучшения ситуации с обеспечением общественного порядка и безопасности.

В связи с этим совершенно обоснованной следует считать точку зрения, высказанную В.С. Овчинским, согласно которой «Работа правоохранительных органов, и спецслужб, и полиции должна в корне измениться. Они сейчас еще какие-то рамки держат, но все так стремительно развивается, так что можно и не удержать эти рамки. Во многих случаях уже и не удерживаем». Далее, специально касаясь вопроса об участковом будущем, В.С. Овчинский справедливо отмечает: «Сегодня надо вернуть старого участкового, и «апгрейдить» его до нового, потому что теперь он должен иметь навыки высокотехнологической работы, быть способен добыть полную информацию о всех своих

неблагополучных, включая данные из социальных сетей»¹.

На наш взгляд, оптимизация деятельности службы участковых уполномоченных полиции должна заключаться в следующем.

Во-первых, как об уже говорилось выше, необходимо принятие мер по повышению уровня профессиональной и специальной подготовки участкового уполномоченного полиции, в том числе с задействованием отмеченных выше ресурсов.

Во-вторых, многие из отмеченных выше в рамках оптимизации деятельности подразделений криминальной полиции цифровых устройств должны использоваться и участковыми уполномоченными полиции, в частности при осуществлении дистанционного контроля за различными категориями лиц-девиантов, ведущих околориминальный образ жизни.

В-третьих, необходимо обеспечить участковых уполномоченных полиции возможностями коммерческого кибер-ресурса в рамках реализации ГЧП, учитывая, что население склонно обращаться за помощью к своему участковому в часы приема и вправе получать квалифицированную помощь.

В-четвертых, необходимо предусмотреть критерии ресурсного оснащения дронами сотрудников данной службы, в особенности тех, чьи участки представляют собой трудно контролируемую местность, совершенно не охваченную системой видеонаблюдения, в результате чего пусть и не постоянно, но периодически участковый уполномоченный полиции будет получать «картинку» и, соответственно, в значительно большей степени обладать обстановкой на вверенном ему участке.

В-пятых, необходимо включение в систему криминалогической кибербезопасности общественного ресурса, когда частный владелец зарегистрированного в установленном порядке в Федеральном агентстве воздушного транспорта (Росавиации) дрона на добровольной основе согласится «патрулировать» местность, в особенности представляющую собой наиболее общественно опасные

¹ См.: Е. Хан. Беседа с В.С. Овчинским на тему «Цифровое общество: преступление и наказание» // URL: <http://2035.media/2018/01/30/ovchinskiy-interview/> (дата обращения: 12.02.2020 г.)

участки, такие как лесопарки, промышленные зоны, гаражные кооперативы и пр.

При грамотном государственном подходе социальную активность сознательной части нашего населения, владеющей дронами, возможно направить на обеспечение общественного порядка и безопасности, при условии, конечно же, тесного взаимодействия с УУП. Подчеркнем, что такого рода деятельность со стороны общественного ресурса должна строго контролироваться УУП с целью недопущения нарушений частной жизни граждан, при минимальном использовании дронов в жилом секторе. Иначе такого рода изначально позитивная активность вполне справедливо вызовет нарекания и возмущения со стороны граждан, наблюдающих полеты БПЛА у своих окон.

Соответственно, когда люди убедятся, что потенциал их УУП, включающий в себя кибернавыки, находится на должной высоте, что данные сотрудники способны им реально помочь в различных жизненных ситуациях, это очевидно повысит авторитет правоохранительных органов и уровень доверия к ним.

Конечно, нельзя сводить антикриминальную

деятельность лишь к преступлениям, например, двойной превенции, относимым к компетенции УУП. Вместе с тем, при формировании четкого механизма должного реагирования на все без исключения противоправные проявления, при наличии совершенного алгоритма взаимодействия между правоохранительными органами различных уровней, при должном уровне инновационно-технологического их оснащения возможно достижение степени адекватного противодействия и предупреждения преступных посягательств.

Эта уверенность основывается на фактах реального использования разных инновационных средств за рубежом. Так, например, технологиями БД активно пользуются спецслужбы США и других государств. Управлением перспективных исследований при Министерстве обороны США (DARPA) реализуется программа MEMEX, позволяющая анализировать скрытые сегменты Интернета, в результате чего возможно установление фактов контакта между участниками международных преступных сообществ, а также извлечение соответствующего контента².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Овчинский В.С., Ларина Е.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. 380 с.
2. Хан Е. Беседа с В.С. Овчинским на тему «Цифровое общество: преступление и наказание» // URL: <http://2035.media/2018/01/30/ovchinskiy-interview/>.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Ovchinskij V.S., Larina E.S. Kibervojny XXI veka. O chem umolchal Edvard Snouden. M.: Knizhnyj mir, 2014. 380 s.
2. Han E. Beseda s V.S. Ovchinskim na temu «Cifrovoe obshchestvo: prestuplenie i nakazanie» // URL: <http://2035.media/2018/01/30/ovchinskiy-interview/>.

² См.: Овчинский В.С., Ларина Е.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М., 2014.

В.Ф. ДЖАФАРЛИ

Терминологические основы уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности (часть 3)

АННОТАЦИЯ. Продолжая и завершая рассмотрение темы терминологических основ уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности, мы отмечаем наличие значительной коллизии как в международных, так и в национальных документах, что приводит к возникновению серьезных проблем при толковании норм как у специалистов в сфере уголовного права, так и у правоприменителей.

Автором отстаивается позиция, согласно которой уголовно-правовые исследования и практическая деятельность, посвященные регулированию сферы информационно-коммуникационных технологий, во избежание разногласий и разночтений должны оперировать максимально обоснованными и точными специальными терминами и определениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термины и определения, криминологическая безопасность, криминологическая кибербезопасность, криминология кибербезопасности, информационно-коммуникационные технологии, Инновационный центр «РГУК-безопасность».

ДЖАФАРЛИ ВУГАР ФУАД ОГЛЫ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина; доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nizami.66@mail.ru).

Продолжая и завершая рассмотрение темы терминологических основ уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности, отметим актуальность данного направления научно-практической деятельности и наличие значительной дискуссионности. Достаточная разность мнений существует при обсуждениях на различных студенческих площадках, к примеру, в рамках деятельности научно-образовательного центра исследований инновационных технологий безопасности Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Инновационный центр «РГУК-безопасность»).

Итак, прежде чем рассмотреть сущность понятия «*киберпространство*», которое мы относим к обстановке преступления, то, как было отмечено в первом и втором номерах данного журнала, оно формируется рядом объективных и субъективных элементов, среди которых нами отмечаются *средства – информационно-коммуникационные технологии* (ИКТ), причем очевидно, что последние обеспечивают существование киберпространства как технологическими, так и иными ресурсами, а

значит, необходимо сначала определиться со значением термина «*средство*».

Говоря о сущности понятия «*средство*», понимая под ним *инновационные информационно-коммуникационные технологии*, отметим, прежде всего, что *информация* в чистом виде уже является средством совершения преступления в момент ее распространения (вымогательство, угроза убийством и пр.) Два дополнительных атрибута – *коммуникационная технологичность* и *инновационность* – придают информации особое свойство, заключающееся в полном соответствии той или иной исторической эпохе, уровню ее научно-технического развития, а универсальная сущность средства – потенциальную способность служить как позитивным (социально-полезным), так и негативным (общественно-опасным) целям.

Именно инновационными технологиями, в том числе и информационно-коммуникационными, определялись, определяются и будут определяться условия жизни человечества, ее качество и разнообразие потенциалов. Представляется, что данный алгоритм в эпоху фактически постиндустри-

ального общества, когда роль интеллектуального начала играет исключительно решающую роль, будет иметь отныне четко выраженную тенденцию к центробежному ускорению по направлению к высочайшей степени минимизации человеческого труда, переключиванию наиболее трудных задач на высокотехнологичные ресурсы, которым под силу решать проблемы, уже непосильные для людей. Это «большие данные», «блокчейн», искусственный интеллект, робототехника, комплексные киберфизические системы и пр.

Породившие такой феномен, как киберпространство, инновационные информационно-коммуникационные технологии представляют гораздо более масштабное явление, поскольку им не грозит свойственные цифровой среде риски отключения, что не раз демонстрировалось руководством ряда стран. Ареал распространения инновационных информационно-коммуникационных технологий не ограничен, он определяется самим их существованием, поскольку продукты данных технологий уже в достаточной степени автономны и чрезвычайно мобильны. В этом плане уместно сравнение с физической и математической моделью «пространство-время» (пространственно-временной континуум).

Таким образом, **средства совершения киберпреступлений и посягательств с использованием инновационных информационно-коммуникационных технологий** — это совокупность интеллектуально-физических, организационно-административных, программно-технических, лингвистических, математических и прочих ресурсов, к продуктам которых прибегает злоумышленник при совершении преступных деяний.

Применительно к понятию «средства — инновационные информационно-коммуникационные технологии» уместно применять и схожие с ним термины — «**IT-средства**», «**ИКТ-средства**», «**инновационный IT-инструментарий**» и пр.

Возвращаясь к рассмотрению сущности понятия «киберпространство», отметим, что в основе формирования и существования этого феномена лежит совокупность всех рассмотренных средств, чем обеспечивается широчайший комплекс человеческого и машинного информационного взаимодействия.

В подтверждение данного утверждения приведем два определения авторитетных международных организаций.

Так, Международный союз электросвязи (МСЭ) указывает, что под *киберпространством* понимается среда, в которой наличествуют подключенные компьютерные устройства, пользователи, инфраструктура, приложения, сервисы, телекоммуникационные системы, а также «...совокупность передаваемой и (или) хранящейся в этой среде информации»¹.

В международном стандарте «Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по кибербезопасности» (Information Technology Security Techniques - Guidelines for Cybersecurity) под *киберпространством* определяется «... сложная среда, включающая в себя взаимодействие между людьми, программное обеспечение и предоставление услуг, обеспеченных посредством распространения информационных и коммуникационных технологий устройств и сетей по всему миру»².

Соответственно, отмеченное выше позволяет нам относить киберпространство к такому элементу состава преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, как обстановка его совершения. Нельзя не отметить, что обстановка выступает в форме взаимосвязи физической и социальной сред в механизме преступления, формируя объективные закономерности его функционирования, развития преступного умысла или отказа от преступления³. В целом же,

1. См.: Рекомендация МСЭ-Т X.1205 // URL: www.itu.int/dms_pub/itu-t/ops/res/T-RES-T.50-2008-PDF-E.pdf (дата обращения: 13.03.2021 г.)

2. См.: ISO/IEC 27032:2012 Information technology – Security techniques – Guidelines for cybersecurity. (JTC 1) // URL: www.klubok.net/article2617.html (дата обращения: 13.03.2021 г.)

3. См.: Букаева Н.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел: дисс. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 9.

«обстановка совершения преступления — это объективные условия, при которых происходит преступление»⁴.

Отмеченное выше позволяет нам сформулировать следующее определение: **киберпространство как обстановка совершения киберпреступления** заключается в совокупности объективных и субъективных ресурсов, образующих сложную среду, включающую в себя различные формы информационного взаимодействия между людьми, людьми и машинами, а также между машинами, подпадающие под признаки деяний, предусмотренных уголовным законом.

Здесь же отметим, что существуют и другие, в целом синонимичные приведенному нами понятию «киберпространство». Среди таковых «*виртуальное пространство*», «*киберсреда*», «*цифровой мир*»⁵ и пр.

Отдельно хотелось бы рассмотреть такой элемент объективной стороны киберпреступления, как *место его совершения*. В научной литературе отмечается «...коллизия между фундаментальными принципами физики и международного права, а именно: электроны могут перемещаться по сетям, свободно пересекая государственные границы, а юрисдикция представителей национальных властей нет... Согласно принципу суверенитета каждое правительство обладает исключительной властью в отношении событий, произошедших в рамках его границ»⁶.

Очевидно, что до тех пор, пока не будет разработан международно-правовой договорной алгоритм определения юрисдикции государств при обнаружении и расследовании преступлений в информационном пространстве, в рамках которого будут

уточнены права и обязанности государств-участников, реальных подвижек в антикриминальной деятельности достичь не удастся. Обоснованным является мнение о том, что «...методы и средства идентификации в сети Интернет ненадежны и малоэффективны, если применять их по одному, следовательно, нужно выработать такой подход, который объединит методы и средства идентификации по группам для их совместного использования и повышения качества работы. Создать международный правоохранительный орган, деятельность которого будет направлена на обнаружение и расследование преступлений в информационном пространстве, с учетом законодательства государств, в интернет-пространстве которых совершено преступление»⁷.

Пока же приходится руководствоваться отдельными положениями, содержащимися в ст. 11-12 УК РФ и ст. 152 УПК РФ «Место производства предварительного расследования», по сути не проясняющими вопроса о месте совершения трансграничного киберпреступления и оставляющими его практически без ответа. Здесь без эффективного международного сотрудничества, без взаимного доверия достичь приемлемого уровня кибербезопасности не удастся.

Что касается понятий «*субъект преступления*» и «*личность преступника*», то полноценное раскрытие и рассмотрение их усложняется спецификой киберпространства, анонимностью интернет-злумышленников. Помимо этого, следует отметить обсуждаемую в научном сообществе перспективу правосубъектности искусственного интеллекта, крайне интересную концепцию «опасного состояния личности», криминологическое и кримина-

4. См.: Наумов А.В. Обстановка совершения преступления / Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. С. 292.

5. В.С. Овчинским отмечается: «Цифровой мир XXI в. — системное понятие, интегрирующее такие категории, как цифровая среда (пространство), цифровые технологии, цифровое общество, цифровая экономика, цифровое государство и граждане цифрового мира». — См.: Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 9.

6. См.: Халиуллин А.И. Место совершения преступления как признак состава преступления в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 291.

7. См.: Искевич И.С., Кочеткова М.Н., Попов А.М. Актуальные проблемы определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 54-58.

листическое рассмотрение «цифрового профиля» и другие важные предметы для дискуссий.

Пока же, отталкиваясь от приведенных выше характеристик преступлений, реализуемых в сфере информационно-коммуникационных технологий, можно сформулировать соответствующие определения субъектов, причастных к их совершению.

Так, *киберпреступник* — это лицо, действия которого характеризуются умыслом, направлены на специфичный основной (сфера информационно-коммуникационных технологий) и дополнительные объекты, предметы посягательства (чужие электронные ресурсы), реализуются путем использования кибертехнологий (средств) и дистанционным способом с целью достижения желаемых последствий, при этом все действия происходят, а последствия наступают исключительно в киберпространстве (обстановка и место преступления), во время сеанса его связи с ИКТ-устройством.

Соответственно, *преступник, использующий информационно-коммуникационные технологии*, — это лицо, действия которого характеризуются умыслом, направлены на различные объекты уголовно-правовой охраны, реализуются путем использования кибертехнологий (средств) и дистанционным способом с целью достижения желаемых последствий, при этом все действия происходят, а последствия наступают как в киберпространстве, так и в реальном мире (обстановка и место преступления), во время сеанса связи злоумышленника с ИКТ-устройством.

Далее особо отметим, что именно через изменение отношения законодателя и правоприменителя к категориям «наказание», «цели наказания» и «назначение наказания» и должен быть в наибольшей мере реализован принцип возврата понятиям их истинного смысла (по Конфуцию). Это потребует выработки определенного алгоритма, в основе которого лежат ряд положений главы 9 УК РФ «Понятие и цели наказания. Виды наказаний» и главы 10 УК РФ «Назначение наказания», куда должен быть внесен ряд необходимых изменений.

В результате всего этого, как нам представляется, наказание будет в полной мере соответствовать своим целям, своему социальному предназначению, реализуются как принцип неотвратимости

уголовной ответственности и наказания, так и иные принципы уголовного права. Помимо этого, при назначении наказания, кроме учета характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, должны быть учтены жизненно важные интересы и потерпевшего, а также влияние назначенного наказания на условия жизни семьи не только осужденного, но и потерпевшего.

Крайне важным представляется коренное изменение отношения государства к наказательной политике, поскольку очевидно, что существующее законодательство и правоприменительная практика не способны к адекватному реагированию на киберугрозы, количество которых совершенно несопоставимо с существующими статистическими выкладками, оно колоссально. Большая часть преступников, совершающих такие атаки, практически всегда представляющие собой преступные деяния, предусмотренные различными нормами Особенной части УК РФ, остаются безнаказанными. Современное уголовное право и уголовное правоприменение явно не поспевают за научно-техническим прогрессом, принцип неотвратимости уголовной ответственности и наказания в подавляющем большинстве случаев не находит своей реализации.

Между тем в российской правоохранительной деятельности есть пример обеспечения общественной безопасности в автоматическом режиме. Это происходит посредством применения цифровых видеокамер, отслеживающих положение дел на дорогах. Фиксируемые ими нарушения правил дорожного движения практически моментально облакаются в форму постановлений об административном правонарушении, с приложением соответствующих фотографий, с указанием статьи КоАП РФ и суммой штрафа. Это означает, что подобный алгоритм в принципе применим и в государственной антикриминальной деятельности, к примеру, путем выработки инновационного программного продукта наподобие антивирусной программы с встроенным «определителем» уголовно-правовых норм, а также алгоритмом адекватной кибератаке цифровой реакции, в результате чего источник угрозы нейтрализуется.

Все эти проблемы требуют самого внимательного к себе отношения, в связи с чем подлежат процессу соответствующего научного оформления и тщательного обсуждения. Получается, что ряд традиционных уголовно-правовых терминов и категорий применительно к сфере инновационных информационно-коммуникационных технологий окончательно еще не сформировался.

Подводя итог проблематике терминологических основ обеспечения криминологической кибербезопасности, отметим, что нами подчергнута акту-

ализации лишь часть элементов, относящихся к сфере уголовно-правовых определений, что связано с тем, что понятийно-терминологический аппарат в рассматриваемой области находится в процессе формирования. Понимая наличие специфики и достаточной сложности в используемых определениях и категориях, автор и предпринял попытку в прояснении ряда важных аспектов, касающихся преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Букаева Н.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел: дисс. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 222 с.
2. Искевич И.С., Кочеткова М.Н., Попов А.М. Актуальные проблемы определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 54-58.
3. Комаров А.А. О целесообразности использования «киберкриминологии» в исследовании проблем преступности // Информационное право. 2016. Выпуск № 1. С. 4-7.
4. Наумов А.В. Обстановка совершения преступления // Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М.: БЕК, 1997. 702 с.
5. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
6. Халиуллин А.И. Место совершения преступления как признак состава преступления в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы экономики и права. Казань: Познание, 2012. № 1 (21). С. 291-294.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bukaeva N.N. Obstanovka soversheniya prestupleniya, poluchenie i ispol'zovanie informacii o nej pri rassledovanii ugovolnyh del: diss. ...kand. yurid. nauk. Tyumen', 2005. 222 s.
2. Iskevich I.S., Kochetkova M.N., Popov A.M. Aktual'nye problemy opredeleniya yurisdikcii pri rassledovanii prestuplenij v informacionnom prostranstve: mezhdunarodno-pravovoj aspekt // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2016. № 4. S. 54-58.
3. Komarov A.A. O celesoobraznosti ispol'zovaniya «kiberkriminalologii» v issledovanii problem prestupnosti // Informacionnoe pravo. 2016. Vypusk № 1. S. 4-7.
4. Naumov A.V. Obstanovka soversheniya prestupleniya // Slovar' po ugovolnomu pravu / отв. red. A.B. Naumov. M.: BEK, 1997. 702 s.
5. Ovchinskij V.S. Kriminologiya cifrovogo mira: uchebnik dlya magistratury. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 352 s.
6. Haliullin A.I. Mesto soversheniya prestupleniya kak priznak sostava prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. Kazan': Poznanie, 2012. № 1 (21). S. 291-294.

Д.В. МИРОШНИЧЕНКО

«Человек благоразумный» и экономика общественно опасного поведения

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается экономический (утилитарный) подход к преступному поведению, истоки которого лежат в трудах И. Бэкона. Утилитаризм – это механизм поведения, когда каждый индивид, стремящийся к максимизации удовольствия, приобретаемого поступками, избирает наиболее рациональную модель. Он является *homo prudens* – человеком благоразумным, действующим не только из личных соображений, но и в соответствии с интересами общества (А. Смит). Данный подход в XIX в. способствовал тому, что благоразумный человек начал рассматриваться в дискурсе естественных наук, с наслоениями антропологии и социологии, поскольку каждое действие предваряет мотив и волю к его совершению. Предупреждение преступлений может быть только тогда, когда существует знание о человеке преступном (склонном к преступлению) – *homo criminalis*. Этот момент раздвоения на преступления и преступника, которое стремились избежать утилитаристы, существует в настоящее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступление, преступное поведение, Адам Смит, утилитаризм, *homocriminalis*, благоразумный человек, общественная опасность.

МИРОШНИЧЕНКО ДАНИИЛ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: d.v.miroshnichenko@yandex.ru).

Утилитаризм, как известно, за исходное основание своей теории о правилах и нормах поведения (каким оно должно быть) берет принцип полезности. Под принципом полезности Бентам понимал тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет речь. Следует стремиться к умножению счастья и предупреждать зло, несчастья для индивида или целого общества¹. Следовательно, каждое действие, которое влечет за собой определенные последствия, должно быть взвешено на весах страданий и удовольствий и, если оно приносит пользу, значит, поступок правильный. От правильного поступка зависит безопасность общества как совокупности индивидов, счастье которых состоит в общей сумме интересов отдельных его членов. Соответственно отдельная воля ничто по сравнению с волей общества: известная вещь может содействовать интересу или быть в интересах отдельного лица тогда, когда она стремится

увеличить целую сумму его удовольствий или, что одно и то же, уменьшить целую сумму страданий. Поэтому каждый человек должен думать об общественной пользе прежде, чем о собственной выгоде, и когда эта частная выгода сообразуется с общественной пользой, значит, поступок следует считать правильным.

Именно сфера выбора, сфера частного самоопределения является важным пунктом построения этической утилитарной теории. Каждый человек обязан думать об общем благе и принимать правильные решения, но поскольку существует всегда вероятность принятия неправильного решения, значит, общество находится не в безопасности. Санкции за нарушение принципа полезности, являются необходимым юридическим последствием и препятствием, которые обращены к субъекту с тем, чтобы предупредить опасный выбор в пользу антисоциального поведения.

Дж. Милль, еще один яркий представитель утилитаризма, называл способность человека оценивать свои поступки как в смысле их качества, так и

¹ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. С. 10.

количества является благом и преимуществом для тех, кому посчастливилось приобрести подобный опыт. Если этот опыт вдобавок соединяется со способностью к самоанализу и самоконтролю, умение правильно оценивать является наилучшим средством к достижению высшей цели – освободить жизнь от страданий и наполнить ее удовольствием. В этой точке пересечения личных мотивов и общественной пользы этическое значение приобретает фигура человека благоразумного (*homo prudens*), то есть действующего согласно принципу полезности. Благоразумие есть свойство, получаемое с опытом и воспитанием, которое необходимо взращивать и которое позволяет избежать опасностей, угрожающих не только жизни самого индивида, но и благополучию общества. Что же касается разочарований в этом процессе, то они являются следствием безрассудства и нездоровых страстей либо дурных и несовершенных общественных институтов². Но в общем на каждом индивиде как члене общества лежит обязанность быть внимательным и предпринимать усилия в следовании принципу полезности. На этом основана социальная ответственность.

Развитое чувство социальной ответственности удовлетворяют потребности общества в безопасности, которое Милль определяет как важнейшую из всех потребностей. От безопасности целиком и полностью зависит способность сопротивляться злу, и вся без остатка ценность любого блага нашей жизни за пределами настоящей минуты, поскольку любой, кто оказался вдруг сильнее нас, может оставить нам в удел лишь наслаждение текущего момента, лишив нас всего этого уже в следующем мгновении». Поэтому Милль призывает объединить усилия и построить фундамент существования, который основан на безопасности. При этом чувства человека, относящиеся к этому благу, должны перевешивать сиюминутные побуждения в удовлетворении собственных потребностей

настолько интенсивно, чтобы безопасность казалась неотделимой от собственного личного существования³. Эта нравственная основа предполагает воздержание от причинения вреда друг другу, что обеспечивает сохранение социального мира и порядка. Отсутствие этой нравственной основы, когда обязанности не причинять вред другим не вменялась бы как обязанность, а неповиновение рассматривалось как исключение из правил, то каждый видел бы в другом потенциального врага, которого всегда следует опасаться. Соблюдение нравственного закона не вредить другим является тем условием, которое позволяет каждому индивиду ощущать свою принадлежность к человеческому сообществу; в противном случае происходит социальное разобщение (деградация)⁴.

Утилитаризм, таким образом, исходил из дуализма воли человека к благосостоянию, ассоциированному с благосостоянием общества и практикой реализации социальной ответственности, когда каждый индивид рассматривается как благоразумный и с которым можно вступать в социальные отношения. Предположение это основано на презумпции благоразумия каждого, кто является социальным агентом; правонарушение есть ничто иное как разочарование, неоправданность ожиданий, которые общество возлагало на нарушителя и который пренебрег оказанным ему доверием. Отсюда следует его моральная и юридическая обязанность понести справедливое наказание.

Идея Милля о благоразумности была развита благодаря работам видного представителя утилитаризма Адама Смита, который в своем этическом исследовании благоразумие определял в качестве важного принципа человеческого поведения. Благоразумие, согласно мысли ученого, представляет собой порядок действий, направленных на обеспечения собственного здоровья, благосостояния, доброго имени, безопасности и счастья⁵. Смит предлагает руководство к тому,

2. Милль Д.С. Утилитаризм. Ростов-на-Дону, 2013. С. 71.

3. Милль Д.С. Указ. соч. С. 203.

4. Милль Д.С. Указ. соч. С. 223.

5. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 211.

чтобы стать благоразумным. Для этого в первую очередь необходимо знать обязанности. Человек не может быть тем, кем он не является, поэтому не следует обманывать окружающих, быть лицемером и шарлатаном относительно своих возможностей и способностей. Благоразумный всегда искренен, сдержан и осторожен, трудолюбив, дальновиден, беспристрастен. Эти качества обеспечивают ему правильное течение его умеренной жизни. Неблагоразумие, соединенное с пороками, вызывают презрение и отвращение со стороны общественности, поскольку оно приводит часто к аморальным поступкам и преступлениям. Общее благоразумие требует, чтобы общественная сила была направлена к воспрепятствованию членам общества наносить друг другу вред, для чего издаются и действуют гражданские и уголовные законы, но еще важнее воспитывать благоразумие, нравственно привязывать человека к обществу через семью, коллег, знакомых, соседей. Благодаря такому общению через взаимную симпатию на основе благоразумия вырабатывается любовь к отечеству, стране и нации, в котором этот человек живет. Таким образом, благоразумный человек по Смиту – это индивид, который во всем умеренно сдержан, но в этом среднем значении (умеренности) только и может быть осуществлен акт благоразумного выбора и правильного действия. Можно сказать, что благоразумный – это средний человек (нормальный), соответствующий стандарту социального ожидания, человек рутины, не выдающийся, но своим трудолюбием и усилием справедливо вознаграждаемый обществом. По сути, он является прототипом экономического человека (*homoeconomicus*) – героя «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита, положившего начало трудовой теории стоимости. Если человек разумен, он всегда стремится к увеличению прибыли и делает свой выбор, исходя из анализа экономического результата в пользу наиболее благоприятного варианта.

Экономика преступного поведения. Утилитаризм предполагает, что каждый человек в среднем благоразумен и может поступать правильно, в соответствии с законом, если корректно приобретены все для этого необходимые социальные навывы-

ки, когда он адаптирован к социальной среде и отношениям. Каждый благоразумный тем самым является социально ответственным, вменяемым, способным осознавать свои поступки и их последствия, но при определенных условиях он может, тем не менее, совершить преступление, осознавая, что рискует заплатить за это определенную цену в виде наказания. Его благоразумие в этот момент опровергается самим фактом совершения преступления, из *homo prudens* индивид становится *homo criminalis* (человек преступный). Важно обратить внимание на то, что человек для утилитаристов не является преступником самим по себе до совершения преступления, в нем нет никаких особенных естественных свойств, которые бы указывали на его преступный тип. Каждый субъект имеет право находиться в обществе, вступать в социальные отношения, быть носителем равных с другими прав и обязанностей. Поэтому до преступления нет врага в лице преступника, нет заведомого зла, которое может помешать нормальным социальным отношениям. Все равны и в равной степени каждый может совершить преступление, подрывая тем самым общественное доверие. Враг обозначает себя только, когда открыто выступает против правопорядка, а, значит, против самого разума как собственного, так и общественного, на котором этот порядок покоится. Таким образом, преступность, когда каждый, не будучи начально преступником по природе, возникает в условиях нормального общественного состояния и не относится к противоестественным явлениям. Преступность – это нормальное явление, поскольку происходит она среди нормальных людей, в том смысле, что каждый из них не обладает преступной сущностью (если преступление не совершается, значит, сохраняется благоразумие, человек делает правильный выбор. Пока он не сделает выбор в пользу преступного поведения, нельзя считать ненормальным). Если любой человек может стать преступником, то вести речь о том, что все люди страдают от «преступной болезни», становится просто бессмысленным. Общество следует воспринимать как хорошее, построенное на доверии, разуме, коллективных чувствах справедливости, равенства, добра и взаимопомощи; общество не может быть постро-

ено на постоянной вражде и перманентной агрессии. Либо оно в принципе невозможно, как писал Милль, либо, коль скоро нравственные основания общества падают, оно обречено на гибель. Так, Э. Дюркгейм впервые высказал мысль о том, что преступность есть нормальное социальное явление, в частности, он отмечал следующее: «Делать из преступления социальную болезнь значило бы допускать, что болезнь не есть нечто случайное, а наоборот, вытекает в некоторых случаях из основного устройства живого существа; это значило бы уничтожить всякое различие между физиологическим и патологическим...⁶ Преступник вовсе не существо, отделенное от общества, вроде паразитического элемента, не чуждое и не поддающееся ассимиляции тело внутри общества»⁷.

Такая логика приводит к парадоксальной ситуации, когда, с одной стороны, каждый предполагается в социальном смысле нормальным (благо-разумным), способным к правильным действиям, но, с другой стороны, также каждый может представлять собой угрозу обществу, тем, что когда-нибудь не выполнит нравственные требования благоразумия. Иначе говоря, в нормализованном обществе в предположении, что каждый человек нормален, должно быть одновременно скрыто сомнение. Именно это сомнение делает возможным предупреждение преступности, но оно же по необходимости отрицает и тезис о абсолютной нормальности индивидов: если существует опасность преступления, значит, есть в этом повод, который связан с внутренними свойствами субъекта (сомнение в нормальности исходит из несомненности в свободном и разумном выборе варианта поведения). Изучение же этих свойств является задачей уголовной антропологии и социологии.

На обозначенный парадокс обращает внимание также М. Фуко. Он отмечает, что в начале XIX в., когда классическая парадигма начала постепенно отодвигаться, уступая место предупредительной

парадигме, возникла раздвоенность основания ответственности на преступление и преступника. Уголовный закон в предупредительной парадигме уже не рассматривается как инструмент мести, а как общая форма уголовной экономики, когда каждый индивид реализует спрос на преступление, а государство предлагает за него справедливую цену. Как *homo oeconomicus*, человек должен сделать правильный (разумный) выбор, который в связи с высокой ценой за преступление не может склониться в пользу его совершения. Расчет при этом цены обращен на деяния, установленные уголовным законом. Но парадокс состоит в том, что, очевидно, необходимость наказания, градация в зависимости от степени тяжести содеянного, эффективное применение уголовного закона, неизбежность наказания имеют смысл только тогда, когда наказываются не действия (поскольку нет никакого смысла наказывать действия), а когда наказывается преступный индивид (*homo criminalis*). Здесь речь идет о том, чтобы наказывать, исправлять и в общем значении предупреждать совершение преступлений. То есть происходит нечто иное как расхождение между формой закона, определяющей деяние и эффектом закона, который нацелен на индивида. Как указывает Фуко, «...в этом расхождении обозначилась внутренняя линия соскальзывания всей системы... ко все более и более индивидуалистической модуляции применения закона, а, следовательно, к психологической, социологической, антропологической проблематизации того, к чему применяется закон»⁸.

Это действительно интересный момент, не столько относящийся к истории уголовного права, сколько описанию способа мышления (эпистемологии) уголовно-правового воздействия. Преступление оказывается оторванным от субъекта, когда последний начинает рассматриваться как объект предупреждения. Здесь роль играет

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991. С. 463.

⁷ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 468.

⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010. С. 313.

не форма закона, а знание о самом субъекте, его особенностях, мотивах и целях, жизненных установках, степени осознанности, социализации, патологии и пр. Важный аспект заключается в структуре социальной диспозиции субъекта, его готовности (склонности) к совершению противоправных поступков, его внутреннего состояния (характера), в целом оценки опасности для общества. Индивид, стоящий перед выбором совершать или не совершать преступление, — именно он должен стать новой точкой приложения уголовно-правового воздействия, совмещенного с криминологическим и психиатрическим и другими научными дискурсами о человеке, а также совокупностью практик социализации и коррекции его поведения. Все эти практики являются необходимым и важнейшим элементом обеспечения безопасности общества. Возникает вопрос: а как же преступление, чем оно является в этой новой системе? Оно перестает проявлять свою онтологию, быть чем-то качественным и отличным от других отрицательных поступков людей, преступление — это лишь то, что надлежит рассматривать как риск быть наказанным. Преступление равно поступку, за который необходимо заплатить определенную цену, при этом качественно поступок может быть совершенно любым, не поддающимся каким-либо заранее установленным меркам. Именно поэтому многие авторы ставили на первое место наказание, определяя преступление как его неизбежное следствие (преступление, поскольку наказуемо или, что одно и то же, наказуемо, поэтому преступление). Все попытки заново осмыслить утилитаризм Бентама, встроить принцип полезности в форму закона (когда предупреждение бы было обращено именно к деянию) не увенчалась успехом. А таким попытки действительно были, когда *homoeconomicus* пытались перевести в термины и

формы юридического дискурса. В качестве примера можно привести экономический анализ преступления и наказания, данный Гэрри Бэккером. Преступление и наказание он рассматривает по аналогии с экономическими категориями. Преступление есть то деяние, которое подвергает индивида риску понести наказание⁹. При этом антропологическое знание индивида очевидно не требуется, невостребованными так же являются какие-либо отсылки к опасному состоянию или другим уголовно значимым свойствам преступника. «... Мы исходим из того, — пишет Бэккер, — что некоторые люди становятся преступниками не потому, что их базовая мотивация отлична от мотивации других людей, а потому что у них иная оценка сдержек и противовесов»¹⁰.

Помимо диалектической связки преступление-наказание, для Бэккера угроза быть наказанным выполняет строго экономическую функцию. Являясь вменяемым, предполагается, что каждый субъект осознает, что за что и каким образом ему придется заплатить (риск наказуемости), если он склонится к тому, чтобы совершить преступление. Это чисто экономическая утилитарная модель предупреждения на основе принципа благоразумия. Каждый индивид при этом рассматривается как *смитовский homo economicus*¹¹. Если преступление определяется как действие, которое субъект совершает, рискуя быть наказанным, значит, нет никакой разницы в том, каким конкретно это будет деяние, какова его качественная характеристика, ведь главное состоит в том, что это деяние уголовно наказуемо. То есть важен сам факт готовности совершить деяние, а не сама его природа. При этом преступником может быть любой, не обремененный какими-то заранее известными антропологическими категориями и моральными убеждениями. Для экономистов преступник — это

9. Уместно напомнить современное законодательное определение преступления, приведенное в ч. 1 ст. 14 УК РФ: виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания (курсив мой — Д.М.).

10. Бэккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 293.

11. Как верно отмечает В.И. Цуриков, преступник по Бэккеру «предстает в роли предпринимателя, осуществляющего свою деятельность в условиях риска и неопределенности». — Цуриков В.И. Экономический подход к проблеме сдерживания преступности. Часть 1 // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 3. С. 42.

лицо, «инвестированное в действие, от которого оно ожидает выгоды, и рискующее убытком»¹². С этой точки зрения устраняется раздвоение между преступлением и преступником, а на первый план выходит поведение и его анализ, совершаемый в формате оценок уголовно-правовых рисков. Поэтому преступник как отдельный вид или класс становится в этом случае невостребованным. Утилитаризм предлагает изменить угол зрения с социально ответственного индивида в меру своих специфических особенностей, склонностей на социально нейтрального рискующего агента, активом которого является собственное поведение, подлежащее расчету на предмет выгод и потерь.

Может возникнуть вопрос: но в чем же отличие этой экономической модели от той, о которой писали в свое время Беккариа и Бентам? Действительно, производя экономический расчет поведения человека, эти мыслители надеялись на предотвращение преступлений по мере выстраивания рациональных пропорций преступлений и наказаний в той степени, чтобы преступления в идеальном варианте вообще исчезли. Это основная цель могла быть достигнута путем сочетания наказания с воспитанием общественных нравов. Современная же экономическая модель не акцентирована более на преступлении. Поведение индивида встраивается в механизм потребления, спроса на безопасность, что заставляет общество гарантированно инвестировать в эту сферу. Результатом это является то, что преступность остается на социально приемлемом уровне и достигается баланс между спросом на преступление и спросом на безопасность. Поэтому современная уголовная политика не принимает и не исходит из стратегии уничтожения преступности, она строится на обеспечении поддержания безопасности и противодействия.

Итак, *homo prudens* – есть представление о нормальном разумном типе человека. Это классическая фикция утилитаристов, полагавших человека средних способностей, как разумного и умею-

щего принимать правильные, социально приемлемые решения, благодаря благоразумию. *Homo prudens* – это прототип человека экономического (*homo economicus*) – фикции среднего человека принимающего решения, исходя из пользы для себя. Смит вкладывает в экономического человека не просто личные цели извлечения максимальной пользы, а социальную ответственность. Мораль утилитаризма, начиная с Бэкона, предполагает ориентацию человеческих поступков не только на личное, но и на общественное счастье. Индивид обязан соотносить свои поступки с принципом общей пользы и, если обществу он не причиняет вреда, и удовлетворяет потребности субъекта действия, значит поступок социально приемлем. Общество заинтересовано, чтобы субъект делал правильный выбор и совершал общественно полезные поступки, поэтому особую роль приобретают практики его нравственного воспитания в духе любви к ближним, взаимопомощи. Этим общество обеспечивает свою безопасность, а дисциплинарные практики являются проводниками к разумному поведению. Поэтому практики дисциплины и уголовного наказания неотделимы друг от друга, находятся в одной сфере предупреждения вреда, который может причинить каждый, кто сочтет личное превыше общественного долга.

Развитие идей утилитаризма представило новую уголовно-правовую реальность, когда вместо преступления как причины наказания становится субъект, рискующий быть наказанным. Этот субъект входит в содержание антропологических и психиатрических дискурсов, составляющих общее гуманитарное знание о человеке и его поведении. Фуко назвал этот момент соскальзыванием системы с преступления на индивида (опасного). Современное прочтение утилитаризма позволяет сделать вывод о попытках преодолеть оппозицию субъект/преступление, встроенностью индивида в процесс потребления, когда каждое преступление не важно, как качество, а важно, как поступок, влекущий риск уго-

¹² Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978– 1979 учебном году. СПб., 2010. С. 317.

ловной ответственности. Вместо преступления значение приобретает поведение и контроль над ним при помощи распределения регулирования спроса и предложения преступления. При этом важную роль в предупреждении играет баланс этих категорий, достигаемый не только уголовными средствами, но и иными правовыми, экономическими, политическим рычагами. Основа экономического предупреждения заключается тем самым не в осмыслении природы ценности охраняемого законом блага, а в цене, который индивид готов заплатить за него, независимо от наслоений антропологического знания.

Эта идея утилитаристов – вписать субъект в юридическую форму – не привела к желаемому результату по одной причине: субъект не воспри-

нимается сознанием как нечто среднее, не могут как среднее восприниматься его воля и желания. Находящийся в сфере предупреждения каждый становится индивидуальным по меркам своего поведения, результатам, моральным и нравственным показателям. Экономический человек всего лишь фикция, позволяющая произвести калибровку правопорядка настроить общий уровень социального контроля, но как только субъект становится как объект внимания, когда оно к нему обращено в связи с девиантным поведением, он становится собой, конкретным субъектом с собственным внутренним миром, окружением, добродетелью и пороками. Поэтому антропология субъекта сохранила свое значение в уголовной политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М.: Росспэн, 1998. 416 с.
2. Бэkker Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.
4. Милль Д.С. Утилитаризм. Пер. с англ. / предисл. А.С. Земерова. Ростов-на Дону: Донской издательский дом, 3013. 240 с.
5. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
6. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
7. Цуриков В.И. Экономический подход к проблеме сдерживания преступности. Часть 1 // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 3. С. 41-54.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bentam I. Vvedenie v osnovanie npravstvennosti i zakonodatel'stva. M.: Rosspjen, 1998. 416 s.
2. Bjekker G.S. Chelovechesкое povedenie: jekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po jekonomicheskij teorii. M.: GU VShJe, 2003. 670 s.
3. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1990. 575 s.
4. Mill' D.S. Utilitarizm. Per. s angl. / predisl. A.S. Zemerova. Rostov-na Donu: Donskoj izdatel'skij dom, 3013. 240 s.
5. Smit A. Teorija npravstvennyh chuvstv. M.: Respublika, 1997. 351 s.
6. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2010. 448 s.
7. Curikov V.I. Jekonomicheskij podhod k probleme sderzhivaniija prestupnosti. Chast' 1 // Teoreticheskaja i prikladnaja jekonomika. 2017. № 3. S. 41-54.

А.А. ВЛАСОВ, С.А. ПРОНИН

Новые механизмы по соблюдению хозяйствующими субъектами антимонопольного законодательства

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются новые механизмы правового регулирования хозяйствующих субъектов с целью снижения вероятности нарушения антимонопольного законодательства, в частности, исследуется система внутреннего обеспечения требованиям антимонопольного законодательства и антимонопольный комплаенс, анализируются современные правовые теории, объясняющие причины нарушения данного законодательства. Предлагается эффективный алгоритм идентификации антимонопольных рисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система внутреннего обеспечения требованиям антимонопольного законодательства, антимонопольный комплаенс, формула сдерживания, субкультурная теория, теория социального обмена, оценка эффективности комплаенс-системы.

ВЛАСОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор МГИМО (У) МИД РФ, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, заслуженный юрист Российской Федерации (e-mail: prof.vlasov@mail.ru);

ПРОНИН СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – магистр права, Master of Management in Compliance НИУ ВШЭ, практикующий специалист в сфере комплаенс, автор телеграмм канала по комплаенс (e-mail: sergey18191990@mail.ru).

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. №135-ФЗ (далее – Закон о конкуренции) в соответствии с Федеральным законом от 01.03.2020 г. №33-ФЗ был дополнен законодателем статьей 9.1 о системе внутреннего обеспечения требованиям антимонопольного законодательства (далее – система антимонопольного соответствия). Данная норма декларирует возможность хозяйствующих субъектов самостоятельно принимать решения, связанные с разработкой, функционированием и оценкой эффективности системы антимонопольного соответствия с целью снижения или недопущения вероятности возможного нарушения в России антимонопольного законодательства. Представляется, что данный институт является перспективным направлением правового регулирования, поскольку все связанные с ним возможности

правового регулирования еще не раскрыты законодателем и не использованы правоприменителями.

Понятийная определенность требует осмысления терминов «система антимонопольного соответствия» и «антимонопольный комплаенс». Первый термин был впервые применен в Законе о конкуренции, а второй используется в разъяснениях ФАС России от 02.07.2021 № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», что позволяет говорить о том, что с точки зрения законодателя, это синонимичные термины. Вместе с тем лексические значения этих терминов идентичными не являются. Compliance – буквально с английского означает «соответствие». В обычном употреблении слово комплаенс означает соответствие некоторому набору норм (правил).

Обеспечение – то, что обеспечивает сохранность, исполнение чего-либо.

Соответствие – соотношение между чем-нибудь, выражающее согласованность, равенство в каком-нибудь отношении. Полное совпадение интересов.

Предлагаем несколько подробнее рассмотреть термин «соответствие», а именно с позиции его содержательного наполнения. Соответствие в

общепринятом понимании включает следующие элементы: а) субъекта, который приводит свое поведение в соответствие с определенным эта-

лоном; б) эталон — стандарт или закон, которые являются внешними, то есть, устанавливаются не самим субъектом, а другой организацией в случае с отраслевым стандартом или государственным органом в случае с законом; в) субъект будет обязательно действовать в соответствии со стандартом или законом самостоятельно, а для этого будет требоваться стимул и, возможно, принуждение.

Таким образом, соответствие требованиям относится к процессам, с помощью которых организация контролирует свое собственное поведение, чтобы гарантировать, что оно соответствует применимым правилам, в частности нормам антимонопольного законодательства. Следовательно, система антимонопольного соответствия включает в себя правила и процедуры, с помощью которых организация стремится обеспечить соответствие действий своих сотрудников и бизнес-процессов нормам антимонопольного законодательства. В результате существование системы антимонопольного соответствия позволяет в некоторой степени предотвращать, выявлять и пресекать возможные нарушения антимонопольного законодательства.

Рассматривая вопросы обеспечения или соответствия требованиям антимонопольного законодательства, необходимо понимать, что они лежат не только в правовой плоскости, но еще и в зоне поведенческих мотивов, поэтому весьма целесообразно при проектировании и внедрении системы комплаенс использовать социальные технологии. С одной стороны, специалисты в сфере комплаенс стремятся к обеспечению соответствия — соблюдению законодательства, но, с другой стороны, для этого им необходимо понимать, что побуждает организацию или отдельного человека нарушать закон, поскольку понимание причин имеет важное практическое значение. Например, Т. Радченко пишет о том, что нарушение антимонопольного законодательства при наличии в организации антимонопольного комплаенса могло бы рассматриваться в качестве отягчающего обстоятельства,

так как организация не только не предотвратила нарушений, но совершала их осознанно. Сходной позиции придерживается и В. Мартемьянов.¹

Так, в рамках антимонопольного дела² индивидуальный предприниматель, не имея намерения для заключения контракта по результатам торгов, максимально снижал начальную цену контракта до 98 — 99,5% без каких-либо рисков в принятии обязательств или наступления неблагоприятных последствий, так как осознавал дефект своей заявки, влекущий отклонение при подведении итогов аукциона. При этом своим участием в торгах индивидуальный предприниматель вводил в заблуждение добросовестных участников аукциона, вынуждая их конкурировать и делать ценовые предложения. С точки зрения добросовестного участника аукциона, поведение индивидуального предпринимателя нельзя назвать логичным, учитывая, что его заявки на протяжении длительного периода времени неоднократно признавались не соответствующими требованиям аукционной документации по одной и той же причине — в связи с отсутствием в их составе лицензии на осуществление деятельности по производству и техническому обслуживанию медицинской техники, но, несмотря на это обстоятельство, он постоянно принимал участие в аукционах. В результате предпринимателя и еще одно юридическое лицо привлекли к ответственности за нарушение пункта 2 части 1 статьи 11 Закона о конкуренции.

В этой связи возникают вопросы: как можно объяснить такое поведение предпринимателя? Возможно ли говорить о том, что он не понимал последствий своих действий? Как поменялось бы поведение такого предпринимателя, если он был знаком с системой антимонопольного соответствия? Например, зная методы доказывания антимонопольной службой вины, он мог бы затруднить этот процесс для правоприменителя, тщательнее скрыть доказательства, или, напротив, он воздержался бы от таких действий? Это интерес-

1. Горшкова Е., Войченко С., Радченко Т., Мартемьянов В., Гаврилов А. Формула «скидки» за комплаенс // Конкуренция и право. 2016. № 2. С. 41-46.

2. Решение по делу № 048/01/11-344/2020 // URL: <https://br.fas.gov.ru/to/lipetskoe-ufas-rossii/cf27571c-73d0-46c9-bf07-463addc67e81/?query=ООО%20«энергомедсервис»,%20инп%20Гришин%20д.с.>

ные вопросы с точки зрения теории и практики. Материалы нашей статьи могут помочь найти ответы на приведенные вопросы.

В то же время с вышеприведенными мнениями указанных авторов в любом случае мы согласиться не можем, так как нарушение антимонопольных правил при наличии комплаенс-системы не обязательно говорит о том, что нарушения были подготовлены осознанно, а антимонопольный комплаенс был формальным. Говоря о том, что система антимонопольного соответствия в случае нарушения законодательства выступает в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, данные автора предрешают вопрос о заведомо неэтичном использовании такой системы хозяйствующими субъектами, что является упрощенным выводом, который не учитывает все обстоятельства и причины нарушения.

Однако объяснить приведенные мнения можно с позиции теории рационального выбора, которая говорит о том, что организации — это рациональные, «эгоистичные» субъекты, которые заранее рассчитывают издержки и выгоды конкретного нарушения. Такое восприятие хозяйствующих субъектов приводит к выводу о том, что принуждение и сдерживание являются основными способами предотвращения нарушения законодательства. При этом формула сдерживания включает: вероятность обнаружения, размер штрафа, неотвратимость наказания. Чем выше получится итоговое значение, тем больше вероятности, что нарушения не произойдет. Следовательно, система антимонопольного соответствия не должна давать возможность организации рассчитывать на уменьшение размера штрафа в случае нарушения, так как такая гипотетическая возможность может привести к тому, что чаша весов при принятии решения — соблюдать или не соблюдать закон, может склониться в пользу нарушения. С указанным подходом в полной мере мы все-таки согласиться не можем. В этом свете нам близки

мнения Э. Райли и Д. Сокол о том, что простое сдерживание применительно к борьбе с картелями является не очень эффективным. Соблюдение требований — это нечто большее, чем устрашение. Правовой режим должен изменить социальные нормы, чтобы создать модель желаемого для общества поведения³.

Представляется, что наличие системы антимонопольного соответствия вообще должно учитываться в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность, позволяющего рассчитывать на снижение размера налагаемого административного штрафа.

В этой связи весьма интересно антимонопольное дело в отношении компаний ООО «ФАРМ СКД» (наложен штраф в размере 85 291 842, 88 руб.) и ОАО «Новофарм», признанных виновными в заключении картельного соглашения. В этом деле арбитражный суд, рассчитывая размер административного штрафа, подлежащего применению в отношении ООО «ФАРМ СКД», использовал следующую формулу расчета. Штраф, подлежащий применению, рассчитан исходя из суммы базового штрафа и обстоятельств, отягчающих административную ответственность, уменьшенную на сумму обстоятельств, смягчающих административную ответственность⁴.

Мы полагаем, что в целях развития института антимонопольного соответствия было бы целесообразно признать его в качестве обстоятельства, смягчающего административную ответственность и в целях соблюдения принципа правовой определенности закрепить за ним определенный коэффициент, на который может быть снижена ответственность, при условии, что система антимонопольного соответствия была положительно оценена регулятором. Противники этого подхода не берут во внимание, что цель комплаенса и показатель его эффективности — это не только предотвращение нарушения, но и плавное изменение модели социального восприятия и пове-

3. Angelucci C., Han M. Monitoring Managers Through Corporate Compliance Programmes // Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper. 2011. № 2010-14, pp 1-48 // URL: https://pure.uva.nl/ws/files/1150683/114618_Monitoring_managers_through_corporate_compliance_programs_2011_.pdf.

4. Постановление 11 Арбитражного апелляционного суда по делу № А55-30553/2017 // URL: www.consultant.ru.

дения. В этом смысле мы разделяем мнение Рода Розенштейна⁵, который отметил, что факт нарушения показывает, что программа комплаенса была неэффективной, что не означает, что она была полностью бесполезной, так как существуют методы, позволяющие оценить, была ли программа реализована надлежаще, а надлежаще реализованная программа комплаенса достигает цели изменения корпоративной культуры.

Уместно в этой связи привести мнение профессора А. Каминки, который писал в свое время о том, что и у нас проявились все те формы недобросовестной конкуренции, с которыми борется западноевропейский законодатель. Следовательно, изучение этой борьбы представляет для нас не один научный интерес⁶. Поэтому мы считаем, что вышеуказанное мнение иностранного эксперта, заслуживает внимания по той причине, что оно высказано специалистом из страны, в которой возник институт комплаенса и где накоплен значительный правоприменительный опыт в этой сфере, отрицать который не совсем разумно.

В то же время существуют и другие взгляды, объясняющие, что нарушения законодательства происходят из-за того, что организации хотят подчиняться закону, но не всегда могут⁷. Соответственно, такой подход приводит к более компромиссной оценке причин нарушений законодательства, которые могут быть связаны с многочисленностью законодательных правил, сложностью правоприменительной практики, изменчивостью правовых норм. Поэтому большинство организаций просто не знает, что представляет собой идеальное соответствие требованиям, и поэтому не могут его достичь. Это особенно относится к малым предприятиям, которым, как правило, не хватает ресурсов для того, чтобы быть в курсе сложных, меняющихся нормативных требований.

Сторонники такого подхода не могут сделать

вывод о том, что наличие в компании системы антимонопольного соответствия должно выступать в качествеотягчающего обстоятельства в случае нарушения организацией законодательства, так как в таком случае складывались бы комичные ситуации, когда организации в добровольном порядке разработавшие систему антимонопольного соответствия, но допустив нарушение, связанное со сложностью применимого законодательства, на выходе получили бы лишь усиление своей ответственности.

Вышеуказанное понимание причин нарушений дает импульс для разработки совершенно иных форм ответственности, которые смещают вектор с «наказать» на вектор «помочь». Мы имеем ввиду, например, замену административного штрафа на соглашение о корпоративной честности, когда организация обязуется под контролем и с помощью регулятора развивать свою систему антимонопольного соответствия. Отметим, что соглашения о корпоративной честности — это перспективный шаг в развитии института комплаенса в целом, который в настоящее время еще не нашел своего должного применения.

Иной взгляд на соответствие возникает, если мы рассмотрим, например, теорию возможностей, которая нарушение закона объясняет двумя условиями. Первое — законные возможности для достижения целей заблокированы. Второе — незаконные возможности для достижения цели открыты.

Так, **субкультурная теория соблюдения** предполагает, что в организации развиваются субкультуры сопротивления законодательному регулированию, особенно когда регулирующие органы неразумны, отказываются сотрудничать, жестко ориентированы на свод правил, которые являются не практичными и трудно выполнимыми. Исходя из посыла данной теории задачей системы антимонопольного соответствия является поиск баланса между

5. Wind of Change: A New Model for Incentivizing Antitrust Compliance Programs // URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/assistant-attorney-general-makan-delrahim-delivers-remarks-new-york-university-school-l-0>.

6. Каминка А.И. Очерки торгового права. СПб.: Издание юридического книжного склада «ПРАВО» 1912. [2], IV, IV, 437 с.

7. Braithwaite J. Criminological theories and regulatory compliance-toni makkai // Australian National University Australian National University and American Bar Foundation // URL: <https://johnbraithwaite.com/wp-content/uploads/2019/03/ToniMakkaiJohnBraithwaite.pdf>.

культурой подчинения и субкультурой сопротивления соблюдению законодательства.

Теория дифференциальной ассоциации предполагает, что организации становятся правонарушителями из-за перевеса условий, благоприятных для нарушения закона, над неблагоприятными условиями. Когда связи с нарушителями закона слабы, а связи с блюстителями закона сильны, прогнозируется большее соблюдение законов. Следовательно, задачей системы антимонопольного соответствия в разрезе рассматриваемой теории является формирование у сотрудников отрицательных ассоциаций, связанных с возможным нарушением закона, и формирование позитивных ассоциаций, связанных с его соблюдением.

Моральная теория соблюдения ориентирует нас на то, как человек воспринимает поступок и как это восприятие формирует поведение индивида. В организации может сложиться терпимое отношение к некоторым аморальным формам поведения, в то время как другие могут восприниматься негативно. Например, мелкие преступления, которые могут нанести ущерб прибыли, такие, как растрата, могут быстро привести к увольнению кого-то, и организация явно сочтет такое поведение неправильным или аморальным. В то время как более стратегические преступления, такие как картельные соглашения, могущие принести экономическую выгоду организации, воспринимаются как «моральные» или, по крайней мере, терпимые. Моральная теория объясняет, как целые организации могут стать правонарушителями, и никто этого не заметит.

Теория социального обмена рассматривает то, как взаимодействие между людьми формирует ожидания будущих взаимодействий. Поведению людей предшествует формирование доверия, отношения и приверженности. Как только эти ожидания сформированы, люди используют их для руководства своим поведением. Соответственно, если у людей сформированы позитивные ожидания, то у них с меньшей вероятностью проявятся несоответствия. В то время как у людей, работающих

во враждебной среде, могут развиваться негативные ожидания по отношению к окружающим и они могут не чувствовать ответственности перед своими коллегами или своими организациями. Если люди чувствуют, что их окружение враждебно или негативно относится к ним, они с большей вероятностью будут не соблюдать корпоративные правила, в том числе связанные с антимонопольными требованиями. Теория социального обмена объясняет процесс, посредством которого люди отклоняются от нормы и могут начать действовать против интересов своей организации.

Рассмотрев термин «соответствие» и несколько различных теорий, объясняющих причины, по которым происходят нарушения законодательства, предлагаем рассмотреть процесс идентификации антимонопольных рисков. Методология идентификации антимонопольных рисков может проводиться путем сопоставления антимонопольного законодательства с бизнес-процессами организации, а также может быть дополнена изучением правоприменительной практики ФАС России и судебных органов. Такое изучение позволяет идентифицировать не любые нарушения антимонопольного законодательства, а нарушения применительно к конкретному виду экономической деятельности. Например, фармацевтическая компания, идентифицирующая уже допущенные нарушения другой фармацевтической компанией, может сделать предположение, что схожесть их бизнес-процессов вносит вероятность того, что аналогичные нарушения возможны и у нее. Следовательно, такой процесс позволит превентивно выявлять и предупреждать антимонопольные риски. С этой целью предлагаем рассмотреть следующую практическую ситуацию.

ЗАО «Фирма Евросервис» и ООО «Фармлогистика»⁸ с целью иммунизации совместной деятельности от ограничений статьи 11 Закона о конкуренции заключили договор доверительного управления, который должен был создать между двумя компаниями группу лиц в порядке, предусмотренном ст. 9 Закона о конкуренции.

⁸ Решение ФАС России по делу № 1-11-183/00-22-18 // URL: www.consultant.ru.

Стороны договора доверительного управления, полагая, что они сформировали группу лиц, стали проводить совместную коммерческую деятельность, которая среди прочего проявилась в следующем:

- Разработке совместной стратегии поведения при совместном участии в государственных торгах.
- Использовании идентичных IP-адресов при участии в государственных торгах при этом компании имели разные фактические адреса.
- Совпадении учетных записей, через которые создавались заявки на участие в государственных торгах.

Кроме договора доверительного управления, компании заключили договор о сотрудничестве, по условиям которого стали обмениваться между собой различного рода информацией и материалами, инструктировать сотрудников, согласовывать между собой хозяйственную деятельность, а одна из компаний получила полномочие давать обязательные к распоряжению указания по ведению предпринимательской деятельности другой компании, а также осуществлять контроль принимаемых решений.

В последующем деятельность компаний стала предметом внимания антимонопольной службы по признакам нарушения антимонопольного законодательства. Для данного дела ключевым стал вопрос о том, входят ли компании в группу лиц или нет, от разрешения которого зависел весь исход дела.

Антимонопольная служба пришла к заключению, что компании не соответствовали критериям группы лиц и привлекла хозяйствующих субъектов к административной ответственности в виде штрафа в размере порядка 280 000 000 рублей, а обстоятельства, установленные в ходе рассмотрения антимонопольного дела, были переданы в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела по статье 178 УК РФ.

Решение антимонопольной службы было аргументировано тем, что передача имущества в

доверительное управление не вызывает перехода права собственности на него к доверительному управлению. Так, в соответствии с частями 11, 12 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению путем составления одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение нотариальной формы влечет за собой недействительность этой сделки. Следовательно, основания для признания субъектов группой лиц отсутствовали, так как договор доверительного управления между компаниями не был нотариально заверен и запись о переходе прав в ЕГРЮЛ не внесена.

Таким образом, формальная группа лиц может не дать иммунитета организациям от ограничений, предусмотренных антимонопольным законодательством. Данный подход закрепил Верховный Суд РФ, отметив, что в ситуациях, когда субъекты составляют группу лиц лишь формально, а лица, входящие в эту группу, определяя свое поведение, действуют автономно, в связи с отсутствием достаточных договорных или корпоративных оснований, а также управленческих возможностей влияния на поведение лица, входящего в группу лиц, — то правовой режим группы лиц может не применяться⁹.

Вышеуказанная ситуация иллюстрирует возможный дефект в предварительном юридическом анализе сделки и недостаточную идентификацию рисков, связанных с выбранной юридической конструкцией доверительного управления. Но, с другой стороны, показывает актуальность и острую востребованность предварительной юридической оценки различного рода соглашений на предмет наличия антимонопольных рисков.

В других ситуациях наличие системы антимонопольного соответствия может, например, помочь хозяйствующему субъекту самостоятельно выявить

⁹. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // URL: www.consultant.ru.

антимонопольное нарушение и воспользоваться программой освобождения от административной ответственности или ее смягчения в порядке, предусмотренном примечанием к статье 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП).

Примером подхода, связанного со смягчением административной ответственности, может служить дело по п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о конкуренции в отношении ООО «Джодас Экспоим», ООО ФК «Фармакопола» и ООО «Сатиком». ООО «Джодас Экспоим» добровольно прекратило противоправное поведение и оказало содействие антимонопольной службе в установлении обстоятельств административного дела. В результате раз-

мер административного штрафа, налагаемого на компанию, был снижен судом с 20 183 627 рублей до 5 009 685 рублей.¹⁰

В заключение отметим, что система антимонопольного соответствия – это перспективный институт правового регулирования, потенциал которого в России еще не раскрыт. В данном случае таким механизмом допускаем возможность замены административной ответственности по некоторым составам КоАП, соглашением о корпоративной честности, законодательное закрепление критериев эффективности программ комплаенса и разработку методик по оценке регулятора их эффективности, что, на наш взгляд, будет способствовать повышению надежности гражданского оборота¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горшкова Е., Войченко С., Радченко Т., Мартемьянов В., Гаврилов А. Формула «скидки» за комплаенс // Конкуренция и право. 2016. № 2. С. 41-46.

2. Каминка А.И. Очерки торгового права. СПб.: Издание юридического книжного склада «ПРАВО» 1912. [2], IV, IV, 437 с.

3. Angelucci C., Han M. Monitoring Managers Through Corporate Compliance Programmes // Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper. 2011. № 2010-14, pp. 1-48 // URL: https://pure.uva.nl/ws/files/1150683/114618_

Monitoring_managers_through_corporate_compliance_programs_2011_.pdf.

4. Braithwaite J. Criminological theories and regulatory compliance-toni makkai // Australian National University Australian National University and American Bar Foundation // URL: <https://johnbraithwaite.com/wp-content/uploads/2019/03/ToniMakkaiJohnBraithwaite.pdf>.

5. U.S. Department of Justice Criminal Division Evaluation of Corporate Compliance Programs (Updated June 2020) 1 Introduction // URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/page/file/937501/download>.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gorshkova E., Vojchenko S., Radchenko T., Martem'yanov V., Gavrilov A. Formula "skidki" za komplaens // Konkurenciya i pravo. 2016. № 2. S. 41-46.

2. Kaminka A.I. Ocherki torgovogo prava. S.-Peterburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «PRAVO» 1912. [2], IV, IV, 437 s.

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-138749/17-17-1229 // URL: www.consultant.ru.

¹¹ Например, по аналогии с руководством антимонопольного отдела Министерства юстиции США по оценке корпоративных программ по соблюдению законодательства при уголовных расследованиях нарушений антимонопольного законодательства U.S. Department of Justice Criminal Division Evaluation of Corporate Compliance Programs (Updated June 2020) 1 Introduction [электронный ресурс] URL: <https://www.justice.gov/criminal-fraud/page/file/937501/download>.

Ю.А. КРОХИНА, В.А. СВЕЧНИКОВ

Гражданско-правовые способы распоряжения цифровыми правами: проблемы реализации и защиты¹

АННОТАЦИЯ. Цифровая экономика стимулирует наличие эффективного правового механизма, гарантирующего беспрепятственное распоряжение цифровыми правами, а также их юридическую защиту. Анализ российского гражданского законодательства выявил ряд серьезных проблем, препятствующих полноценному распоряжению цифровыми активами. В статье рассмотрены законодательные подходы к определению термина «цифровые права». Выявлено, что некоторые цифровые активы не введены в гражданский оборот, однако не являются запрещенными; не установлены императивы к статусу информационных систем, допускающих оборот ЦФА; у ЦФА отсутствуют дифференцирующие признаки обособленных объектов гражданского оборота; правовой режим реализации прав на ЦФА не вполне соответствует общепринятой мировой практике понимания ЦФА как вида ценных бумаг.

Получен вывод, что выявленная совокупность юридических свойств позволяет считать отдельные токены неделимыми, что позволяет включить в гражданское законодательство термин NFT.

Сформулированы предложения по совершенствованию гражданского законодательства, направленные в том числе на установление возможности применения к цифровым финансовым активам правил законодательства о ценных бумагах.

В процессе исследования использовались как общенаучные, так и частнонаучные методы: научная абстракция, анализ и синтез, системный, логический методы, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности критического осмысления существующих проблем регулирования распоряжения цифровыми правами, а также способствует совершенствованию теоретических концепций и повышению эффективности учебных материалов, посвященных правовому обеспечению цифровой экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые активы; цифровые права; токен; неделимый токен; ценная бумага; цифровые финансовые активы; эмиссия цифровых финансовых активов.

КРОХИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: jkrokhina@mail.ru);

СВЕЧНИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: vsvech@gmail.com).

В российской правовой системе категория «цифровые права» впервые закреплена в ст. 141.1 ГК РФ. Юридическая техника названной нормы такова, что цифровыми правами признаются исключительно объекты, отсылочно поименованные таковыми в ином законе. Подобными законами «реципиентами» стали Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о

ЦФА) и Федеральный закон 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о краудфандинге). Соответственно названным актам российское законодательство признает два вида цифровых прав: цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) и утилитарные цифровые права (далее – УЦП).

Согласно п. 2 ст. 1 первого названного закона

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20415, <https://rscf.ru/project/22-28-20415/>.

к ЦФА относятся «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов». Согласно ч.1 и 3 ст. 8 второго названного закона понятие УЦП дано путем перечисления и в него включаются: право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Анализируя гражданско-правовые способы распоряжения цифровыми активами, следует учитывать, что Закон о краудфандинге носит специальный характер, а термин УЦП может применяться исключительно с целью легитимации особой процедуры привлечения инвестиций — краудфандинга.

На первый взгляд видим, что в России оборот цифровых прав имеет достаточное правовое регулирование федерального уровня. Однако научно-практический анализ учредительной нормы ГК РФ и развивающих ее положений законов позволяет выявить ряд серьезных проблем, препятствующих полноценному распоряжению цифровыми активами.

Некоторые цифровые права не нашли легитимации. Например, рассматриваемыми федеральными законами проигнорированы невзаимозаменяемые токены (NFT): они не соотносятся с юридическими признаками ЦФА и не перечислены в составе УЦП.

Экономико-правовая сущность УЦП заключается в его идентификации с токеном. В соответствии с российским законодательством, УЦП возможно трактовать как токен, фиксирующий права инвестора на получение профита от источника своих финансовых вложений. Следует согласиться с Д.С. Емельяновым и И.С. Емельяновым, которые приводят в качестве примера «...токен, закрепляющий

право на получение делюкс-версии музыкального альбома, в запись которого вложил средства инвестор. Такие токены выпускаются сериями с целью привлечения финансирования и являются взаимозаменяемыми»².

В отличие от «обычного» токена NFT обладает исключительными признаками, которые позволяют его держателю подтверждать право на индивидуально-определенный объект. Выявленная совокупность юридических свойств позволяет считать такие токены невзаимозаменяемыми. Важно учитывать, что запрет на оборот NFT в России не установлен. Следовательно, таким видом токена можно свободно распоряжаться посредством совершения гражданско-правовых сделок (купля-продажа, хранение, дарение, мена, внесение в уставный капитал, передача по наследству и прочее).

На наш взгляд, легитимный оборот NFT объясняется его соответствием правилам ст. 141.1 ГК и категории «цифровые права». NFT содержит основной юридический признак цифрового права — является цифровой записью в системе распределенного реестра и удостоверяет право держателя на какой-либо определенный объект. В этой связи представляется правомерным утверждать, что в России NFT относится, подобно криптовалюте, к категории «иного имущества». В целях избежания различного доктринального толкования и дальнейшей разновекторной судебной практики предлагаем на законодательном уровне признать NFT отдельным видом цифровых прав.

Дальнейший анализ правового регулирования распоряжения цифровыми правами позволяет выявить несоответствие отдельных норм Закона о ЦФА и ст. 141.1 ГК, ставящие под сомнение правомерность отнесения ЦФА к цифровым правам. Кодифицированный акт относит к цифровым такие полномочия, сущность и реализация которых устанавливаются предписаниями информационной системы. Критерии (признаки) такой базы данных должны быть установлены законом. В настоящее время подобным адресатом отсылочной нормы является Закон о ЦФА, который,

² См.: Емельянов Д.С., Емельянов И.С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71-76.

однако, не фиксирует ни единых императивов к статусу информационных систем, допускающих оборот ЦФА.

Индивидуализирующим признаком цифровых прав выступает возможность распоряжаться ими без агентских услуг третьих лиц. Как правило, на организованном финансовом рынке такими посредниками и, одновременно, системами учета прав выступают, например, кредитные организации, регистраторы, депозитарии. Но критерии стандартных адапторов финансовых услуг не применимы для определения цифровой системы.

Обратим внимание, что эмитировать ЦФА также имеют право платформы, не применяющие технологии распределенного реестра. Под законодательно зафиксированным термином «оператор информационной системы» понимается не стандартная процедура блокчейна, то есть «оператор» здесь не незатейливый токенизатор, предоставляющий информационные услуги. Под провайдером технологической базы для эмиссии цифровых активов, предоставляющих или не предоставляющих права на иные объекты, понимается финансовая организация. Такой субъект аккумулирует финансовые ресурсы, посредством которых эмитенты привлекают инвестиции.

Законом о ЦФА не определены конкретные лица, имеющие право или обязанные осуществлять учет цифровых прав, то есть нет субъекта, «...вносящего записи по указанию...». Такой правовой пробел не позволяет вести учет цифровых прав в информационной системе, поскольку просто некому вносить данные в базу. Толкование Закона о ЦФА позволяет констатировать, что записи в базу данных о цифровых правах вносятся не владельцем, а по его поручению иным участником финансового рынка. Закон о ЦФА предусматривает четкую связь распоряжения ЦФА с записью в упорядоченной конфигурации.

Рассмотренная юридическая недоработка может свидетельствовать об отсутствии у ЦФА дифференцирующих признаков обособленных объектов гражданского оборота. ЦФА не наделены юридическими признаками самостоятельных объектов (хотя бы и виртуальных). По замыслу или упущению законодателя ЦФА функционируют только

в пределах эмитировавшей их информационной системы. Подобная императивная «прописка» только в одной базе данных не позволяет совершать прямые сделки, направленные на перемещение объекта в иную систему. Такое перемещение возможно только посредством вовлечения в правоотношения по обмену ЦФА промежуточного, дополнительного, субъекта — оператора-посредника.

В условиях санкционного режима, введенного недружественными юрисдикциями против Российской Федерации, возможно выделить положительные стороны императивной «прописки» ЦФА. Российские цифровые инвесторы оказались максимально защищенными от неправомерных действий зарубежных операторов, поскольку привлечение инвестиций через Интернет часто связано с притязаниями иностранных регуляторов финансовых рынков.

Однако, учитывая, что Закон о ЦФА был принят до введения упомянутых санкций, то выявленный пробел правового регулирования на сегодняшний день следует считать неожиданным бонусом, но не полноценным правовым механизмом защиты прав инвесторов ЦФА.

Незапланированным преимуществом можно рассматривать очевидное несоответствие законодательству и сложившейся правоприменительной практике императивные правила Закона о ЦФА о применении исключительно российского права к правоотношениям, возникающим при эмиссии, учете и обращении ЦФА. Российское законодательство подлежит применению и в том случае, если одним из субъектов цифровых правоотношений является лицо иностранного государства. Следует предостеречь, что если споры, вытекающие из реализации правил Закона о ЦФА с участием иностранного элемента, российские суды будут разрешать исключительно с применением отечественного законодательства, то это может вызвать ответные меры зарубежных юрисдикций. Однако, возможно, в условиях санкционного режима, прямые сделки с иностранными элементами совершаться будут в минимальном количестве.

Распоряжение ЦФА затруднено сложным двухступенчатым механизмом их выпуска, установлен-

ном в российском законодательстве³. Подобная замысловатость дает основания утверждать, что наш Закон о ЦФА не вполне соответствует общепринятой мировой практике понимания ЦФА как вида ценных бумаг. Как следствие, Закон о ЦФА не устанавливает возможности применения к цифровым финансовым активам правил законодательства о ценных бумагах. Наибольшее сожаление вызывает недопустимость имплементации к ЦФА положений о легитимации, правил защиты добросовестного приобретателя или эмитента, которые доверились формальной видимости своего права в реестре.

Эмиссия ЦФА по российскому законодательству подразумевает первую эмиссию ценных бумаг, а затем вторую эмиссию – конвертацию – в ЦФА. Лицо, решившее осуществить выпуск ЦФА путем токенизации обычных ценных бумаг, не наделяется какими-либо преференциями. Более того, такой многоступенчатый механизм увеличивает как временные, так и финансовые издержки эмитента, что дает основание предвидеть его низкую востребованность.

Закон о ЦФА не устанавливает правового режима эмиссии или обмена цифровыми валютами, выпускаемыми в обращение на базе или с использованием объектов иностранной информационной инфраструктуры. В результате юридический статус таких распространенных криптовалют, как биткойн и эфириум, по-прежнему остается неконкретным. Вместе с тем, определение правовой сущности криптовалюты имеет важное значение для выяснения способов реализации прав на цифровые активы и с позиции определения налоговых последствий от совершения операций с подобными объектами⁴.

На наш взгляд, рассмотренные недостатки пра-

вового регулирования распоряжения ЦФА необходимо восполнить, поскольку санкционный режим носит временный характер, в то время как наличие неоправданно сложных процедур и дефектов оборота цифровых прав не позволяют функционировать информационным системам «прямой регистрации» цифрового права. Не исключено, что практика эмиссии ЦФА выработает механизмы, позволяющие создавать ЦФА с элементами реестра иной информационной платформы. Но юридической проблемы свободной реализации прав на ЦФА это не решает. Отсутствие преференций, вынужденное обращение к посредникам и возможность ответной реакции иностранных судов снижают ликвидность ЦФА и привлекательность российской юрисдикции для совершения сделок с подобными объектами.

Закон о ЦФА содержит крайне туманные критерии лиц, имеющих право на получение сведений из баз данных о держателях активов. Не способствует реализации и защите прав на цифровые активы отсутствие у адвокатов, арбитражных управляющих (кроме конкурсных) и нотариусов права на получение информации из реестра ЦФА. Возможность установить право на ЦФА имеет важное значение для защиты имущественных прав как должника, так и его кредиторов.

Таким образом, несмотря на достаточную законодательную базу, регламентирующую цифровые права, объем правового регулирования и качество правовых норм требуют совершенствования. Отдельные нормы требуют толкования как аутентичного, так и доктринального. Выявленные недостатки правового регулирования реализации прав на цифровые активы, до их устранения законодателем, будет восполнять судебная практика путем применения аналогии закона и аналогии права.

3. Одноэтапный механизм выпуска предусмотрен Законом о ЦФА, но только к акциям непубличного акционерного общества, выпущенным в виде цифрового актива.

4. Государственной Думой принят в I чтении законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». Документ предлагает признать цифровую валюту имуществом в целях налогообложения, установить обязанность по декларированию и ответственность за недекларирование этого имущества (Постановление Государственной Думы № 9844-7 ГД).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Емельянов Д.С., Емельянов И.С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71-76.
2. Касаткин С.Н. Предмет правового регулирования процедуры первичного размещения цифровых активов (ICO) // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 176-188.
3. Ковязина Н.М. О вопросе защиты цифровых прав // Юрист. 2022. № 1. С. 49-54.
4. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон. 2020. № 11. С. 165-172.
5. Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 85-91.
6. Харитонов Ю.С. Основные тенденции судебной практики к определению природы цифровых активов с частноправовых позиций // Гражданское право. 2019. № 3. С. 21-24.
7. Шевченко О.М. Правовая природа акций, выпускаемых в виде цифровых финансовых активов // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 75-80.
8. Цареградская Ю.К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 32-38.
9. Цинделиани И.А. Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3. С. 34-41.
10. Яо Биюй. Сделка, заключаемая с использованием онлайн-платформ, как правовое явление в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Юрист. 2022. № 4. С. 28-33.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Emel'janov D.S., Emel'janov I.S. Nevzaimozamenjaemye tokeny (NFT) kak samostojatel'nyj ob#ekt pravovogo regulirovanija // Imushhestvennyye otnoshenija v Rossijskoj Federacii. 2021. № 10. S. 71-76.
2. Kasatkin S.N. Predmet pravovogo regulirovanija procedury pervichnogo razmeshhenija cifrovych aktivov (ICO) // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2021. № 1. S. 176-188.
3. Kovjazina N.M. O voprose zashhity cifrovych prav // Jurist. 2022. № 1. S. 49-54.
4. Novoselova L.A., Polezhaev O.A. O pravovom rezhime ob#ektov grazhdanskih prav, vyrazhennyh v cifrovych aktivah // Zakon. 2020. № 11. S. 165-172.
5. Filippov A.E. Otdel'nye pravovye aspekty regulirovanija oborota cifrovych aktivov v Rossii i za rubezhom // Arbitrazhnye spory. 2018. № 4. S. 85-91.
6. Haritonova Ju.S. Osnovnye tendencii sudebnoj praktiki k opredeleniju prirody cifrovych aktivov s chastnopravovyh pozicij // Grazhdanskoe pravo. 2019. № 3. S. 21-24.
7. Shevchenko O.M. Pravovaja priroda akcij, vypuskaemyh v vide cifrovych finansovyh aktivov // Predprinimatel'skoe pravo. 2022. № 1. S. 75-80.
8. Caregradskaja Ju.K. Kriptovaljuta, cifrovye finansovyje aktivy, cifrovye prava: terminologicheskoe mnogoobrazie v processe formirovanija pravovoj dejstvitel'nosti // Pravo i cifrovaja jekonomika. 2021. № 2. S. 32-38.
9. Cindeliani I.A. Pravovaja priroda cifrovych finansovyh aktivov: chastnopravovoj aspekt // Jurist. 2019. № 3. S. 34-41.
10. Jao Bijuj. Sdelka, zakljuhaemaja s ispol'zovaniem onlajn-platform, kak pravovoe javlenie v Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respublike // Jurist. 2022. № 4. S. 28-33.

Н.П. СЕДОВА, С.С. МАКАРЕНКОВ

Новации гражданского права в области цифровых технологий

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются новации гражданского законодательства в сфере цифровых технологий. Проанализированы случаи использования электронной подписи в быту и разработки новых методов шифрования, проверки информации в процедурах с электронной подписью, защиты от возможных недобросовестных действий сотрудников удостоверяющего центра и связанных с ними лиц, а также защита и персонализация доступа к электронной подписи с учетом неотъемлемых биометрических данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новации, цифровые технологии, сделка, правовой результат.

СЕДОВА НИНА ПЕТРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС (e-mail: sedova.57@list.ru);

МАКАРЕНКОВ СЕМЕН СЕРГЕЕВИЧ – сотрудник Комитета территориально-общественного самоуправления № 11 г. Владимира (e-mail: lafl5688@gmail.com).

В последнее время все больше сфер общественных отношений переходят в онлайн. Значительное влияние оказала сложившаяся санитарно-эпидемиологическая обстановка, сделав необходимым возможность дистанционной коммуникации между людьми, организациями и государственными органами. На сегодняшний день преобладающее число населения имеет доступ в Интернет, закономерно развивается социальная интернет-инфраструктура¹. Заметна заинтересованность государства в законодательной поддержке концепции «электронного правительства» и в целом использования современных информационных технологий, например, для повышения качества получаемых гражданами государственных услуг. Принятая Правительством Российской Федерации государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», одна из задач «высокое качество предоставления государственных услуг в электронном виде, осуществление подавляющего большинства юридически значимых действий в электронном виде», что подразумевает возможность более быстрого и удобного взаимодействия основных участников гражданского

оборота: граждан, малого и среднего бизнеса и государства.

Пандемия COVID-19 2020 года показала преимущества и необходимость ведения электронного документооборота для компаний по всему миру, в том числе и России, столкнувшихся с требованиями о самоизоляции и частичной остановке офисной работы в привычном формате. Значительными преимуществами такой формы ведения документации являются большая защищенность данных — в современных системах используются многоуровневое шифрование данных, что практически полностью исключает возможность утечки частной информации; так же выигрывает бюджет организаций, экономятся средства, ранее затрачиваемые на расходные материалы, оплату служб почтовой и курьерской доставки, ксерокопирования материалов. Эти преимущества актуальны и для деятельности государственных органов, в которых ежедневно проходит огромный поток обрабатываемой документации.

Средством персонализации доступа или подтверждения достоверности электронной документации является электронная подпись, позволяя заменить привычные печать и под-

¹ Седова Н.П., Штейнгильбер Ю.А Авторский договор при создании контента для продвижения в интернете // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3 (54). С. 55-59.

пись, в той же степени гарантируя авторство и подлинность подписываемого документа. Она дает возможность точно так же подписать любую версию электронного документа, фиксируя и сохраняя информацию о том, кто и когда подписался. Владельцу необходим сертификат ключа, включающего в себя информацию о сроках действия такого ключа и его номере в реестре. Ключ имеет уникальный буквенно-цифровой регистрационный номер, известный только владельцу. Постановлением Правительства определены виды и порядок использования. Например, доверенность всегда подписывается усиленной квалифицированной цифровой подписью, нотариально заверенные копии документов заверяются усиленной квалифицированной цифровой подписью нотариуса, а если не требуется нотариального заверения, то копию документа можно заверить простой электронной подписью, представляющую собой использование паролей, кодов или иных средств, позволяющих подтвердить факт формирования подписи. Таким образом, возникновение нового формата делопроизводства и делового взаимодействия в целом сформировало новую правовую отрасль – цифровое право².

Поскольку все больше информационные технологии внедряются в повседневную жизнь людей, становятся заметны возможные проблемы их использования, в том числе злоумышленниками. Широкий резонанс получил случай мошенничества с отчуждением у собственника квартиры его имущества с заверением фиктивного договора его электронной подписью, которую, как позже выяснилось, собственник никогда не оформлял. Усиленная квалифицированная электронная подпись оформляется в специальных удостоверяющих центрах, которые в свою очередь получают лицензию на осуществление своей деятельности в Роскомнадзоре и ФСБ. Для создания электронной подписи необходимо предоставить личные паспортные и иные данные, и в последующем ключи электронной подписи гражданина хранятся в удостоверяющем

центре, выдавшем эту подпись. В данном случае злоумышленники воспользовались скан-копией паспорта гражданина, добыли информацию из электронной системы оказания государственных услуг, подделали личную подпись для выдачи электронной подписи. Удостоверяющий центр надлежащим образом не сверил предоставленные документы и выдал мошенникам электронную подпись потерпевшего гражданина, с помощью которой они удостоверили сделку по отчуждению квартиры в пользу третьего лица, согласие собственника в данном случае было подтверждено якобы его собственной, электронной подписью.

Вышеописанный случай наглядно демонстрирует основные проблемы использования электронной подписи в повседневной жизни. Очевидно, что в силу сложности совершения данного рода преступления объектом посягательства будут выступать заведомо дорогостоящие объекты. В данном случае злоумышленники изучили технологию хэш-проверки данных при регистрации электронной подписи, представляющая собой формирование двух разных кодов, один из которых является самим содержанием электронной подписи, а другой связывает эту подпись с удостоверяющим центром на имя ее владельца. Также важно учитывать человеческий фактор, который в данном случае имел роковое значение, – сотрудник удостоверяющего центра, в который обратились злоумышленники, легкомысленно выдал электронную подпись, не сверив надлежащим образом предоставляемые документы. Это вопрос доверия к конкретному удостоверяющему центру, в котором сотрудник, обладая персональными данными гражданина, достаточными для выдачи электронной подписи, в том числе и на ее получение третьим лицом, наделен правом создания и выдачи сертификата проверки ключа.

Отметим, что разработка новых способов шифрования, проверки информации при процедурах с цифровой подписью все же не защищают от потенциальных недобросовестных действий сотрудников удостоверяющего

центра и связанных с ними лиц. Для более широкого рассмотрения вопроса обратимся к зарубежному опыту. Достаточно простой и действенный способ регулирования электронной подписи нашли в Тунисе. Система регулирования в Тунисе считается открытой, но имеет определенные отличия. Так, законодательством Туниса предписано проходить аккредитацию (лицензироваться) всем удостоверяющим центрам, однако система удостоверяющих центров подчиняется Национальному Агентству по Электронной Сертификации (НАЭС), которое в свою очередь является органом Министерства Телекоммуникаций Туниса. Таким образом, удалось нейтрализовать множественность расценок в различных удостоверяющих центрах, унифицировать. Также создается некий буфер между министерством и сетью удостоверяющих центров, на который возлагаются функции хранения, обработки данных. То есть не каждый отдельный центр самостоятельно обрабатывает данные заказчика электронной подписи, а все могут сверяться с НАЭС, где уже и получают подтверждение на дальнейшую операцию³. Этот способ отличается от отечественной системы, где контроль за осуществляемой удостоверяемыми центрами деятельностью заканчивается на стадии получения лицензий.

Еще одной интересной мерой защиты данных и персонализацией доступа к электронной подписи может стать широкое использование личных и, что важно, неотчуждаемых биометрических данных⁴. На сегодняшний день большинство смартфонов имеют функцию раз-

блокировки по отпечатку пальца, встроенная функция запоминает нужный человеку палец для более удобной и быстрой разблокировки телефона. В известной системе мобильных платежей и электронном кошельке «Apple Pay», пользователи смартфоном iPhone, могут оплачивать покупки онлайн, где для подтверждения платежа используются Touch ID (отпечаток пальца) или Face ID (скан лица пользователя). При оплате таким способом после сканирования отпечатка пальца или лица пользователя, через одноразовый СМС-код, подтверждается перевод средств со счета банка пользователя, таким образом формируя простую электронную подпись. Невозможность подделки индивидуального для каждого человека отпечатка пальца или скана лица гарантирует высокую степень защищенности от возможных недобросовестных посягательств⁵.

С расширением влияния информационных технологий на повседневную жизнь людей стало необходимым регулировать отношения в информационной сфере. Появление электронной подписи, а затем и закрепление норм, связанных с ее использованием, произошло в России относительно недавно. Нормы, регулирующие указанные правоотношения, находятся в динамике, так как развиваются технологии использования электронной подписи⁶. В свою очередь посредством крупнейшего российского провайдера цифровых услуг и сервисов Ростелекома создается и активно внедряется в повседневную цифровую инфраструктуру – Единая биометрическая система. Интегрированная со знакомой по порта-

2. Федеральный закон от 18.03.2019 г. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

3. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Геном. 2019. № 1 (149). С. 108-118.

4. Аюпова А.Р., Ахатов Р.Р. Биометрический паспорт: зло или добро // Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Нефтекамск, 2017. С. 35-38.

5. Кубитович С. Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 150-190.

6. Миронов И.Д. Правовое регулирование электронной подписи в России // Вопросы науки и образования. 2020. №3 (87). С. 50-55.

лу «Госуслуги» – ЕСИА – Единая система идентификации и аутентификации, условно – это электронный паспорт гражданина РФ, содержащий в себе паспортные данные, ИНН, СНИЛС и т.д. В условиях все большего перехода предприятий и государственных органов на электронный документооборот возможность биометрической аутентифика-

ции пользователем квалифицированной электронной подписи⁷, частично синхронизировав базы данных удостоверяющих центров (УЦ), Единой биометрической системы и ЕСИА, с помощью, например, приложения в смартфоне, это значительно бы упростило получение гражданами коммерческих или государственных услуг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюпова А.Р., Ахатов Р.Р. Биометрический паспорт: зло или добро // Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Нефтекамск: Изд-во Багкирского ун-та, 2017. С. 35-38.
2. Кубитович С.Н. ДНК как носитель информации неограниченного круга лиц // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 155-190.
3. Миронов И.Д. Правовое регулирование электронной подписи в России // Вопросы науки и образования. 2020. № 3 (87). С. 50-55.
4. Оноприенко В.В., Горбенко Ю.И. Электронная цифровая подпись. Состояние и перспективы использования // Инновации. 2007. № 8. С. 119-120.
5. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Геном. 2019. № 1 (149). С. 108-118.
6. Седова Н.П., Штейнгильбер Ю.А. Авторский договор при создании контента для продвижения в интернете // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3 (54). С. 55-59.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Ayupova A.R., Ahatov R.R. Biometricheskij pasport: zlo ili dobro // Zdorovyj obraz zhizni kak uslovie ustojchivogo razvitiya gosudarstva: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Neftekamsk: Izd-vo Bagkirskogo un-ta, 2017. S. 35-38.
2. Kubitovich S.N. DNK kak nositel' informacii neogranichennogo kruga lic // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2017. № 4. S. 155-190.
3. Mironov I.D. Pravovoe regulirovanie elektronnoj podpisi v Rossii // Voprosy nauki i obrazovaniya. 2020. № 3 (87). S. 50-55.
4. Onoprienko V.V., Gorbenko YU.I. Elektronnaya cifrovaya podpis'. Sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya // Innovacii. 2007. № 8. S. 119-120.
5. Rassolov I.M., CHubukova S.G., Mikurova I.V. Biometriya v kontekste personal'nyh dannyh i geneticheskoy informacii: pravovyye problemy // Genom. 2019. № 1 (149). S. 108-118.
6. Sedova N.P., SHtejn'gil'ber YU.A. Avtorskij dogovor pri sozdanii kontenta dlya prodvizheniya v internete // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2019. № 3 (54). S. 55-59.

⁷ Оноприенко В.В., Горбенко Ю.И. Электронная цифровая подпись. Состояние и перспективы использования // Инновации. 2007. №8. С. 119-120.

Н.Н. ГАЗИЗОВА, Н.В. НИКОНОВА, С.В. БАРАБАНОВА

Особенности образовательного процесса в современном университете: вызовы цифровизации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности применения электронного обучения в рамках математической подготовки студентов технологического университета. Авторы представляют положительные и отрицательные стороны внедрения элементов электронного обучения в традиционный образовательный процесс. Рассматриваются особенности использования информационных технологий при изучении курса высшей математики при традиционном и дистанционном обучении и возможности их сочетания. Авторы предлагают различные виды и формы цифровых технологий, применяемых в рамках дисциплины высшей математики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые технологии, математическая подготовка, электронное обучение.

ГАЗИЗОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики Казанского национального исследовательского технологического университета (e-mail: natalyg@rambler.ru);

НИКОНОВА НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Казанского национального исследовательского технологического университета (e-mail: zarnik@mail.ru);

БАРАБАНОВА СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры Инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, начальник отдела администрирования, контроля и внешних связей Казанского национального исследовательского технологического Университета (e-mail: sveba@inbox.ru).

Глобальные процессы информатизации требуют изменений и в высшем образовании. Разработка, внедрение и применение технологий электронного обучения¹ являются общемировой практикой и имеют тенденцию к дальнейшему развитию. Цифровые технологии и цифровые устройства все больше проникают в нашу жизнь, и большинство студентов выросли в условиях повсеместного их использования, и сейчас невозможно представить студента, не умеющего работать с компьютером, смартфоном и другими гаджетами. Информационно-коммуникационные технологии

влияют на выбор будущей профессии и соответственно во многом определяют выбор направленности обучения.²

Представляется, что электронное обучение в высшем образовании – это прежде всего обучение студентов знаниям и навыкам с использованием информационных технологий и электронных образовательных ресурсов. Современным подходом к разрешению противоречий между традиционным образованием и постоянно развивающейся культурой общества, позволяющим обеспечить непрерывность процесса образования и сфор-

1. В соответствии со ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», электронным обучением является организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. В свою очередь под дистанционными образовательными технологиями (далее ДОТ) понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

2. Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова О.А. Цифровизация российского образовательного пространства в контексте гарантий конституционного права на образование // Высшее образование в России. 2019. Т.28. №10. С.73-82.

мированность основ информационного общества, является переход к открытому образованию. Цифровизация образования является одной из приоритетных задач государства. Процесс цифровизации пытаются внедрить почти на всех уровнях системы образования, что совершенно меняет подход к организации образовательной деятельности. В Российской Федерации множество проектов и программ позволяют заложить фундамент развития цифрового образования, в том числе национальные и федеральные проекты «Новые возможности для каждого», «Образование», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

С целью создания современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней, в рамках национального проекта «Образование», реализуемого в 2019 – 2024 годах, предусмотрено внедрение целевой модели цифровой образовательной среды.³ Цифровое развитие высшего образования и дополнительного профессионального образования планируется реализовывать на основе таких принципов, как:

- унификация каналов взаимодействия с получателями цифровых образовательных продуктов;
- партнерство вузов и других образовательных организаций для совместного развития цифровой платформы образования;
- организация мобильного, электронного документооборота;
- унификация цифровых образовательных продуктов и технологий;
- организация функционирования цифровой лаборатории для быстрой разработки и модернизации цифровых образовательных продуктов.

В июле 2019 года ведущие университеты России, в числе которых четыре федеральных, четыре национальных исследовательских и девять опор-

ных университетов, подписали Хартию о цифровизации образовательного пространства, в соответствии с которой формируются общие принципы развития рынка IT-технологий для системы высшего образования в контексте Окинавской хартии.⁴

Предполагается, что это будет способствовать активному сетевому взаимодействию вузов и распространению лучших цифровых практик и онлайн-курсов. Одним из приоритетов является развитие профессиональных коммуникаций в сфере цифровизации университетов с целью совместной разработки стандартов, рекомендаций, норм и правил рынка IT-решений для вузов. В качестве перспективных направлений внедрения цифровых технологий в высшем образовании рассматривается введение электронных студенческих билетов и зачетных книжек, а также электронных документов об образовании.

В рамках развития системы подготовки специалистов в сфере информационных технологий Минобрнауки России последовательно увеличивает количество бюджетных мест в соответствии с запросами отрасли, в том числе за последние три года на 15 тысяч возросло количество бюджетных мест. Уже в 2022 году их количество составляет 160 тысяч 413 мест. Увеличивается количество профильных специальностей и направлений, а также реализуются программы смежных специальностей и направлений специального модуля с учетом информационных технологий.

Президент РФ Владимир Путин на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам назвал повышение качества подготовки инженерных и IT-специалистов одной из приоритетных задач развития государства. «Выход на новое качество подготовки кадров – это первоочередная задача, так как без ее решения у нас не будет технологического будущего. Начинаться эта работа должна еще в школе», – отметил Владимир

3. Национальный проект «Образование» // URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>; постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда» (вместе с «Положением о государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»).

4. Хартия о цифровизации образовательного пространства // URL: <https://www.tltsu.ru/hartiya/>; Окинавская хартия глобального информационного общества (Принята на о. Окинава 22.07.2000) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51-56.

Путин. Глава государства заявил, что сегодня в вузах растет количество абитуриентов, поступающих на инженерные специальности. В связи с этим необходимо значительно увеличить и финансирование подготовки таких специалистов, расширить программы обновления учебно-лабораторного оборудования, развития университетских кампусов, ремонта общежитий.⁵

В ответ на постоянно повышающийся спрос на специалистов в области информационных технологий, совместно с Минцифры России Минобрнауки запустило проект по созданию в университетах «цифровых кафедр». Все университеты – участники ключевого проекта в сфере высшего образования «Приоритет 2030»⁶ создали такие кафедры. В результате у студентов самых разных специальностей и направлений подготовки появилась возможность получить продвинутые компетенции в области информационных технологий. Количество студентов, которые будут учиться по этим программам, будет постоянно увеличиваться – от 80 тысяч студентов в 2022 году до не менее 900 тысяч к 2030 году. Эти студенты при успешном освоении основной программы получают две квалификации, из которых одна будет в области информационных технологий. Однако использование дистанционных образовательных технологий, онлайн обучения должно не только наращивать эффективность образовательного процесса, но и повышать заинтересованность обучающихся, а также выявлять и реализовывать их потенциал.⁷ Схожие проблемы подготовки специалистов в условиях цифровизации общества

обсуждаются применительно к самым разным профилям.⁸ Между тем, по-прежнему одной из главных проблем электронного обучения является низкий уровень подготовки преподавателей, порой не отвечающий созданным условиям.⁹ И, наоборот, имеющиеся материально-технические условия могут не соответствовать ни возможностям преподавателей, ни современным требованиям к организации учебного процесса, в зависимости от конкретной образовательной организации. В ходе социологического исследования, проведенного среди обучающихся по направлениям юридического профиля, было установлено, что к числу факторов, препятствующих формированию у обучающихся базовых компетенций юристов для цифровой экономики, анкетированные отнесли: отсутствие в вузе надлежащей материально-технической базы (59,3%), отсутствие у преподавателей необходимых знаний и навыков (35,15%), индифферентное отношение обучающихся к нововведениям в образовательном процессе (29,1%), недостаточный уровень нормативно-правового регулирования (25,45%). Среди других причин студенты называли приверженность ряда преподавателей традиционным методам (даже при наличии необходимых знаний и навыков), наличие устаревших требований, отсутствие необходимости практиковать свои навыки в сфере цифровой экономики, а также нехватку времени для освоения цифровой грамотности.¹⁰ Нельзя не признать, что в современных условиях роль преподавателя становится более значимой, а его функции – шире. Преподавателям приходится работать в постоянно

5. Валерий Фальков доложил Президенту России о развитии системы подготовки инженеров, IT-специалистов и научных работников // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/55078/> Дата обращения 20.07.2022.

6. Приоритет2030 // URL: <https://priority2030.ru>. Дата обращения 20.07.2022.

7. Бикмухаметова Д.Н., Газизова Н.Н., Еникеева С.Р., Миндубаева А.Р., Никонова Н.В. Детерминанты при организации дистанционного обучения математической подготовки в технологическом университете // Управление устойчивым развитием. 2021. Т.33. № 2. С.78-83

8. См., например: Е.Н. Антамошкина, М.А. Саакян. Подготовка кадров для индустрии туризма в условиях цифровизации образовательного пространства // Туризм: право и экономика. 2021. № 3. С.27-29; Ершова И.В., Енькова Е.Е. «Цифровые» компетенции юристов: понятие, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 225-236.

9. Галиханов М. Ф., Хасанова Г. Ф. Подготовка преподавателей к онлайн-обучению: роли, компетенции, содержание // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 51-62. DOI: / URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-2-51-62>.

10. Ершова И.В., Енькова Е.Е. Указ. соч.

меняющихся ситуациях, все больше усложняется их работа. Преподаватели, работающие со студентами по одним и тем же стандартам, относятся к разным поколениям и обладают соответственно разными компетенциями. В связи с чем для реализации ими учебных программ используют разные ресурсы, в зависимости от возраста, степени владения электронными ресурсами¹¹.

Между тем, электронное обучение, создание электронного образовательного ресурса (ЭОР) – это не просто перевод традиционных методов и педагогических технологий в электронную среду. В первую очередь необходимы серьезные изменения в ментальности, психологии, профессионализме самих преподавателей. Психология цифровизации – новая и очень актуальная тема в подготовке преподавателей к работе в современных условиях. Во-вторых, назрела необходимость внедрять в учебный процесс современные технологии для всех участников учебного процесса с участием профессионально подготовленных специалистов.¹² Сфера деятельности преподавателя существенно расширяется, однако увеличивается и его зависимость от мер технической поддержки. Кроме того, что автор должен по возможности быть автором или соавтором электронного курса, он еще должен быть в курсе новейших разработок, иметь представление о новых электронных курсах по своей дисциплине, которые разрабатываются в других высших учебных заведениях, а также на смежных кафедрах; вносить изменения в традиционный учебный процесс – иметь курс видеолекций, например, по наиболее сложным вопросам курса; повышать квалификацию в части освоения новых приемов и методик обучения, применения дистанционных образовательных технологий (ДОТ); уметь работать с группой в онлайн

формате.¹³ Геймификация в образовании, ярко представленная в зарубежных исследованиях,¹⁴ становится предметом интереса и в России. Всем участникам образовательного процесса нужно понимать, что нельзя использовать современные технологии только для иного, отличающегося от традиционного, представления учебной информации: сохраняется необходимость ориентироваться на конечную цель обучения – формируемые компетенции специалиста в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами. Для внедрения новых форматов обучения необходимо закреплять определенные требования в рабочих программах, которые являются основой для наполнения учебного контента. Необходимо учитывать, что реальные возможности и задачи преподавателей-гуманитариев и преподавателей технических специальностей, математиков, IT-специалистов сильно различаются. Следовательно, и меры поддержки их педагогической деятельности могут дифференцироваться. Разработка и внедрение в учебный процесс комплекса мер, направленных на применение пакетов прикладных программ в образовательный процесс, является одной из задач преподавателя на современном этапе. Так, в рабочей программе для технологических направлений подготовки по дисциплине «Высшая математика» можно записать, что при освоении дисциплины «Высшая математика» студенты приобретают запас конкретных сведений, овладевают системой математических знаний, определенными умениями и навыками, умениями и навыками использования современных цифровых инструментов, программных продуктов (Statistica, Excel, Zoom), а также умением моделировать реальные ситуации, развивают навыки использования компьютер-

11. Трансформация образовательного процесса в условиях смены поколений: моногр. / М. А. Эскиндаров, Г. Ф. Ручкина, Н. И. Беседкина [и др.] / под ред. М. А. Эскиндарова. М.: Проспект, 2021. 496 с.

12. Цифровая трансформация в образовании / Н.Б.Фатеева, С.В. Петрякова, Л.Н. Петрова [и др.] // Образование и право. 2022. №4. С. 236-239.

13. Цифровые компетенции преподавателей учебных заведений / С.В. Петрякова, Н.Б. Фатеева, Л.Н. Петрова [и др.] // Образование и право. 2021. №3. С. 343-346.

14. См.: С.В. Барабанова, А.А. Кайбияйнен, Н.В. Крайсман. Цифровизация инженерного образования в глобальном контексте (обзор международных конференций) // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 94-103.

ных программ Mathcad, Symbolab (для решения математических уравнений и функций), Geogebra (построение графиков функций) при решении задач, умением оценивать полученный результат, а также поведение функций посредством использования Mathcad. Внедрение прикладных пакетов в учебный процесс можно расписать по отдельным темам и разделам и для каждого изучаемого раздела можно предложить конкретные программные продукты. Так, например, при изучении темы «Аналитическая геометрия» можно использовать для построения поверхностей программу Geogebra. А также для наглядного представления поверхностей второго порядка и их использования удобно применять программу PowerPoint. Обработку статистических данных можно проводить с помощью пакетов прикладных программ Statistica, Excel. В свою очередь, для студентов-гуманитариев, юристов, экономистов будет и интересной, и полезной практическая работа со справочными правовыми системами «Гарант» и «КонсультантПлюс». Электронное обучение имеет как положительные, так и отрицательные стороны, и, как любое нововведение, имеет и сторонников, и противников. Преподавателями высказываются обоснованные опасения, что электронное обучение может заменить живое общение, уменьшить объем аудиторных часов, которые так необходимы не только для учебного процесса, но и для воспитания студентов. В то же время сокращение аудиторной нагрузки, особенно практических занятий, негативно сказывается на успеваемости обучающихся, и наличие ЭОР может оказаться хорошим подспорьем для них. Самим образовательным учреждениям для успешного внедрения и активного развития электронного обучения необходимо переоснащать аудитории, лекционные залы и лаборатории современным оборудованием и обеспечить его обслуживание грамотным техническим персоналом. Кроме того, необходимо проводить обучение и переобучение преподавателей, способных работать на этом оборудовании, для обеспечения непрерывного процесса обучения студентов по новым

или измененным образовательным программам, включающих себя современные цифровые инструменты и новейшие программные продукты. Актуальной проблемой электронного обучения является практически полное отсутствие полноценной информационно-образовательной среды, включающей в себя разработанные и внедренные в процесс обучения образовательные ресурсы, систему современных педагогических технологий, позволяющих проводить обучение в информационно-образовательной среде. Но и введение только электронного обучения так же негативно оценивается студентами. Немногие студенты могут самостоятельно только с помощью цифровых технологий изучить такую дисциплину, как «Высшая математика», большинству требуется по крайней мере личная консультация преподавателя. Одним из возможных решений проблемы, на наш взгляд, является внедрение элементов электронного обучения в традиционный образовательный процесс.¹⁵

Использование авторами в учебном процессе элементов интерактивного курса «Математика – электронный курс» показало, что смешанное обучение с использованием как традиционных методик, так и ЭОР, положительно воспринимается студентами, не только повышает интерес студентов к выполнению различных видов заданий с использованием электронных ресурсов, но и в целом к учебному процессу. Анонимный опрос студентов показал, что у них вызывают интерес задания, которые можно выполнить, используя электронные ресурсы. Возможность прослушать и просмотреть лекции, остановиться на сложных непонятных моментах, сделать корректирующие записи в конспектах – все это было тоже отмечено студентами как положительный аспект.

Цифровые технологии активно развиваются и находят свое место во многих областях образовательного процесса. Одновременно с развитием электронного обучения, появляются и новые научные направления, связанные с педагогическими технологиями электронного обучения, дистанционного образования. Использование циф-

¹⁵ Поляков Е.А. «Математика – экспресс курс»: опыт применения смешанного обучения в высшем образовании // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 3. С. 165-170.

ровых технологий в математической подготовке индивидуализирует процесс обучения, позволяет более наглядно представлять учебный материал и мотивирует его усвоение, развивает познавательную активность и способствует более глубокому

освоению новых понятий и методов. И разработка организации учебного процесса в очном обучении с использованием электронного обучения остается одной из приоритетных задач в высшем образовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А.Ю., Верещак С.Б., Иванова О.А. Цифровизация российского образовательного пространства в контексте гарантий конституционного права на образование // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 10. С. 73-82.
2. Антамошкина Е.Н., Саакян М.А. Подготовка кадров для индустрии туризма в условиях цифровизации образовательного пространства/ Туризм: право и экономика. 2021. №3. С. 27-29.
3. Барабанова С.В., Кайбияйнен А.А., Крайсман Н.В. Цифровизация инженерного образования в глобальном контексте (обзор международных конференций) // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 94-103.
4. Бикмухаметова Д.Н., Газизова Н.Н., Еникеева С.Р., Миндубаева А.Р., Никонова Н.В. Детерминанта при организации дистанционного обучения математической подготовки в технологическом университете // Управление устойчивым развитием. 2021, Т.33. № 2. С.78-83.
5. Галиханов М.Ф., Хасанова Г.Ф. Подготовка преподавателей к онлайн-обучению: роли, компетенции, содержание // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 2. С. 51-62.
6. Ершова И.В., Енькова Е.Е. «Цифровые» компетенции юристов: понятие, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 225- 236.
7. Поляков Е.А. «Математика – экспресс курс»: опыт применения смешанного обучения в высшем образовании // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 3. С. 165-170.
8. Трансформация образовательного процесса в условиях смены поколений: моногр. / М.А. Эскиндаров, Г.Ф. Ручкина, Н.И. Беседкина [и др.] / под ред. М.А. Эскиндарова. М.: Проспект, 2021. 496 с.
9. Цифровая трансформация в образовании / Н.Б.Фатеева, С.В. Петрякова, Л.Н. Петрова [и др.] // Образование и право. 2022. №4. С. 236-239.
10. Цифровые компетенции преподавателей учебных заведений/ С.В. Петрякова, Н.Б. Фатеева, Л.Н. Петрова [и др.] // Образование и право. 2021. №3. С. 343-346.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Aleksandrov A.Ju., Vereshhak S.B., Ivanova O.A. Cifrovizacija rossijskogo obrazovatel'nogo prostranstva v kontekste garantij konstitucionnogo prava na obrazovanie // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T.28. №10. S.73-82.
2. Antamoshkina E.N., Saakjan M.A. Podgotovka kadrov dlja industrii turizma v uslovijah cifrovizacii obrazovatel'nogo prostranstva/ Turizm: pravo i jekonomika. 2021. №3. S. 27-29.
3. Barabanova S.V., Kajbijajnen A.A., Krajsman N.V. Cifrovizacija inzhenernogo obrazovanija v global'nom kontekste (obzor mezhdunarodnyh konferencij) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. № 1. S. 94-103.
4. Bikmuhametova D.N., Gazizova N.N., Enikeeva S.R., Mindubaeva A.R., Nikonova N.V. Determinanta pri organizacii distancionnogo obuchenija matematicheskoj podgotovki v tehnologicheskom universitete // Upravlenie ustojchivym razvitiem. 2021, T.33. № 2. S.78-83.
5. Galihanov M.F., Hasanova G.F. Podgotovka prepodavatelej k onlajn-obucheniju: roli, kompetencii, sodержanie // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28, № 2. S. 51-62.
6. Ershova I.V., En'kova E.E. «Cifrovye» kompetencii juristov: ponjatie, praktika, problemy formirovanija // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. № 6. S. 225- 236.
7. Poljakov E.A. «Matematika – jekspress kurs»: opyt primenenija smeshannogo obuchenija v vysshem obrazovanii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2018. № 3. S. 165-170.
8. Transformacija obrazovatel'nogo processa v uslovijah smeny pokolenij: monogr. / M. A. Jeskindarov, G.F. Ruchkina, N.I. Besedkina [i dr.] / pod red. M.A. Jeskindarova. M.: Prospekt, 2021. 496 s.
9. Cifrovaja transformacija v obrazovanii / N.B.Fateeva, S.V. Petrjakova, L.N. Petrova [i dr.] // Obrazovanie i pravo. 2022. №4. S. 236-239.
10. Cifrovye kompetencii prepodavatelej uchebnyh zavedenij/ S.V. Petrjakova, N.B. Fateeva, L.N. Petrova [i dr.] // Obrazovanie i pravo. 2021. №3. S. 343-346.

А.В. ФИЛИПОВА, Н.Н. КОСАРЕНКО

Правовые основания аудита и плановых проверок в организациях высшего образования

АННОТАЦИЯ. В данной статье авторы рассматривают правовые основания и особенности проведения аудита и плановых проверок деятельности образовательных организаций высшего образования. Охарактеризованы основные положения об аудиторском заключении для вуза, его публичности в связи с аудиторской тайной и плановыми проверками, проводимыми Роскомнадзором. Затронуты проблемы прав и обязанностей вуза при размещении результатов аудиторской проверки или плановой проверки вуза государственным органом власти на сайте данного вуза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, вуз, аудит, плановая проверка, аудиторское заключение, аудиторская тайна.

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: nkosarenko@yandex.ru);

ФИЛИПОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (e-mail: nauka-aaa@mail.ru).

В настоящее время понятие «аудит» закреплено в Федеральном законе № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» 2008 года (далее – Закон № 307). Анализ содержания этой дефиниции позволяет выделить отличительные признаки аудита: аудит проводится в форме проверки, объектом аудита является информация, содержащаяся в бухгалтерской (финансовой) отчетности, аудит базируется на принципе независимости, то есть отсутствии внутриорганизационной зависимости между проверяющим и проверяемым, цель аудита состоит в том, чтобы по итогам проведенной проверки сформировать независимое мнение о достоверности сведений бухгалтерской отчетности. Указанные признаки, с одной стороны, дают основание признать аудит разновидностью финансового контроля и в то же время провести четкую границу между аудитом и государственным финансовым контролем в силу того, что согласно Закону № 307 аудит может проводиться исключительно аудиторскими

организациями или независимыми аудиторами, не обладающими статусом должностного лица органа публичной власти.

Несмотря на то, что иного, нормативно закрепленного, определения понятия «аудит» не существует, он термин «аудит» широко применяется и в сфере правового регулирования государственного финансового контроля, и в иных сферах деятельности в научной литературе, в том числе применительно к различным вариациям контрольной деятельности в отношении организаций высшего образования. Например, в научной литературе исследуются такие виды аудита высших учебных заведений, как аудит информационной безопасности¹, аудит эффективности образовательной деятельности², внутренний аудит финансово-экономической деятельности, аудит системы менеджмента качества, электронный внутренний аудит и другие. В исследованиях о месте правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере

1. См.: Яснев В.Н., Дорожкин А.В., Сочков А.Л. О концепции проведения аудита информационной безопасности в вузе // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6. С. 24.

2. См.: Демин А.С. Аудит эффективности образовательной деятельности вузов // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 6. С. 96.

аудита, в системе отраслей российского права, обосновано, что эти нормы представляют собой отраслевой институт финансового права.³

В связи с тем, что организации высшего образования осуществляют свою деятельность, в том числе, и за счет бюджетного финансирования, они безусловно подлежат государственному финансовому контролю, являются его объектом, о чем свидетельствуют соответствующие положения статьи 266.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ). В БК РФ термин «аудит» применяется в статье 160.2-1, которая раскрывает содержание внутреннего финансового аудита, устанавливает его цели, а также указание на нормативную основу его осуществления – систему стандартов внутреннего финансового аудита Министерства финансов Российской Федерации. Из анализа содержания указанной статьи следует, что в бюджетном законодательстве разграничивается внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит. В научной литературе представлены результаты сравнительно-правового анализа этих понятий.⁴ При этом в БК РФ понятие «аудит» не применяется в нормах, посвященных внешнему государственному финансовому контролю. В то же время в Федеральном законе от 5 апреля 2013 года №41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» устанавливается статус Счетной палаты Российской Федерации как постоянно действующего высшего органа внешнего государственного аудита (контроля). На этом основании в науке финансового права некоторые ученые применяют понятие «государственный аудит». Для организаций высшего образования такой государственный аудит является обязательным, он проводится независимо от воли образовательной организации, как и от воли иных организаций, выступающих объектом такого контроля. В то время как независимый аудит по смыслу Закона № 307 может быть и обязательным, и инициативным, то есть проводиться по добровольному заказу образовательной организации. Одним из

основополагающих вопросов в этой связи является вопрос о том, подлежат ли организации высшего образования обязательному аудиту и должны ли они публиковать в открытом доступе содержание аудиторского заключения.

Прежде всего отметим, что аудиторское заключение представляет собой формальный результат аудита – это обоснованное независимое мнение аудитора о достоверности такой отчетности, составленное письменной в форме. В нем аудитор излагает:

- мнение о достоверности отчетности;
- замечания о системе внутреннего контроля;
- ссылки на нормативные акты, требования которых нарушила организация.

Согласно пункту 1 статьи 6 Закона № 307 аудиторское заключение – официальный документ, предназначенный для пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемых лиц, содержащий выраженное в установленной форме мнение аудиторской организации, индивидуального аудитора о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица.

В соответствии с пунктом 1 статьи 9 указанного закона аудиторскую тайну составляют любые сведения и документы, полученные и (или) составленные аудиторской организацией и ее работниками, при оказании услуг аудита. Таким образом, сведения, содержащиеся в аудиторском заключении, и само аудиторское заключение как документ относятся к сведениям и документам, составляющим аудиторскую тайну.

Аудиторская организация не вправе разглашать такие сведения, в том числе публиковать аудиторское заключение на своем сайте. В то же время указанный закон устанавливает, что аудиторской тайной не являются сведения, разглашенные самим лицом, которому оказывались аудиторские услуги, либо с его согласия.

Любое лицо, которому были оказаны аудиторские услуги, по своему желанию может раскрывать сведения, содержащиеся в выданном ему ауди-

3. Анисифоров Т.С. Институт аудита в системе финансового права // Финансовое право. 2020. № 5. С. 5.

4. См., например, Сперанская Л.В. Внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит // URL: www.consultant.ru. 2022.

торском заключении, любым способом. В то же время законодательно установлена обязанность отдельных категорий лиц раскрывать сведения, содержащиеся в аудиторском заключении.

Некоторые требования по размещению в сети Интернет сведений, содержащихся в аудиторском заключении, устанавливает Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», который предусматривает внесение сведений о фактах деятельности юридических лиц в Единый федеральный реестр. На основании пункта 1 статьи 7.1 в Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности вносятся сведения, подлежащие опубликованию в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации юридических лиц. Так, обязательному внесению в указанный реестр подлежат, в частности, следующие сведения:

«л.2) сведения о бухгалтерской отчетности и консолидированной финансовой отчетности, если федеральным законом установлена обязанность по раскрытию такой отчетности в СМИ, с указанием периода, за который составлена такая отчетность⁵, адреса страницы (сайта) в сети «Интернет», используемого для раскрытия бухгалтерской (финансовой) отчетности и даты ее раскрытия, а также в отношении бухгалтерской (финансовой) отчетности, подлежащей обязательному аудиту, с указанием наименования аудиторской организации и идентифицирующих аудиторскую организацию данных, даты аудиторского заключения, а в случае, если указанная отчетность и аудиторское заключение о ней не подлежат представлению в государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности, с указанием мнения аудиторской организации или индивидуального аудитора о достоверности

этой отчетности и обстоятельств, которые оказывают или могут оказать существенное влияние на ее достоверность, за исключением случаев, если указанные сведения составляют государственную или коммерческую тайну, а также иных случаев, установленных федеральными законами».

В статье 5 Закона № 307 содержатся нормы о том, какие лица подлежат обязательному аудиту. Но следует учитывать, что нормы этой статьи не содержат исчерпывающего перечня таких случаев. Как отмечает Т.Б. Кувалдина, бухгалтерская отчетность экономического субъекта подлежит обязательному аудиту при наличии любого основания, предусмотренного законодательством Российской Федерации, даже если в Законе № 307 такой субъект не поименован среди обязанных проводить аудит⁶. Вместе с тем статья 5 содержит ряд отсылочных норм, которые позволяют при ознакомлении с содержанием значительного объема законодательных актов выяснить все ситуации, в которых должен проводиться обязательный аудит. Обзор этих оснований представлен ниже.

1. В самой статье 5 Федерального закона № 307-ФЗ установлен перечень организаций, в отношении которых проводится обязательный аудит, к числу которых не отнесены государственные бюджетные образовательные учреждения.

2. Также обязательный аудит проводится в случаях, установленных федеральными законами, устанавливающими особенности правового статуса отдельных видов организаций. Правовой статус бюджетного образовательного учреждения определяется Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», который устанавливает обязанность прохождения обязательного аудита только в отношении некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента (пункт 1 статьи 32), и Федеральным законом от 29 декабря 2012

5. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» содержит понятие «государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности», в статье 18 этого закона указано, что Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности – совокупность бухгалтерской (финансовой) отчетности экономических субъектов, обязанных составлять такую отчетность, а также аудиторских заключений о ней в случаях, если бухгалтерская (финансовая) отчетность подлежит обязательному аудиту. Государственный информационный ресурс формируется и ведется Федеральной налоговой службой России.

6. Кувалдина Т.Б. Аудит и контроль достоверности бухгалтерской отчетности // Бухгалтерский учет. 2021. № 4. С. 49.

года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», не устанавливающим требований к прохождению образовательными организациями обязательного аудита.

3. На основании пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» годовая консолидированная финансовая отчетность подлежит обязательному аудиту. Однако среди субъектов, на которых распространяется действие указанного закона, государственные бюджетные образовательные организации не указаны. Иными федеральными законами в отношении государственных бюджетных образовательных организаций не предусмотрено составление, и (или) представление, и (или) раскрытие консолидированной финансовой отчетности. В то же время Федеральный закон «О консолидированной финансовой отчетности» указывает, что составление консолидированной финансовой отчетности может быть предусмотрено учредительными документами организации. В этом случае такая отчетность составляется, представляется и (или) раскрывается в соответствии с указанным федеральным законом.

4. Подпунктом 4 пункта 1 статьи 5 Закона № 307-ФЗ к числу организаций, бухгалтерская (финансовая) отчетность которых подлежит обязательному аудиту, относятся организации, у которых доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности, который определяется в порядке, установленном налоговым законодательством Российской Федерации, за год, непосредственно предшествовавший отчетному году, составляет более 800 миллионов рублей; а также организации, у которых сумма активов бухгалтерского баланса по состоянию на конец года, непосредственно предшествовавшего отчетному году, составляет более 400 миллионов рублей. Однако в силу прямого указания закона эти основания не распространяются на государственные учреждения.

В статье 18 Федерального закона от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» указано, что в целях формирования государственного информационного ресурса экономический субъект

обязан представлять один экземпляр составленной годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности в налоговый орган по месту нахождения экономического субъекта. В то же время на основании подпункта 1 пункта 4 указанной статьи организации бюджетной сферы от представления обязательного экземпляра отчетности освобождаются.

В связи с этим можно сделать вывод. Таким образом, действующее российское законодательство не устанавливает в отношении государственной бюджетной образовательной организации как аудируемого лица прямой обязанности по публичному раскрытию каким-либо способом аудиторского заключения, выданного ей по итогам проведения аудита аудиторской организацией или индивидуальным аудитором, или сведений, содержащихся в таком аудиторском заключении. Аудиторская организация не вправе каким бы то ни было способом разглашать сведения, содержащиеся в аудиторском заключении, поскольку они составляют сведения, отнесенные к категории «аудиторская тайна». Аудиторское заключение передается аудиторской организацией только самому руководителю организации-аудируемого лица.

В то же время организация не лишена права раскрывать содержание сведений аудиторского заключения по собственной инициативе. При этом нужно помнить, что добровольное разглашение самой организацией сведений, содержащихся в аудиторском заключении, выводит эти сведения в разглашенной части из категории «аудиторская тайна».

Одновременно с проведением аудиторской проверки по инициативе самого вуза может проводиться и его плановая проверка в силу закона. Так, например, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки приняла Приказ от 14 августа 2020 года № 831 «Об утверждении Требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления информации». Настоящий приказ вступил в силу с 1 января 2021 года и действует по 31 декабря 2026 года. Указанные Требования определяют структуру официального сайта образовательной организации в сети Интернет, а также формат

представления образовательной организацией информации, обязательной к размещению на сайте в соответствии со статьей 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». На главной странице подраздела «Документы» должны быть размещены следующие документы в виде копий и электронных документов (в части документов, самостоятельно разрабатываемых и утверждаемых образовательной организацией):

- устав образовательной организации;
- свидетельство о государственной аккредитации с приложениями (при наличии);
- правила внутреннего распорядка обучающихся;
- правила внутреннего трудового распорядка;
- коллективный договор (при наличии);
- отчет о результатах самообследования;
- предписания органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) в сфере образования, отчеты об исполнении таких предписаний (до подтверждения органом, осуществляющим государственный контроль (надзор) в сфере образования, исполнения предписания или признания его недействительным в установленном законом порядке) (при наличии);

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Яснев В.Н., Дорожкин А.В., Сочков А.Л. О концепции проведения аудита информационной безопасности в вузе // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6. С.24-32.
2. Демин А.С. Аудит эффективности образовательной деятельности вузов // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 6. С.96-101.
3. Анисифоров Т.С. Институт аудита в системе финансового права // Финансовое право. 2020. № 5. С. 3-6.
4. Сперанская Л.В. Внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит // СПС КонсультантПлюс. 2022.
5. Кувалдина Т.Б. Аудит и контроль достоверности бухгалтерской отчетности // Бухгалтерский учет. 2021. № 4. С. 48-52.

– локальные нормативные акты образовательной организации по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности.

Стоит обратить внимание, что 15 марта 2022 года Правительство Российской Федерации отменило плановые проверки, за исключением некоторых образовательных организаций, в частности школ.

Таким образом, организации высшего образования, действующие в форме государственных бюджетных учреждений, не наделены обязанностью проходить независимый аудит, в отличие от государственного аудита, осуществляемого контрольно-счетным органом. Результаты аудиторской проверки как самостоятельной, внутренней, проверки образовательной организации публиковать на сайте вуза законодательством не требуется, только если на эту обязанность не указывает нормативный документ самого вуза, а вот результаты плановых проверок специального уполномоченного в сфере образования контрольного органа публиковаться на сайте организации высшего образования должны в силу указанного выше приказа Рособнадзора.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Jasnev V.N., Dorozhkin A.V., Sochkov A.L. O koncepcii provedenija audita informacionnoj bezopasnosti v vuze // Uchet. Analiz. Audit. 2019. № 6. S.24-32.
2. Demin A.S. Audit jeffektivnosti obrazovatel'noj dejatel'nosti vuzov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 6. S.96-101.
3. Anisiforov T.S. Institut audita v sisteme finansovogo prava // Finansovoe pravo. 2020. № 5. S. 3-6.
4. Speranskaya L.V. Vnutrennij finansovyj kontrol' i vnutrennij finansovyj audit // SPS KonsultantPlyus. 2022.
5. Kuvaldina T.B. Audit i kontrol' dostovernosti buhgalterskoj otchetnosti // Buhgalterskij uchet. 2021. № 4. S. 48-52.

М.Г. АСТАЕВА

Оценочные понятия в законодательстве о социальном обеспечении: обзор судебной практики

АННОТАЦИЯ. В статье представлен теоретический и практический анализ оценочных понятий в законодательстве о социальной защите и социальном обеспечении.

Оценочные понятия рассматриваются как часть понятийного аппарата права социального обеспечения, вместе с тем обращается внимание на их межотраслевые взаимосвязи и некоторые существенные особенности, оказывающие влияние на правоприменительную практику. Автором была изучена судебная практика по делам о социальном обеспечении граждан и представлен анализ судебных актов, в рамках которых была предпринята попытка толкования некоторых оценочных понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право социального обеспечения, понятийный аппарат, оценочные понятия, иждивение, место жительства, место пребывания, фактическое проживание, стойкая утрата трудоспособности.

АСТАЕВА МАРИНА ГРИГОРЬЕВНА – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, адвокат Адвокатской палаты Московской области, член Ассоциации юристов России (e-mail: mgastaeva@gmail.com).

Правотворчество органов судебной власти традиционно является предметом научных споров в отечественном праве. Общепризнанной является точка зрения, согласно которой судебная практика не является источником российского права. В то же время ее роль нельзя недооценивать, особенно в тех случаях, когда возникает необходимость оценки тех или иных правовых явлений и особенностей взаимодействия субъектов общественных отношений¹. В ходе изучения проблемы оценочных понятий и их влияния на понятийный аппарат отрасли права, включая право социального обеспечения, судебная практика позволяет выявлять оценочные понятия и систематизировать особенности их толкования.

Единого определения оценочных понятий в науке права социального обеспечения, и в целом в российской науке, до сих пор предложено не было, однако для понимания того, что представляют собой оценочные понятия в праве, мож-

но предложить краткую правовую дефиницию. Оценочные понятия – это понятия, которые не позволяют исчерпывающим образом определить смысл и суть нормы в нормативно-правовом акте, содержащем нормы определенной отрасли права². При этом оценочные понятия не всегда позволяют идентифицировать их в качестве понятий, присущих конкретной отрасли права. Нередко они носят межотраслевую окраску и характерны как для права социального обеспечения, так трудового и гражданского права, и некоторых других отраслей³. Обратимся к анализу судебных актов, и соответственно дефинициям, которые имеют признаки оценочных понятий. Рассмотрим, как суды разрешают споры по делам о социальном обеспечении граждан, в основе которых лежат те или иные оценочные понятия.

В Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях) широко используется поня-

1. Антонова Н.В., Астаева М.Г. Оценочные понятия в праве социального обеспечения (теоретико-правовой аспект) // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов. 2019. С. 241-246.

2. Астаева М.Г. Проблема оценочных понятий в праве социального обеспечения. Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 46-47.

3. См. подробно: Антонова Н.В., Астаева М.Г. Указ. соч. С. 243.

тие «иждивение». В качестве практического примера выявления оценочных характеристик данного понятия рассмотрим Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2021.

В суд обратилась заявитель с целью установления факта нахождения на иждивении умершего супруга. В своем заявлении она указала, что их брак был официально зарегистрирован и что они проживали совместно. Кроме того, за год до смерти супруга заявителю была установлена вторая группа инвалидности (инвалид по зрению), поэтому заявитель является нетрудоспособной и ей выплачивают страховую пенсию по инвалидности. В виду объективных причин заявитель в обоснование своей позиции ссылается на то, что не может себя самостоятельно содержать, поскольку размер пенсии представляется незначительным. Ранее помощь от супруга была постоянной и являлась основным источником к существованию, то есть имелись достаточные основания полагать, что заявитель находилась на иждивении своего супруга.

Судами первой и второй инстанции заявителю было отказано в удовлетворении иска, в частности ошибочно не было принято во внимание, что заявитель являлась инвалидом по зрению, и никак самостоятельно не могла осуществлять за собой должный необходимый уход. Кроме того, судами ошибочно был истолкован факт наличия у заявителя самостоятельного достаточного и постоянного дохода.

Дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации, который в своем Определении от 21 июля 2021 г. № 5-КГ21-25-К2⁴ обратил внимание на следующее.

Право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее смерть кормильца и установленное в судебном порядке). Круг таких лиц определен. Это родители и супруг умершего кормильца, если они достигли возраста 60 и 55

лет (соответственно мужчины и женщины) либо являются инвалидами. Члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию. Нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, но которые сами получали какую-либо пенсию, имеют право перейти на страховую пенсию по случаю потери кормильца. И такое право им предоставлено в соответствии со ст. 10 Закона о страховых пенсиях.

В данном случае необходимо подчеркнуть справедливость позиции Верховного Суда Российской Федерации, ведь по смыслу норм Закона о страховых пенсиях понятие «иждивение» предполагает два значимых оценочных критерия: как полное содержание члена семьи умершим кормильцем, так и получение от него помощи, являющейся для этого лица постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, то есть не исключается факт наличия у члена семьи какого-либо собственного дохода (пенсии или других выплат).

Верховный Суд также отметил, что факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего кормильца членом его семьи может быть установлен, в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим кормильцем, и его собственными доходами, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца.

Таким образом, для назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца Верховным Судом было установлено, что помощь, оказываемая супругу, являющемуся инвалидом, другим супругом (его кормильцем), может выражаться как в денежной форме, так и в осуществлении необхо-

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2021 № 5-КГ21-25-К2 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=672742#qU21mCTSasvkqw9C1>.

димого супругу постоянного ухода, связанного со значительными материальными затратами в целях поддержания жизнеобеспечения нуждающегося лица и удовлетворения его жизненных нужд и потребностей, не покрываемых за счет доходов самого инвалида и фактически возлагаемых на его кормильца.

Дело было направлено Верховным Судом на новое рассмотрение в суд первой инстанции. То есть судебный акт не только собрал воедино оценочные критерии понятия «иждивение», но и дал ему определение исходя из смысла норм Закона о страховых пенсиях. Верховным Судом было также установлено, что факт иждивения может быть обоснован не только финансовой помощью, но и осуществлением ухода за нуждающимся лицом, состоящим на иждивении.

Следующий пример оценочных характеристик в содержании понятия может быть представлен в ходе исследования таких дефиниций, как «место жительства», «место пребывания» и «фактическое проживание», содержащихся в Законе Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» (далее — Закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-1).

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2021 № 69-КГ21-8-К7 отмечается следующее.

Заявитель обратился в суд с иском о признании незаконными решения территориального управления МВД: о выплате пенсии за выслугу лет без районного коэффициента, о ежегодном пред-

ставлении документов, действий по удержанию денежных средств из пенсии за выслугу лет, восстановлении районного коэффициента к пенсии за выслугу лет.

В своем заявлении он указывает, что является получателем пенсии за выслугу лет по линии МВД России, пенсия была назначена с применением районного коэффициента 1,5, установленного Постановлением Правительства РФ для конкретного субъекта РФ⁵.

Примерно через год со дня установления ему пенсии ему становится известно об уменьшении пенсии за выслугу лет. В отделе пенсионного обслуживания заявителю разъяснили, что был произведен перерасчет пенсии за выслугу лет и эта пенсия будет выплачиваться без учета ранее установленного районного коэффициента ввиду того, что заявитель не представил в срок в отдел пенсионного обслуживания документы, подтверждающие его проживание на территории соответствующего субъекта РФ. Кроме того, заявителю было разъяснено, что для получения пенсии за выслугу лет с применением районного коэффициента ему необходимо ежегодно на 1 марта и на 1 сентября представлять в отдел пенсионного обслуживания документы, подтверждающие его фактическое проживание и наличие трудовых отношений на территории соответствующего субъекта РФ.

На этом основании заявитель считал решения территориального органа МВД России о выплате ему пенсии за выслугу лет без учета районного коэффициента, об удержании из его пенсии за выслугу лет излишне выплаченных денежных средств, а также требование этого органа о ежегодном представлении документов о месте жительства на территории субъекта РФ (Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) и наличии трудовых отношений незаконными. Ведь отсутствие у заявителя регистрации по месту жительства на террито-

5. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1237 «О размерах коэффициентов и процентных надбавок и порядке их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, проходящих военную службу (службу) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях» // СЗ РФ. 2012. № 3. Ст. 436.

рии соответствующего субъекта РФ при наличии регистрации по месту пребывания и фактическом проживании в этом регионе не могло являться основанием для принятия таких решений.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что основанием для начисления к пенсии за выслугу лет районного коэффициента является фактическое проживание лица. При этом отметил, что отсутствие регистрации по месту жительства или по месту пребывания не может служить основанием ограничения прав заявителя.

У суда апелляционной инстанции было свое видение ситуации, он считал, что право на получение пенсии с учетом районного коэффициента связано с проживанием, а не с пребыванием гражданина в соответствующей местности, а значит, для назначения районного коэффициента заявитель должен был быть зарегистрирован в соответствующем субъекте РФ. Помимо этого, суд второй инстанции отмечает, что требования территориального органа МВД России о подаче документов, подтверждающих фактическое проживание, являются законными.

Спор дошел до Верховного Суда Российской Федерации, и у него сложилось иное видение. Выплата пенсий, предусмотренных данным законом, осуществляется по месту жительства или месту пребывания пенсионеров в пределах территории Российской Федерации. Это находит отражение в ст. 56 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-1.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что пенсия за выслугу лет лицам начисляется с применением соответствующего районного коэффициента, если пенсионер проживает, (и для этого не обязательно быть зарегистрированным по месту жительства) в определенной местности.⁶ Представляется вполне справедливым мнение вышестоящего суда о том, что лицу нет необходимости подтверждать ежегодно свое фактическое место проживания для того, чтобы воспользоваться возможностью получе-

ния установленной законом пенсии с применением районного коэффициента. Таким образом, Суд считает, что нельзя возлагать на пенсионера дополнительную обязанность.

Еще одно заслуживающее внимания понятие – это «стойкая утрата трудоспособности». Оно содержится в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Правилах определения стойкой утраты трудоспособности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации и в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Обратимся к содержанию Определения Верховного суда Российской Федерации от 28 августа 2014 г. № АПЛ14-342.

Так, заявитель, являющийся сотрудником правоохранительных органов, во время службы получил две черепно-мозговые травмы средней тяжести, обратился в суд с требованием признать недействующим пункт Правил, которые устанавливают процент стойкой утраты трудоспособности сотрудника лишь в случае тяжелой черепно-мозговой травмы.

Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила решение суда без изменения, отметив, что Правила определения стойкой утраты трудоспособности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации не противоречат требованиям действующего федерального законодательства.

Перечисленные примеры конкретизации оценочных понятий в судебных актах о праве граждан на блага и гарантии социального обеспечения составляют лишь малую часть в сфере правотворчества органов судебной власти. Можно привести еще ряд примеров наличия оценочных признаков в тех или иных понятиях, используемых законодателем в сфере социального обеспечения. Например, «учреждения для детей», «социальная защита» и

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2021 № 69-КГ21-8-К7 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=676906#Pzs4mCteKYtD4i6S1>.

«социальная поддержка», о чем свидетельствует Определение Верховного суда Российской Федерации от 6 мая 2010 г. № КАС10-186⁷.

Невозможность дать точную формулировку таким понятиям может способствовать возникновению ситуаций умаления либо ограничения важнейших конституционных прав граждан на социальное обеспечение и образование, охрану здоровья и медицинскую помощь, воспитание и семейное содержание, адресную социальную поддержку. В современных условиях постиндустриального развития такие действия недопустимы, поскольку социальные права являются фундаментальной основой в системе прав человека, они же неотъемлемые юридические возможности для

каждого, посредством которых обеспечивается защита и поддержка со стороны общества и социального государства⁸.

Как показывает обзор судебной практики, законодательство о социальной защите и социальном обеспечении содержит в себе множество оценочных понятий. Граждане, обращаясь за защитой своих законных прав, нередко доходят до вышестоящей судов в поисках справедливого решения. Суды в свою очередь ставят точку в споре и тем самым не только формируют судебную практику, но и конкретизируют понятия, дополняют их или дают им соответствующие определения, которые представляют широкий интерес для науки и могут быть необходимы для российского законодателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонова Н.В., Астаева М.Г. Оценочные понятия в праве социального обеспечения (теоретико-правовой аспект) // В сборнике: Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений. Сборник научных трудов. 2019. С. 241-246
2. Астаева М.Г. Проблема оценочных понятий в праве социального обеспечения. Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 46-47;
3. Путило Н.В. Социальные права в постиндустриальном обществе: монография. М.: Проспект, 2021. 120 с.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Antonova N.V., Astaeva M.G. Ocenochnye ponjatija v prave social'nogo obespechenija (teoretiko-pravovoj aspekt) // V sbornike: Jazyk pravotvorchestva v uslovijah cifrovizacii obshhestvennyh odnoszenij. Sbornik nauchnyh trudov. 2019. S. 241-246
2. Astaeva M.G. Problema ocenochnyh ponjatij v prave social'nogo obespechenija. Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 5. S. 46-47;
3. Putilo N.V. Social'nye prava v postindustrial'nom obshhestve: monografija. M.: Prospekt, 2021. 120 s.

7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 6 мая 2010 г. № КАС10-186 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100417/.

8. Путило Н.В. Социальные права в постиндустриальном обществе: монография. М.: Проспект, 2021. 120 с. С. 18.

Д.А. ЛАВРЕНТЬЕВА

Анализ отдельных проблем деятельности государственного учреждения как некоммерческой организации

АННОТАЦИЯ. В статье проведен анализ проблем деятельности государственного учреждения, являющегося некоммерческой организацией, затронуты вопросы, связанные со сроками регистрации данных организаций, предложены пути решения. Автором обоснована необходимость совершенствования российского законодательства о некоммерческих организациях, в частности, внесение изменений по увеличению общего срока государственной регистрации некоммерческих организаций, а также исключению специальных сроков государственной регистрации политических партий и общественных объединений, а также – по изменению способа взаимодействия – использовать вместо почтовых отправлений Единую систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), посредством которой осуществлять отправку пакета электронных документов. Это позволит, по мнению автора, сделать более доступной процедуру государственной регистрации некоммерческих организаций и постепенно приведет к увеличению размера некоммерческого сектора в экономике Российской Федерации

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное учреждение, некоммерческая организация, регистрация некоммерческой организации, казенное учреждение.

ЛАВРЕНТЬЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА – студентка 3-го курса магистратуры заочной формы обучения Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Казенное учреждение взаимодействует с различными структурами и организациями, вступая с ними в финансовые отношения. Полагаем, что возможно выделить следующие направления взаимодействия в данной сфере:

– с государством, которое заключается в применении учреждением общепринятой системы налогообложения, общую сумму налоговых выплат образуют НДФЛ, налог на имущество, транспортный налог, страховые взносы;

– с физическими лицами, что отражается в самостоятельном формировании Учреждением по согласованию с Учредителем структуры, штатного расписания, определении формы, системы и размера оплаты труда;

– с иными организациями в соответствии с общими нормами гражданского законодательства. Взаимодействие с иными организациями осуществляется согласно государственным контрактам и договорам, заключенных в соответствии с законодательством в сфере закупок.

Специфика ответственности Учреждения состоит в том, что как казенное учреждение оно отвечает в пределах своих лимитов. Однако руководитель и сотрудники Учреждения могут быть привлечены к ответственности, согласно вверенным им полномочиям. При этом нередко имеют место судебные споры с участием учреждений, касающиеся правил аукциона, взаимоотношений сотрудников и руководителя казенного учреждения, нарушений трудового законодательства. При реализации деятельности казенного учреждения требуется соблюдение правил и законодательно установленного порядка обращения со сведениями, составляющим государственную тайну. При этом суды достаточно тщательно анализируют обстоятельства каждого дела, являющегося предметом разбирательства в суде, давая надлежащую правовую оценку. В целом практика характеризуется единообразием, что свидетельствует о ее качественном уровне¹.

Учреждениями заключаются государственные контракты и договоры в силу плана графи-

1. Бабак Д.В. Двойственная природа ответственности казенных учреждений // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1 № 5 (19). С. 14.

ка, согласуемого с Администрацией и соответствующего утвержденной бюджетной смете на год. Важнейшим принципом при этом выступает принцип эффективности осуществления закупок, заключающийся в экономии бюджетных средств при условии максимально возможного полного обеспечения своих потребностей в товарах, работах или услугах.

Как представляется, достижение успеха при реализации принципа разумной экономии может быть достигнуто следующими путями:

- требуется обеспечение приоритета закупок, производимых конкурентным способом;
- начальная максимальная цена контракта должна быть корректно сформирована заказчиком;
- число «бумажных» процедур должно быть максимально снижено, по возможности, надлежит полностью отказаться от них, перейдя лишь на электронные торги.

Торги в любом случае позволяют прийти к экономии, в качестве которой рассматриваются оставшиеся деньги в результате снижения цены по отношению к начальной максимальной цене контракта. При этом следует учитывать разъяснения Минфина России о том, что основания для отзыва остатков бюджетных обязательств, которые образовались по итогам конкурентных закупок, отсутствуют, на это прямо указано в Письме от 19.11.2018 № 09-02-07/83381. Соответственно у федеральных заказчиков имеется право производства новых госзакупок за счет экономии, образуемой при проведении конкурентных закупочных процедур.

Нельзя не выделить одну значимую проблему в данной сфере, заключающуюся в том, что в случае заключения контракта на сумму доведенных заказчику лимитов бюджетных обязательств, без его расторжения невозможно повторное заключение контракта с использованием тех же денежных средств. Данное ограничение сохраняется и при уверенности заказчика в неисполнении контракта поставщиком (подрядчиком, исполнителем),

вследствие чего обязанности по перечислению ему денежных средств по контракту у заказчика не возникнет.

Все вышеизложенное позволяет утверждать о постановки казенных Учреждений действующим законодательством в жесточайшие рамки, что приводит к снижению эффективности управленческих решений, и, соответственно, эффективности работы Учреждения.

Современное правовое регулирование ведения лицевых счетов предусматривает: оптимизацию их количества за счет определенной интеграции на едином лицевом счете, но в различных разделах, с целью ведения раздельного учета информации о проводимых операциях с денежными средствами, которыми вправе распоряжаться казенное учреждение в соответствии с бюджетной сметой. Ранее средства, которыми распоряжался получатель бюджетных средств в соответствии со сметой расходов (средства федерального бюджета), сметой доходов и расходов (средства, полученные от приносящей доход деятельности), а также денежными средствами, полученными от аренды федерального имущества (средства дополнительного бюджетного финансирования) отражались на различных лицевых счетах. Нет никаких сомнений, что при объединении учета операций на едином счете, Федеральное казначейство руководствовалось едиными требованиями, предъявляемыми к порядку их расходования и возможности использования для погашения своих денежных обязательств казенным учреждением.

Сейчас у казенного учреждения отсутствует самостоятельное право распоряжаться денежными средствами, получаемыми в результате деятельности, приносящей доход, либо в результате аренды федерального имущества². Данные средства относятся к числу неналоговых доходов казны, зачисляются на счет соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации.

Представляется, что необходимо осуществлять различие понятий правового режима счета и правового режима денежных средств на счете.

² Спиридонов П.Е. Некоммерческие организации как субъекты административного права // Lex russica. 2019. № 1. С. 57.

Правовой режим счета представляет собой установленный нормативным правовым актом порядок открытия, ведения и закрытия счета, перечень совершаемых по нему операций исходя из субъектной составляющей, объекта учета и назначения счета. Определение правового режима счета имеет большое практическое значение, поскольку устанавливает отраслевую принадлежность правовых норм, регулирующих правоотношения по данному счету. Например, ст. 239 БК РФ устанавливает иммунитет бюджета, следовательно, обращение взыскания на средства бюджета, отраженные на лицевых счетах, может производиться только на основании исполнительных документов в соответствии с нормами БК РФ (ст. 242.3 БК РФ).

К лицевым счетам казенных учреждений не применяются нормы ГК РФ об очередности списания средств со счета без согласия клиента (ст. 854 ГК РФ), а норма об очередности платежей (ст. 855 ГК РФ) применяется с учетом норм финансового законодательства и др.

Правовой режим денежных средств на счете представляет собой установленный нормативным правовым актом порядок определения источников планирования, использования и учета денежных средств, отраженных на счетах определенного вида. Установление правового режима денежных средств предполагает их строго целевой характер использования, в случае нарушения которого возможно применение соответствующих мер ответственности.

Однако представляется, что следует в большей степени уделить внимание проблемам сроков государственной регистрации некоммерческих организаций и проблемам взаимодействия уполномоченного и регистрирующего органов в рамках государственной регистрации некоммерческих организаций.

Законодательно установлены определенные сроки предоставления государственных услуг, он не должен превышать:

- 33 дня для государственной регистрации общественных объединений;
- 30 дней для государственной регистрации политических партий;
- 1 месяца и 3 дней или 6 месяцев и 3 дней для государственной регистрации религиозных организаций (учитывается срок проведения религиозной экспертизы);
- 17 рабочих дней для иных некоммерческих организаций³.

Федеральной налоговой службой России при государственной регистрации коммерческих организаций проводится проверка документов, поступающих от заявителей, на их соответствие законодательству. Из Министерства юстиции Российской Федерации документы по поводу государственной регистрации некоммерческой организации поступают уже прошедшие проверку на соответствие законодательству.

Все изложенное позволяет утверждать о необходимости совершенствования российского законодательства о некоммерческих организациях, с целью упрощения процедуры государственной регистрации некоммерческих организаций, повышения ее доступности для лиц, желающих реализовать себя в некоммерческой сфере⁴.

Можно обозначить две основные проблемы правоприменения в сфере государственной регистрации некоммерческих организаций.

Первая проблема заключается в обеспечении достоверности информации об общем сроке государственной регистрации некоммерческих организаций, поскольку в подзаконном акте Министерства юстиции Российской Федерации содержится недостоверная информация об общем сроке государственной регистрации некоммерческих организаций. Зачастую на практике складывается ситуация, когда фактический общий срок государственной регистрации некоммерческой организации существенно превышает срок, установленный в указанном акте. Решение данной

3. Старшинова А.И. Актуальные проблемы в области государственной регистрации некоммерческих организаций // Правовые и гуманитарные исследования: сборник научных статей студентов и аспирантов. СПб., 2016. С. 69.

4. Хохлышев Н.С. К вопросу о правовых проблемах, возникающих в связи с отказом в государственной регистрации некоммерческих организаций // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 18.

проблемы видится во внесении изменений по увеличению общего срока государственной регистрации некоммерческих организаций, а также исключении специальных сроков государственной регистрации политических партий и общественных объединений.

В качестве второй проблемы надлежит рассматривать длительность сроков взаимодействия Минюста России и ФНС России при учреждении некоммерческих организаций, заключающихся в том, что взаимодействие Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной налоговой службы (их территориальных органов) осуществляется в рамках процедуры государствен-

ной регистрации некоммерческих организаций посредством почтовых отправлений, что занимает длительное время — вплоть до двух недель. Решить данную проблему возможно путем изменения способа взаимодействия — использовать вместо почтовых отправлений Единую систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), посредством которой осуществлять отправку пакета электронных документов. Представляется, что такие изменения позволят сделать более доступной процедуру государственной регистрации некоммерческих организаций и постепенно приведут к увеличению размера некоммерческого сектора в экономике Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабак Д.В. Двойственная природа ответственности казенных учреждений // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1 № 5 (19). С. 13-15.
2. Спиридонов П.Е. Некоммерческие организации как субъекты административного права // Lex russica. 2019. № 1. С. 51-61.
3. Старшинова А.И. Актуальные проблемы в области государственной регистрации некоммерческих организаций // Правовые и гуманитарные исследования: сборник научных статей студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2016. С. 68-75.
4. Хохлышев Н.С. К вопросу о правовых проблемах, возникающих в связи с отказом в государственной регистрации некоммерческих организаций // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 16-19.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Babak D.V. Dvojtvennaya priroda otvetstvennosti kazennyh uchrezhdenij // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2017. T. 1 № 5 (19). S. 13-15.
2. Spiridonov P.E. Nekommercheskie organizacii kak sub"ekty administrativnogo prava // Lex russica. 2019. № 1. S. 51-61.
3. Starshinova A.I. Aktual'nye problemy v oblasti gosudarstvennoj registracii nekommercheskih organizacij // Pravovye i gumanitarnye issledovaniya: sbornik nauchnyh statej studentov i aspirantov. Sankt-Peterburg, 2016. S. 68-75.
4. Hohlyshev N.S. K voprosu o pravovyh problemah, vznikayushchih v svyazi s otkazom v gosudarstvennoj registracii nekommercheskih organizacij // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2014. № 2. S. 16-19.

Н.В. ЛЕБЕДЕВ

Проблемные факторы банкротства предприятий РФ и вероятные способы их преодоления в современный период

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье рассматриваются основные особенности несостоятельности предприятий в 2022 году. В феврале 2022 года РФ начала проведение специальной операции на Украине по оказанию помощи независимым ДНР и ЛНР, а также обеспечению собственной безопасности ввиду расширения военного блока НАТО на восток. В ответ на это ряд стран Западной Европы, США, Япония и другие ввели рестрикции по отношению к России. Это привело к мировому экономическому кризису и другим негативным последствиям для России и для стран, которые эти рестрикции ввели. В этих условиях российские предприятия оказались в сложном положении, так как на большинстве из них использовалось иностранное оборудование полностью или частично. Автор рассматривает возможные последствия этой кризисной ситуации, проводит историческую хронологию развития и падения российской промышленности в 90-е годы XX века, предлагает пути преодоления возможных факторов риска ликвидации предприятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предприятие, территория, эксперимент, несостоятельность (банкротство), экономический кризис, прогнозирование, рестрикции, специальная операция, мораторий, модель, цех, дотационное производство, инвестирование, ВПК.

ЛЕБЕДЕВ НИКИТА ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – аспирант 3-го курса очной формы обучения Академии труда и социальных отношений (e-mail: Lebedev_n.v@mail.ru).

Скачкообразная поляризация политической ориентации России на мировой арене существенно влияет на все основные внутренние функции государства, в том числе и на одну из основной из них – экономическую. Экономике современных государств могут быть устроены по-разному, это могут быть индустриальные, производящие экономики, что характерно для большинства стран Западной Европы, США, Японии и других. Это могут быть сырьевые экономики, что характерно для Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Королевства Саудовской Аравии, Государства Ливии. Есть аграрные экономики со слабым присутствием индустриализации, например, Республика Малайзия или с существенным привлечением туристического капитала, например, Республика Кипр. Россия, в новой и новейшей истории всегда была страной неопределенной экономической направленности, в зависимости от формы государства. Уникальность ее заключается в том, что она обладает огромной территорией, богатой полезными ископаемыми и плодородной почвой, а также существенной научной и практической базой

в сфере индустриализации и инновационных технологий. Поэтому в различные времена лидеры Российского государства могли себе позволить, в зависимости от политического курса страны, ставить различные эксперименты над экономикой. Это была и электрификация страны (ГОЭЛРО), которая закончилась удачно и до сих пор помогает развитию всех остальных отраслей экономики. И экспериментальная «аграризация» отдельных территорий бывшего Советского Союза, от которой в основном пострадали территории Республики Казахстан. Это и индустриализация всей страны в 30-е годы XX века, которая тоже закончилась неудачно в 90-е годы. В результате нее были утрачены практически 80% предприятий, кроме предприятий военно-промышленного комплекса (далее ВПК), остальные предприятия были успешно обанкрочены в рамках разоружения и нерентабельности. В результате к началу 2000-х годов Россия превратилась в отсталую страну с сырьевой экономикой, зависимой от спроса иностранных государств и импортирующую в обмен все жизненно важные товары из-за границы, кроме оружия.

Принятый Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о несостоятельности) предъявлял довольно строгие требования к субъектам банкротства, а особенно к предприятиям, всегда играющим ключевую роль в экономике. В 2009 году в Закон о несостоятельности была добавлена Глава III.1, которая практически исключала банкротство крупных предприятий. Промышленное производство постепенно начало восстанавливаться, но путь его восстановления был выбран изначально неверно. В 2000-е годы, чтобы восстановить былое экономическое положение страны на мировой арене, промышленность надо было восстанавливать быстро, и тем более не отставать от технического прогресса. Поэтому руководство страны выбрало самый оптимальный и быстрый путь – это иностранные инвесторы, оборудование, товары, станки, детали и другое, но все современное и иностранное. Однако в 2010 году руководство страны решило постепенно избавиться от иностранной зависимости и появились первые предложения по импортозамещению, были открыты научные центры (например, Сколково), которые активно осваивали бюджетные деньги для создания собственных отечественных инновационных технологий. Сама по себе идея отличная, избавиться от иностранной зависимости когда-то все равно необходимо любой экономически сильной державе, но сделать это можно разными путями. В России этот путь избавления от иностранной зависимости был выбран не совсем верно. Потому что происходило частичное товарное импортозамещение, т.е. иностранные товары не закупались за границей, а производились у нас в России, но опять же на иностранном оборудовании и по иностранному подобию. На самом деле, как сейчас уже показывает практика, необходимо было внедрять не товарное импортозамещение, а технологическое, т.е. производить товары, в том числе и иностранные, на своем оборудовании, по своим технологиям и со своими названиями. Потому что насаждение иностранных товаров, названий технологий, мышления привело к тому, что обыкновенный русский леденец «Петушок» никто не приобретает, а если его обернуть яркой

упаковкой и назвать «Чупа – Чупс», то спрос появляется мгновенно. Тем не менее, возвращаясь к хронологии событий, необходимо отметить, что 2020 и 2022 год для российской промышленности стал знаковым. В 2020 году в период природной пандемии коронавируса многие предприятия и целые отрасли промышленности почувствовали на себе что такое «самоизоляция» и отсутствие поставок запасных частей и целых агрегатов из-за границы. Авиаперевозчикам уже тогда надо было задуматься о приобретении собственных отечественных летательных аппаратов, а аграриям об изготовлении отечественных аналогов запасных частей к зерноуборочной технике. Особенности банкротства предприятий этого периода заключались разве что в почти полном отсутствии такого банкротства крупных и средних предприятий. Потому что государство оказало беспрецедентную безвозмездную помощь всем категориям предприятий наиболее пострадавших отраслей экономики. При этом был израсходован весь бюджетный профицит (резерв), накопленный с 2015 года.

Если вернуться непосредственно к самому процессу банкротства предприятий, то в «§ 5. Банкротство стратегических предприятий и организаций» Закон о несостоятельности предусматривает перечень (Распоряжение Правительства РФ от 20.08.2009 № 1226-р), особый порядок и меры предупреждения банкротства этих предприятий и организаций. Но и простое предприятие привести к ликвидации путем несостоятельности(банкротства) довольно сложно. Существует комплекс прогнозирующих мер по предупреждению банкротства предприятий. Методики, разработанные российскими учеными, позволяют достаточно точно определить вероятность банкротства того или иного предприятия и принять соответствующие меры по предотвращению несостоятельности. Ряд законных и подзаконных нормативных правовых актов финансовой, гражданско-правовой, предпринимательской направленности не позволяют сделать это в нормальных условиях. Это происходит только тогда, когда это предприятие начинает само по себе тормозить развитие экономики, устарело, становится нерентабельным и от него необходимо

избавиться. Но ликвидировать без последствий не получается, потому что предприятие – это имущественный комплекс, рабочие места, кредиторы. Значит, рентабельно это делать только, предоставив что-то взамен, поэтому каждый прецедент несостоятельности (банкротства) предприятия является особым юридическим фактом и находится на контроле государства.

В настоящее время в РФ назрела особо сложная внешняя и внутренняя экономическая ситуация. Ряд индустриально развитых стран Западной Европы, США, Канада, Япония и другие ввели рестрикции в отношении России в связи с проведением специальной операции на территории Украины. РФ оказывает военную помощь вновь созданным суверенным республикам ДНР и ЛНР, потому что главы республик обратились за помощью к РФ. В феврале 2022 года РФ признала независимость Донецкой и Луганской народных республик и начала оказывать им военную и другие виды помощи. Это было расценено некоторыми мировыми державами как нападение РФ на Украину и в связи с этим против России были введены рестрикции экономического характера. В результате этого были «заморожены» золотовалютные резервы РФ в странах Западной Европы и США, прекращен экспорт иностранных товаров, наложено эмбарго на импорт российской продукции. Большинство иностранных компаний прекратили или приостановили свою деятельность на территории РФ. Россией были предприняты меры ответного характера, в том числе наложен мораторий на банкротство юридических и физических лиц, кроме строительных организаций, по инициативе кредиторов до октября 2022 года. В этих условиях все предприятия, работающие на территории России, испытали определенные трудности. Те предприятия, которые начиная с 2010 года начали потихоньку переходить на отечественное импортозамещение, отделались малыми потерями и уже сейчас по прошествии нескольких месяцев смогли полностью заместить импорт запасных частей и иностранного оборудования. А те предприятия, которые были полностью ориентированы на выпуск иностранной продукции или работали на иностранном оборудовании, в насто-

ящее время встали и не работают. Некоторые иностранные компании продали свой бизнес в России отечественным предпринимателям (например, Мак – Дональд), и это самый лучший исход для иностранных предприятий, которые постепенно переориентируются на отечественную продукцию. Но большинство иностранных предприятий или с их участием просто покинули рынок России и в октябре 2022 года начнется их принудительное банкротство и ликвидация.

В этой ситуации интересно другое с экономической точки зрения. На работу военно-промышленного комплекса эмбарго, рестрикции и другие ограничения не отразились вообще, а наоборот, он стал работать еще с более увеличенной нагрузкой. Ни о каком банкротстве, моратории банкротства в отношении так называемых в законе стратегических предприятий не идет. Например, воздушно-космические силы России (далее ВКС) самые лучшие в мире, а отечественная гражданская авиация укомплектована по большей части иностранными авиалайнерами, которые даже не в собственности российских авиаперевозчиков, а в лизинге. Т.е. пора вспомнить старую русскую поговорку «сапожник без сапог» и уклад советской экономики. В Советском Союзе были крупные военные предприятия, но особенность военно-промышленного комплекса (далее ВПК) заключалась в том, что он не был обособлен от гражданских крупных и средних предприятий. Все без исключения средние и крупные предприятия имели военную составляющую в виде отдела, цеха, совмещенного производства, которое было, как правило, неосновным и дотационным. А вся продукция (кроме детских игрушек), которая выпускалась на предприятиях, имела двойное назначение, т.е. в любое время ее можно было переоборудовать, уже готовую, под военные нужды или быстро переоборудовать само производство под выпуск военной техники. Сейчас речь не идет о создании подобной модели промышленного производства в России. И тем более, не идет речь о конверсии части ВПК под нужды гражданского общества, как это было в 90-е годы XX века, хотя реформа вооруженных сил закончилась в 2020 году. Сегодня в период ухода иностранных инве-

сторов с российского рынка можно предложить модель внутреннего инвестирования убыточных предприятий, находящихся на грани или стадиях банкротства более сильными предприятиями ВПК или, например, «Газпромом» по примеру ПАО «Уральский завод тяжелого машиностроения»¹. Ведь инвестиции – это не только финансы, это и кадры, и инновационные технологии, и отечественное оборудование.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время до момента окончания принудитель-

ного моратория так называемым «брошенным» предприятиям, вероятность возвращения собственников которых маловероятна, а вероятность ликвидации максимальна, можно предварительно спрогнозировать вероятностные, рискованные причины и факторы банкротства². А также предварительно распределить будущих инвесторов из ВПК РФ и других потенциально сильных инвесторов (например, госкорпорация «Росатом») на те изначально дотационные предприятия, которые необходимы России для дальнейшего успешного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баженов О.В., Синявская Е.Р., Корманченко П.Б. Анализ существующей оценки методик вероятного банкротства машиностроительных предприятий, находящихся под управлением институционального инвестора // Дискуссия. 2019. № 1 (92). С. 14-20.
2. Иванова А.А. Банкротство предприятия и способы его предупреждения. Актуальные вопросы научных исследований / Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. Иваново: НИЦ «Диалог». Издательство: Индивидуальный предприниматель Цветков Алексей Александрович, 2018. С. 30-32.
3. Лазуренко К.В. Влияние банкротств предприятий на национальную экономику // Аллея науки. 2020. № 1(40). С. 112-116.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bazhenov O.V., Sinjavskaja, E.R., Kormanchenko, P.B. Analiz sushhestvujushhej ocenki metodik verojatnogo bankrotstva mashinostroitel'nyh predpriyatij, nahodjashhihsja pod upravleniem institucional'nogo investora // Diskussija. 2019. № 1 (92). S. 14-20.
2. Ivanova A.A. Bankrotstvo predpriyatija i sposoby ego preduprezhdenija. Aktual'nye voprosy nauchnyh issledovanij / Sbornik nauchnyh trudov po materialam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ivanovo: NIC «Dialog». Izdatel'stvo: Individual'nyj predprinimatel' Cvetkov Aleksej Aleksandrovich, 2018. S. 30-32.
3. Lazurenko K.V. Vlijanie bankrotstv predpriyatij na nacional'nuju jekonomiku // Alleja nauki. 2020. № 1(40). S. 112-116.

¹ Баженов О.В., Синявская Е.Р., Корманченко П.Б. Анализ существующей оценки методик вероятного банкротства машиностроительных предприятий, находящихся под управлением институционального инвестора // Журнал: Дискуссия. 2019. № 1 (92). С. 14.

² Иванова А.А. Банкротство предприятия и способы его предупреждения. Актуальные вопросы научных исследований: сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. Иваново: НИЦ «Диалог». Издательство: Индивидуальный предприниматель Цветков Алексей Александрович, 2018. С. 31.

М.В. ТАРАСОВА

Законодательное регулирование кредитования в экономической политике Российской империи в XVIII веке

АННОТАЦИЯ. В XVIII веке значительно расширяются экономические связи России с Европой, а с расширением внешней торговли умножились и отношения в области финансовых и кредитных отношений, а отсутствие законодательного регулирования данных отношений в России привело к падению русского вексельного курса (из-за обращения к дорогостоящему долгосрочному кредиту у иностранцев) и снижению темпов роста отечественной крупной промышленности.

В статье анализируются правовые положения узаконений, определявших систему кредитования во второй половине XVIII века. Приводится сравнительная характеристика условий выдачи кратковременных ссуд по указам 1754 и 1764 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кредитование, ссуда, Коммерческий банк, мануфактура, вексельный курс.

ТАРАСОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка 2-го года обучения Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail.ru: marena2409@bk.ru).

В XVIII веке в народном хозяйстве России, с завершением образования централизованного государства и формированием национального рынка, зарождаются новые явления, возникло крупное производство, расширяются торговые связи, развитие которых невозможно без урегулированной законом системы кредитования и наличия свободных денежных средств. На протяжении восемнадцатого столетия верховная власть пыталась решить данную проблему, но, к сожалению, потерпела неудачу, хотя и смогла привлечь внимание правоведов и экономистов к решению этого вопроса.

Правительство, непосредственно заинтересованное в развитии крупной промышленности и торговли, прежде всего внешней, не имея приспособленную для этой цели кредитного аппарата, во многих случаях предоставляло денежные суммы тем или иным торговым и промышленным предприятиям. Интересен факт того, что, например, первые мануфактуры на тульских заводах, были образованы за счет казенных срочных ссуд¹.

Государственной поддержкой пользовались многие владельцы мануфактур, выраженной не в денежной форме, а в виде пожалованных земельных участков, недр, сел с крестьянами. Анализ источников позволяет сделать вывод, что на мануфактурах не сильно применялся вольнонаемный труд, а более труд крепостных рабочих, и можно утверждать, что отсутствие упорядоченного законом кредитования привело к созданию категории помещичьих крестьян.

Не менее актуальным был вопрос об упорядочении кредитования торговых операций, потому что недостаток свободных денежных средств и дороговизна кредитов, предоставляемых ростовщиками, не соответствовали интересам экономической политики государства.

Несмотря на множество проведенных реформ, петровская администрация не смогла выработать определенного порядка финансирования и кредитования мануфактурной промышленности. Необходимо отметить, что Берг-коллегии было предоставлено, в некоторых случаях, мануфак-

¹ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., АН СССР, 1930. С. 239, 231; Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. Олонские медные и железные заводы. Л., АН СССР, 1931. С. 135.

туры и фабрики «деньгами снабжать», но после разделения Мануфактур- и Берг-коллеги на два самостоятельных учреждения 1722 году положение резко изменилось, ибо скудного бюджета Мануфактур-коллегии не хватало даже на содержание ее аппарата, а основные средства на финансирование и кредитование промышленности отпускались каждый раз из средств государства по специальному ходатайству и с особого разрешения Правительствующего Сената².

Установившаяся практика выдачи промышленником денежных ссуд была позднее оформлена законодательным порядком в регламенте Мануфактур-коллегии в 1723 году: «буди же усмотрится которая мануфактура или фабрика производится порядочным порядком и содержатели имеют к тому радение и имеетя впредь на нее надежда, а в силу за неимением достаточной суммы произвести они не могут; таким Коллегия имеет чинить капиталом вспоможение по рассуждению их действия с ведома Сената»³. Немаловажен и факт того, что известный экономист петровской эпохи Иван Посошков в своей известной книге о скудости и богатстве (1724 г.) воспроизводит уже воплощенный законодателем в указе 1723 года способ кредитования государством частной промышленности, а именно «стараться, чтобы долго ... заведенных фабрик на казенные деньги не держать, но, приведши в доброе состояние, отдавать партикулярным людям»⁴. Далее Посошков говорит о необходимости оказания государством кредитной помощи промышленникам, предлагая ввести низкий процент при долгосрочных ссудах в 6%, и именно такой процент был установлен законом 1754 г. «О наказании ростовщикам» и введен ссудными банками, возникшими в том же году.

Вопросы кредитования торговли в свете поиска способов улучшения внешнеторгового балан-

са, что соответствовало господствовавшему в том момент учению меркантилизма, правительство пыталось решить организацией больших торговых компаний в указе 1723 года об учреждении компании для торговли с Испанией под управлением Коммерц-коллегии, «как мать над дитятем во всем»⁵, но так как это было «приневолено», то успеха сея затея не имела.

Преемники Петра придерживались такой же политики в области кредитования частных промышленных предприятий из государственного бюджета, особым покровительством пользовались горные заводы и суконные мануфактуры, то есть промышленные предприятия, которые обеспечивали армию и флот. Непосредственно выдача денежных сумм была излишне бюрократизирована и сопровождалась «волокитей»: не было установленного срока для рассмотрения ходатайства, определенного набора документов для ее получения. Но при этом имущество поручителя, если таковой требовался, ибо его наличие или отсутствие было делом «случая», особенно тщательно описывалось, так как это было гарантией возврата полученной ссуды. Платежеспособность самого фабриканта или заводчика проверялась путем проведения ревизий, так как подаваемые лично промышленниками статистические данные по предприятиям были крайне неинформативны⁶. Еще одним способом возврата ссуды было заключение контрактов на поставку товаров на сумму, равную сумме ежегодного погашения ссуды.

Анализ архивных документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, позволяет сделать вывод, что указанные меры не позволяли добиться возврата ссуд, а превращали их в безвозвратные пособия, которые и составляли значительную часть, нередко и основную, капитала промышленных предприятий.

2. Бабурин Д. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 200.

3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ. Собр. I). Том VII. № 4378. С. 167-174.

4. ПСЗ. Собр. I. Том VII. № 4381. С. 181-182.

5. ПСЗ. Собр. I. Том VII. № 4540. С. 332.

6. Более подробно см.: Богданова, Ю. Н. Законодательное регулирование промышленной статистики в Российской империи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2(65). С. 16-20.

Кредитование торговых операций было отнесено к функциям Коммерц-коллегии⁷, но этим правом она пользовалась нечасто, хотя и для улучшения русского вексельного курса и облегчения торговых расчетов с иностранными контрагентами Верховный тайный совет принял решение об учреждении особого торгового капитала в Голландии⁸.

История официальных кредитных учреждений в России началась с указа 8 января 1733 года «О правилах займа денег из Монетной Конторы»⁹, который установил заявительный порядок для получения «всякого чина людям» займа и «объявить свой заклад», который бы «превосходил бы ценою данных денег четвертою долею», на срок не более года под 8%, но был установлен запрет на залог деревень и дворов. Данный указ был использован как прецедент многими государственными учреждениями, в сферу деятельности которых не входили кредитные и финансовые вопросы.

13 мая 1754 года был обнародован указ об учреждении государственного заемного банка, о порядке кредитования и о наказании ростовщиков. Можно утверждать, что данный указ явился следствием экономической политики, проводимой Шуваловым в 50-е годы XVIII столетия¹⁰, направленной на формирование национального единого рынка, что способствовало развитию промышленности и укреплению государственных финансов. Банк подчинялся Коммерц-коллегии, имея главою президента данной коллегии, выдавал шестипроцентные годовые краткосрочные ссуды только российским купцам, торговавшим при Петербургском порту, под залог товара сроком

до 6 месяцев. При этом размер ссуды не мог превышать 70% стоимости товара, что должно было быть засвидетельствовано представителями банка и поручительством купцов. 23 августа 1754 года срок погашения займа был увеличен до года¹¹. На президента Коммерц-коллегии Якова Евреинова возлагалась ответственность за то, что деньги будут даваться действительно надежным людям, тем самым ему были даны достаточно широкие возможности маневрирования средствами банка. Свои коррективы внесла Семилетняя война, установив рассрочку в платеже на четыре года равными частями, но только «надежным людям»¹².

Указом от 4 марта 1764 года¹³ Коммерческому банку, порученному в 1754 г., в единоличное управление президента Коммерц-коллегии, велено было, ввиду несогласия между членами коллегии, в общем ведении всей Коммерц-коллегии. Но уже указом от 6 апреля того же года для более успешного взыскания банком просроченных ссуд Коммерческий банк был передан в управление камергера графа Николая Головина и президента Коммерц-коллегии Якова Евреинова¹⁴, тем самым срок возврата просроченных ссуд на сумму 382.000 рублей увеличился на 2 года. При этом была утверждена новая инструкция «роздачи денег» из Коммерческого банка сенатским указом от 23 июля того же года¹⁵, который законодательно утвердил уже существовавшую практику, хотя и учел некоторые «пожелания» купечества. Деньги выдавались на срок от месяца до года, от ста до десяти тысяч рублей «с каждого ста рублей по шести процентов в год»¹⁶. Сама процедура получения и возврата была детально описана в

7. ПСЗ. Собр. I. Том VII. № 4453. С. 241-249.

8. ПСЗ. Собр. I. Том VIII. № 5273. С. 39-41.

9. ПСЗ. Собр. I. Том IX. № 6300. С. 6-7.

10. П.И. Шувалов стал также инициатором таких мероприятий, как соляная монополия 1750 г., отмена внутренних таможен 1753 г., монетная операция 1754 г., межевая инструкция и таможенный тариф 1757 г.

11. ПСЗ. Собр. I. Том XIV. № 10.280. С. 199.

12. ПСЗ. Собр. I. Том XV. № 11.451. С. 923-924.

13. ПСЗ. Собр. I. Том XVI. № 12.072. С. 599-600.

14. ПСЗ. Собр. I. Том XVI. № 12.127. С. 707-708.

15. ПСЗ. Собр. I. Том XVI. № 12.127. С. 845-847.

16. Там же. С. 845.

указе, нововведением была возможность залога драгоценных металлов, выдача ссуд без залога под поручительство Магистратов и Ратуш.

Указом от 6 октября 1782 года Коммерческий банк, прекративший по указу выдачу денег с 1770 года, был упразднен, с передачей своих капиталов в Петербургский дворянский банк, решенных дел в Петербургский архив старых дел, а нерешенных дел в Коммерц-коллегию¹⁷.

Кроме Коммерческого банка, правительство кредитовало промышленность путем создания специальных «экспедиций», например для поддержки промышленников, пострадавших во время восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Достаточно часто функции банка возлагались на губернские администрации, магистраты и т.д., хотя и на практике это было реализовано только в Астрахани, имевшей ключевое значение

в торговле с Востоком, но и только в отношении товаров, шедших через порт, особенно транзитом в европейские страны. Уже в упомянутом указе от 23 июля 1764 года был специальный пункт касательно Астраханского банка во главе с губернатором. Более того, указом от 11 марта 1779 года в Астрахани был учрежден Ссудный банк¹⁸ для поддержки пострадавших от крестьянской войны армян.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что существовавшая в XVIII веке кредитная система не могла обеспечить ни значительный рост промышленности в государстве, ни стабилизировать вексельный курс, хотя и верховная власть уделяла этому вопросу значительное внимание, например, параграф 238 Екатеринского наказа был посвящен организации торгового банка, а Городовое положение предоставило право организации публичных банков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабури́н Д.С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии / Труды Московского историко-архивного института. Т.1. М.: [Тип. им. Воровского], 1939. 392с.
2. Богданова Ю.Н. Законодательное регулирование промышленной статистики в Российской империи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2(65). С. 16-20.
3. Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л.: АН СССР, 1930, XXXIV, 503 с.
4. Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. Олонецкие медные и железные заводы. Л.: АН СССР, 1931, XXVI, 247, 63 с, 1 л. карт.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Baburin D.C. Ocherki po istorii Manufaktur-kolleгии / Trudy Moskovskogo istoriko-arhivnogo instituta. T.I. M.: [Tip. im. Vorovskogo], 1939. 392s.
2. Bogdanova YU.N. Zakonodatel'noe regulirovanie promyshlennoj statistiki v Rossijskoj imperii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2022. № 2(65). S. 16-20.
3. Krepostnaya manufaktura v Rossii. CH. 1. Tul'skie i Kashirskie zheleznye zavody. L.: AN SSSR, 1930, XXXIV, 503 s. (
4. Krepostnaya manufaktura v Rossii. CH. 2. Oloneckie mednye i zheleznye zavody. L.: AN SSSR, 1931, XXVI, 247, 63 s, 1 l. kart.

¹⁷. ПСЗ. Собр. I. Том XXI. № 15.534. С. 695.

¹⁸. ПСЗ. Собр. I. Том XX. № 14.853. С. 805.

А.К. ЯКУБЕНКО

Установление и реализация уголовной ответственности за экономические преступления в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются экономические преступления, которые независимо от модели построения системы хозяйственного управления в любом государстве являются крайне негативным явлением. В Российской Федерации противодействие экономическим преступлениям имеет свои особенности и носило как репрессивный, так и либеральный уклоны воздействия. Автор статьи полагает, что современная отечественная уголовная политика ориентирована на гуманизацию уголовного законодательства, что предполагает и значительное смягчение ответственности лиц, совершивших экономические преступления. Это выражается в приоритетном условном осуждении (условном лишении свободы), освобождении от уголовной ответственности по специальным основаниям и др.

В статье проанализированы статистические данные о состоянии преступности в России, свидетельствующие, что либерализация уголовной ответственности за экономические преступления не приносит желаемых результатов. Показатели совершения этих преступлений не меняются, а отказ от применения мер имущественного характера как наказания провоцирует совершение новых преступлений, но уже с причинением большего имущественного ущерба. Отсюда возникает необходимость изучения современных особенностей реализации ответственности за экономические преступления и выработки предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

В результате сопоставительного анализа концептуальных положений отечественного законодательства, судебной практики в сфере реализации уголовной ответственности за экономические преступления, динамики различных видов статистических данных об экономической преступности в России и высказанных в научной литературе мнений по проблеме применения средств уголовно-правовой охраны экономических отношений автором статьи сделаны следующие выводы:

1) экономические преступления обладают значительной общественной опасностью, т.к. способны причинить существенный вред интересам общества и государства. Это качество экономических преступлений свидетельствует о необходимости пересмотра приоритетов в современной уголовной политике;

2) уголовные наказания, назначаемые за совершение экономических преступлений, должны предполагать дополнительные лишения имущественного характера, что обеспечит повышение эффективности общей и частной превенции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая преступность, преступления в сфере экономической деятельности, уголовное наказание, конфискация имущества, либерализация уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности за совершение экономических преступлений, уголовная политика.

ЯКУБЕНКО АНАСТАСИЯ КОНСТАНТИНОВНА – аспирантка Иркутского государственного университета (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления пользуются большим интересом в научной среде. Это подтверждает достаточно большое количество монографических изданий, диссертационных исследований и публикаций в периодической печати, которые подготовлены по различным

аспектам противодействия экономической преступности, квалификации экономических преступлений, установления и применения мер ответственности за их совершение. Из фундаментальных работ по данной проблеме следует назвать монографическое исследование Н.А. Лопашенко «Преступления в сфере экономиче-

ской деятельности (глава 22 УК РФ)»¹, а также работу Г.А. Есакова «Экономическое уголовное право: Общая часть»². Из специальных исследований отдельных видов и групп экономических преступлений можно выделить диссертацию А.А. Боровкова «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации»³, монографии В.Ф. Лапшина «Финансовые преступления: политика противодействия и законодательная техника»⁴, И.В. Осипова, Ю.В. Трунцевского «Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам»⁵, и др.

В действующей Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, указывается, что защита национальных интересов современной России обеспечивается путем реализации ряда стратегических национальных приоритетов, одним из которых признается экономическая безопасность (пп. 5 п. 26 Стратегии). Данное положение корреспондирует с одной из задач реализации государственной политики, решение которой направлено на обеспечение государственной и общественной безопасности. Так, в пп. 10 п. 47 Стратегии указывается на необходимость снижения «уровня преступности в экономической сфере, в том числе в кредитно-финансовой...», и здесь же в пп. 12 выделяется «реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления». Из этого можно сделать вывод, что экономическая преступность по-прежнему остается одной из проблем национального мас-

штаба, в числе средств решения которой особое место занимает уголовное наказание.

Анализ официальных данных о состоянии преступности за последние пять лет свидетельствует, что ситуация в области противодействия преступлениям экономической направленности принципиально не меняется. В 2017-2021 гг. удельный вес преступлений экономической направленности стабильно составлял 5% в общем объеме количественных показателей всей зарегистрированной преступности. Значительный прирост преступлений экономической направленности произошел в 2021 году и составил 11,6% по отношению к количественному показателю 2020 года: 117,7 и 105,5 тысяч зарегистрированных преступлений соответственно. Но наибольшая опасность преступлений экономической направленности видится в стабильно увеличивающемся размере материального ущерба, который причиняется в результате их совершения. Если по итогам 2017 года ущерб от преступлений экономической направленности составил 234,3 млрд. руб., то за 2021 год этот показатель возрос до 641,9 млрд. руб.

Приведенные данные статистической отчетности МВД РФ «О состоянии преступности в Российской Федерации» за 2017-2021 гг. указывают на следующие факты:

– материальный ущерб от преступлений экономической направленности имеет тенденцию к значительному ежегодному росту, что свидетельствует о возрастающей общественной опасности данных преступлений для национальных интересов России;

1. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). В 2-х частях. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2022. 568 с.; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). В 2-х частях. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с.

2. Есаков Г. А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. 356 с.

3. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 240 с.

4. Лапшин В.Ф. Финансовые преступления: политика противодействия и законодательная техника: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 229 с.

5. Осипов И.В., Трунцевский Ю.В. Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам. М.: Проспект, 2022. 240 с.

– удельный вес экономической преступности в общих показателях общероссийской преступности принципиально не меняется, что указывает на неэффективность предпринимаемых мер предупреждения.

Отдельного внимания заслуживает современная политика гуманизации уголовного законодательства и экономии уголовной репрессии⁶, в т.ч. по отношению к виновным в совершении экономических преступлений. Отсутствие положительных результатов в борьбе с экономической преступностью требует пересмотра принципиального отношения к назначению и исполнению уголовных наказаний за преступления экономической направленности. *Существует комплекс проблем, решение которых позволит повысить эффективность уголовно-правовой борьбы с исследуемыми преступлениями.*

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (Форма №10.1) в 2017-2020 гг. к осужденным за преступления в сфере экономики реальное наказание в виде лишения свободы применялось приблизительно в 25-30% случаев вынесения обвинительного приговора. Кроме этого, значительная часть осужденных из этой группы осуждалась условно с применением ст. 73 УК РФ. Учитывая, что в Стратегии национальной безопасности указывается, что особое внимание следует обратить на борьбу с преступлениями в кредитно-финансовой сфере, достаточно показательны примеры применения уголовных наказаний за преступления, предусмотренные ст.ст. 186, 187 УК РФ: в 2020 году за их совершение осуждено 678 человек, из которых 242 приговорены к реальным срокам лишения свободы (преимущественно до 3 лет), а 409 человек (2/3 от общего числа) осуждены условно. Такая же тенденция сохраняется и в 2021 году: за первое полугодие общее количество осужденных по ст. 186-187 УК РФ составило 447 человек, из которых к реальному лишению свободы при-

говорено 130 человек, а осуждены условно 299 человек (Форма №10.1 за первое полугодие 2021 года).

УК РФ предусматривает широкие возможности для применения различных видов наказаний за преступления экономической направленности, многие из которых не связаны с изоляцией от общества: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и др. Но практика применения мер ответственности, включая и за преступления экономической направленности, во многих случаях идет по пути предпочтения условного осуждения реальному виду уголовного наказания. Это вполне укладывается в общий тренд политики гуманизации, но по свидетельству официальных статистических данных влияние на экономическую преступность оказывается неэффективным и провоцирующим рост негативных последствий от преступной деятельности.

При применении достаточно либеральных мер уголовной ответственности к лицам, признанным виновными в совершении преступлений экономической направленности, суды часто используют аргументы, связанные с положительными социальными характеристиками осужденных: наличие семьи и несовершеннолетних детей, трудовая деятельность и др. К примеру, при осуждении Ш. по ст. 196 УК РФ за совершение преднамеренного банкротства, в результате которого коммерческой организации причинен ущерб в сумме около 237 млн. руб. (категория тяжкого преступления), суд в обвинительном приговоре указал на факт проживания подсудимого с супругой и несовершеннолетними детьми, отсутствие заявлений от граждан на нарушение правил общежития и поведения, положительные характеристики по месту работы и др.

Несмотря на факт непризнания вины, суд в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, установил «частичное признание фак-

⁶ Сныткин Р.И. Перспективы процесса гуманизации системы уголовных наказаний // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4. С. 43-49.

тических обстоятельств преступления». При отказе от возмещения причиненного ущерба наличие судимости за ранее совершенное преступление, предусмотренное ст. 145.1 УК РФ, а также установления отягчающего наказание обстоятельства в виде совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, суд все же определил, что дополнительное наказание подсудимому назначать не следует, а исполнение лишения свободы назначил условно, указав, что это будет достаточным для исправления Ш. В итоге подсудимому назначено наказание в виде лишения свободы сроком на три года условно с испытательным сроком два года⁷.

Данный подход привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности полностью соответствует политике либерального реагирования на экономическую преступность, хотя вопросы о справедливости принимаемых решений и об эффективности превентивной деятельности государства остаются открытыми.

Мнения представителей уголовно-правовой науки относительно гуманизации уголовной ответственности в целом либо в отношении виновных в совершении преступлений экономической направленности единством не отличаются. Некоторые исследователи горячо поддерживают идею гуманизации уголовного законодательства и полагают, что именно таким образом будет обеспечено эффективное противодействие преступности. З.Р. Мугимова указывает, что в отдельных случаях совершения экономических преступлений и конструктивно, и гуманно освобождать виновных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Поэтому она поддер-

живает введение в УК РФ ст. 76.1, которой устанавливаются специальные основания для освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Компенсация причиненного имущественного ущерба во многих случаях совершения указанных преступлений обеспечит нивелирование виновным общественно опасных последствий от совершения значительной части преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ⁸.

Я.И. Гилинский и А.В. Рабош отмечают, что современная система уголовных наказаний, предусмотренных действующим законодательством РФ, практика реализации уголовно-правового воздействия нуждаются в кардинальном пересмотре. Реальное лишение свободы за совершенное преступление должно стать «высшей мерой наказания», которая применяется только в отношении совершеннолетних лиц за тяжкие насильственные преступления⁹.

Р.И. Сныткин считает, что эволюционное развитие системы уголовных наказаний предполагает постепенный отказ от широкого применения лишения свободы в пользу наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, которые не предполагают в процессе исполнения содержание осужденного в условиях изоляции от общества. Он же указывает на уже «формирующиеся положительные тенденции» развития институтов уголовной ответственности и уголовного наказания, что вызвано введением в УК РФ принудительных работ как альтернативы лишению свободы, расширением практики освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также другими проявлениями на практике политики гуманизации уголовного законодательства¹⁰.

7. Приговор №1-166/2021 от 9.07.2021 по делу №1-166/2021 Шадринского районного суда Курганской области / Судебные и нормативные акты РФ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

8. Мугимова З.Р. Цель уголовного наказания – восстановление социальной справедливости в контексте гуманизации уголовного законодательства // Евразийский юридический журнал. 2019. №5. С. 251-252.

9. Гилинский Я.И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. №3. С. 173.

10. Сныткин Р.И. Перспективы процесса гуманизации системы уголовных наказаний // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. №4. С. 47.

Но мнение об одобрении либерализации уголовной ответственности как основного направления уголовной политики по противодействию экономической преступности разделяется далеко не всеми представителями современной науки уголовного права. В частности, М.И. Орешкин и М.А. Сутурин отмечают, что проводимый курс либерализации применения уголовной ответственности за экономические преступления в действительности не приводит к каким-то положительным изменениям в российском обществе и не оказывает сколь-нибудь значимого воздействия на состояние макроэкономических показателей в стране¹¹.

В.Ф. Лапшин, осуществляя сопоставительный анализ практики применения уголовной ответственности в Российской Федерации и в отдельных зарубежных странах за налоговые и иные экономические преступления, указывает на недопустимую либеральность государства по отношению к представителю экономической преступности. Чрезмерно мягкие наказания, размеры которых иногда являются несопоставимыми с суммами причиненного реального имущественного ущерба в результате преступной деятельности, приводят к осознанию безнаказанности и провоцируют на совершение иных более тяжких преступлений в сфере осуществления экономической деятельности¹².

Анализируя актуальные проблемы назначения наказаний за экономические преступления, Т. С. Коваленко тоже указывает на недостаточную эффективность использования средств уголовного права при борьбе с экономической преступностью в современной России. И по ее обоснованному мнению это связано в первую очередь с незначительными

размерами санкций норм об экономических преступлениях. Лица, совершающие общественно опасные деяния в сфере экономической деятельности, привлекаются к уголовной ответственности с назначением символических наказаний: например, 50 000 рублей штрафа за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, предметом которого стали более 800 бутылок алкогольной продукции. Дав оценку ряду приговоров в отношении виновных в совершении экономических преступлений, делается вывод о необходимости отказа от чрезмерно и необоснованно мягкой политики противодействия экономическим преступлениям для обеспечения соблюдения принципа справедливости и достижения целей уголовного наказания¹³.

Наверное, наиболее категоричное мнение о проводимой уголовной политике и практике применения уголовного закона как в части экономических преступлений, так и иных предусмотренных уголовным законодательством общественно опасных деяний высказала Н.А. Лопашенко. На основании проведенного исследования изменений и дополнений уголовного закона, которые осуществлялись преимущественно на основании идеи гуманизации, она делает вывод, что политика формирования уголовного запрета основывается на принципе: «Чего изволите?». Научно необоснованные законодательные решения как о смягчении уголовной ответственности, так и о ее усилении приводят только к трудностям в процессе правоприменения. Напротив, по ее мнению уголовный закон стал средством политического торга, при котором становится возможным обращать уголовную кару на представителей оппозиционного¹⁴.

¹¹ Орешкин М.И., Сутурин М.А. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 51.

¹² Лапшин В.Ф. Назначение наказания за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 79-80.

¹³ Коваленко Т.С. Актуальные проблемы назначения наказаний за преступления в сфере экономики // Российский следователь. 2021. № 5. С. 58.

¹⁴ Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 46-47, 55.

Приведенные мнения, высказанные в научной литературе, свидетельствуют о неоднозначности и продолжающемся поиске решения проблемы противодействия экономической преступности. Исследование материалов уголовных дел о совершении тех или иных преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК РФ, указывает на наличие значительного материального вреда, который причиняется в результате их совершения. Как правило, это не зависит от категории, к которой отнесено соответствующее преступление в сфере экономической деятельности. Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые настаивают на признании повышенной общественной опасности экономических преступлений и на применении строгих мер уголовной ответственности к представителям экономической преступности.

Для обеспечения должного предупреждения совершения новых преступлений в сфере экономической деятельности следует обеспечить применение наказаний или иных мер уголовно-правового воздействия, которые предполагают денежное (имущественное) взыска-

ние, налагаемое на осужденного. Соблюдение данного правила назначения наказания за экономическое преступление обеспечит бессмысленность совершения противоправной деятельности и будет способствовать повышению эффективности предупреждения уголовно-правовыми средствами.

Исследование проблемы противодействия экономическим преступлениям средствами уголовного закона показало, что политика либерального воздействия на «беловоротничковую» преступность не приводит к положительным результатам. Чрезмерная мягкость уголовных наказаний, назначаемых за преступления в сфере экономической деятельности, неприменение штрафа в качестве дополнительного наказания или конфискации имущества у осужденного негативно отражаются на предупреждении совершения новых преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК РФ. Все это свидетельствует о необходимости принципиального пересмотра основных направлений уголовной политики борьбы с экономической преступностью в современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 240 с.
2. Гишинский Я.И., Рабош А.В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. № 3. С. 170-175.
3. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2019. 356 с.
4. Коваленко Т.С. Актуальные проблемы назначения наказаний за преступления в сфере экономики // Российский следователь. 2021. № 5. С. 56-59.
5. Лапшин В.Ф. Назначение наказания за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 76-80.
6. Лапшин В.Ф. Финансовые преступления: политика противодействия и законодательная техника: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 229 с.
7. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). В 2-х частях. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2022. 568 с.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). В 2-х частях. Ч. II. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с.
9. Лопашенко Н.А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 44-55.
10. Мугинова З.Р. Цель уголовного наказания – восстановление социальной справедливости в контексте гуманизации уголовного законодательства // Евразийский юридический журнал. 2019. № 5. С. 251-252.
11. Орешкин М.И., Сутурин М.А. К вопросу о либерализации уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2019. 13. С. 48-51.
12. Осипов И.В., Трунцевский Ю.В. Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам. М.: Проспект, 2022. 240 с.
13. Сныткин Р.И. Перспективы процесса гуманизации системы уголовных наказаний // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4. С. 43-49.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Borovkov A.A. Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti (chch. 5-7 st. 159 UK RF): problemy ugovolno-pravovoj reglamentacii i kvalifikacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 240 p.
2. Esakov G.A. Ekonomicheskoe ugovolnoe pravo: Obshchaya chast': monografiya. M.: Izdatel'skij dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2019. 356 p.
3. Gilinskij Ya.I., Rabosh A.V. Nakazanie v sisteme social'nogo kontrolya nad prestupnost'yu // Obshchestvo i pravo. 2013. № 3. P. 170-175.
4. Kovalenko T. S. Aktual'nye problemy naznacheniya nakazaniy za prestupleniya v sfere ekonomiki // Rossijskij sledovatel'. 2021. №5. P. 56-59.
5. Lapshin V.F. Finansovy prestupleniya: politika protivodejstviya i zakonodatel'naya tekhnika: monografiya. M.: Yurlitinform, 2016. 229 p.
6. Lapshin V.F. Naznachenie nakazaniya za nalogovye prestupleniya // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2015. № 1. P. 76-80.
7. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (glava 22 UK RF). V 2-h chastyah. Ch. I. M.: Yurlitinform, 2022. 568 p.
8. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (glava 22 UK RF). V 2-h chastyah. Ch. II. M.: Yurlitinform, 2022. 448 p.
9. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika po principu «Chego izvolite?», ili ugovolnyj zakon kak sredstvo resheniya vsekh problem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2015. № 1. P. 44-55.
10. Muginova Z.R. Cel' ugovolnogo nakazaniya – vosstanovlenie social'noj 13spravedlivosti v kontekste gumanizacii ugovolnogo zakonodatel'stva // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2019. № 5. P. 251-252.
11. Oreshkin M.I., Sutorin M.A. K voprosu o liberalizacii ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Ugolovnaya yusticiya. 2019. № 13. P. 48-51.
12. Osipov I.V., Truncevskij Yu.V. Kvalifikaciya ekonomicheskikh prestuplenij po ocenochnym priznakam. M.: Prospekt, 2022. 240 p.
13. Snytkin R.I. Perspektivy processa gumanizacii sistemy ugovolnykh nakazaniy // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. P. 43-49.

Л.А. БУКАЛЕРОВА, М.Й. МУРКШТИС

Дискуссии о правах граждан США на владение огнестрельным оружием

АННОТАЦИЯ. Контроль за оборотом огнестрельного оружия во многих странах является дискуссионным вопросом. Деятельность государства по ограничению оборота оружия не должна понизить уровень безопасности, и в то же время необходимо соблюсти права и законные интересы граждан и организаций. По мнению авторов, в Соединенных Штатах Америки накоплен значительный положительный опыт правового регулирования вопросов ограничения оборота оружия, который может быть использован в Российской Федерации при регулировании данных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государство, оружие, личная безопасность, ограничение, правовое регулирование, проблемы, США, имплементация.

БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, профессор кафедры частного права Государственного университета управления (e-mail: l_a_buka@mail.ru);

МУРКШТИС МАРИОС ЙОКУБО – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Согласно докладу «Claire Mc Evoy и Gergely Hideg»¹ в 2016 году во всем мире произошло около 210 000 насильственных смертей, связанных с огнестрельным оружием, из них 81% были умышленными убийствами. В 2016 г. 44% всех зарегистрированных убийств были совершены с применением огнестрельного оружия. По мнению юриста из США Р. Стол (Rachel Stohl)², незаконный оборот оружия является лишь частью гораздо более широкой глобальной теневой экономики, в которой оружие используется с целью угрозы или как средство оплаты других незаконных товаров, таких как алмазы, наркотики или того же самого оружия.

Исследование Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) выявило, что пистолеты – самый распространенный вид изымаемого огнестрельного оружия у населения в мире, в 2016–2017 годах они составляли более 50% огне-

стрельного оружия, изъятого в США. В Европе в гражданском обороте в равном количестве пистолеты, винтовки и дробовики, а в Африке и Азии распространены дробовики, а в Австралии и Океании – винтовки или ружья³.

В США право граждан на ношение оружия установлено Второй поправкой к Конституции: «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» (A well regulated Militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear Arms, shall not be infringed)⁴.

Правила же получения лицензий, хранения и ношения оружия регламентируются в каждом штате по-разному. Всего в сфере оборота оружия на территории США в настоящий период применяются около 2 500 нормативных правовых актов.

1. Mc Evoy and Hideg, 'Global Violent Deaths 2017: Time to Decide' // URL: <https://www.smallarmssurvey.org/resource/global-violent-deaths-2017-time-decide> (дата обращения 12.07.2022).

2. Rachel J. Stohl «Fighting the Illicit Trafficking of Small Arms», SAIS Review of International Affairs, Johns Hopkins University Press, Volume 25, Number 1, Winter-Spring 2005, pp. 59-68.

3. UNODC – United Nations Office on Drugs and Crime, 'Global Study on Firearms 2020' // URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/firearms-study.html> (дата обращения 12.07.2022).

4. Государственный департамент США: Билль о правах (на русском языке). state.gov.

По критерию жесткости законов об оружии А.А. Шулуc подразделяет США на «штаты со строгим, либеральным и средним законодательством»⁵. По смыслу американского правопорядка ни один гражданин не может быть лишен права носить оружие без серьезных оснований, однако этот факт влияет на состояние оборота незаконного оружия в стране и преступности с использованием оружия⁶.

По данным на 2019 год, больше всего стрелкового оружия на руках у американцев – 393,3 миллиона (120,5 единицы на 100 человек). По данным Росгвардии, на руках у 5 миллионов россиян в легальном пользовании находится свыше 6,2 миллиона единиц оружия, на каждые 100 жителей имеется до 9⁷. Как мы видим, в России на порядок меньше оружия у населения, даже если вооружить все население страны, бесхозными останутся примерно 67 млн единиц оружия⁸.

Соединенные Штаты – рекордсмены по насилию с применением огнестрельного оружия, что в свою очередь привлекает внимание как на внутреннем, так и на международном уровне к относительно слабым законам об оружии и оказывает давление на законодателей для проведения значимых реформ в этом вопросе.

Между тем насилие с применением огнестрельного оружия резко возросло на фоне пандемии COVID-19. По состоянию на июнь 2022 года в США от огнестрельного оружия погибло около девятнадцати тысяч человек, а массовые расстрелы, в которых пострадало не менее четырех человек, происходили со скоростью не менее одного в день⁹.

В США 28% всех преступлений совершаются с применением огнестрельного оружия, в том числе порядка 34 тыс. убийств в год¹⁰. В этой связи снова открылись дискуссии о контроле (запрещении) огнестрельного оружия в самих США.

Так, доступность штурмового оружия и боеприпасов вызвала общенациональную дискуссию после многочисленных массовых расстрелов школьников в Увальде, штат Техас, где в начальной школе Robb Elementary School 24 мая 2022 года погиб двадцать один человек – дети и педагоги¹¹.

Конгресс США вновь рассмотрел поправки к законодательству об оружии, их поддерживала общественность, но поправки не прошли.

К сожалению, в Америке не стихают случаи повтора случая в Колумбайне, которые переросли в незаконное движение «колумбайн».

Вспомним, 20 апреля 1999 года вооруженные огнестрельным оружием учащиеся средней школы «Колумбайн» («Columbine High School massacre») в штате Колорадо США Эрик Харрис и Дилан Клиболд пришли в свое учебное заведение и открыли стрельбу по одноклассникам, убив 13 человек (12 учеников и одного учителя), ранили еще 23 человека, после чего застрелились сами.

Впоследствии нападения повторились в 2007 г. в Виргинском политехническом институте, в 2012 г. в начальной школе Сэнди-Хук, в 2018 г. в средней школе Марджори Стоунман Дуглас. В 2021 г. Америку потрясла серия вооруженных нападений, от которых погибло более 45 000 человек¹².

В отчете швейцарского Обзора стрелкового ору-

-
5. Шулуc А.А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 12. С. 322.
 6. Муркшис М.Й. Незаконный оборот оружия и его предупреждение [Электронное издание]. Москва: Статут, 2019. 112 с.
 7. М. Макарычев, М. Фалалеев. Какое место занимает Россия по количеству оружия на душу населения // URL: <https://rg.ru/2019/01/09/kakoe-mesto-zanimaet-rossia-po-kolichestvu-oruzhiia-na-dushu-naseleniia.html>.
 8. Количество единиц оружия в США на 67 млн превысило численность населения // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b29bdd69a79479de93bdd81> (дата обращения 12.07.2022).
 9. Gun violence archive [электронный ресурс] <https://www.gunviolencearchive.org/> (дата обращения 12.07.2022)
 10. Никитина О.А. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом оружия: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 47.
 11. Sneha Dey, Erin Douglas, Andrew Zhang and Brooke Park. 21 lives lost: Uvalde victims were a cross-section of a small, mostly Latino town in South Texas. The Texas tribune, and Jessica Priest, the Texas Tribune and Propublica may 27, 2022 // URL: <https://www.texastribune.org/2022/05/25/uvalde-school-shooting-victims/> (дата обращения 12.07.2022).
 12. Jonathan Masters. U.S. Gun Policy: Global Comparisons, June 10, 2022 // URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/us-gun-policy-global-comparisons> (дата обращения 12.07.2022).

жия 2018 г.¹³ было указано, что в США проживает менее 5 процентов населения мира, которые владеют почти половиной мирового оружия (46%), и Америка имеет самый высокий процент убийств с применением огнестрельного оружия.

В сентябре 2004 г. в США истек 10-летний запрет на приобретение 19 видов полуавтоматического оружия, что повлияло на рост преступности. Значительное число граждан США выступают за запрет «штурмового» оружия¹⁴.

Сторонники права на владение оружием в США говорят, что эти статистические данные не свидетельствуют о прямой причинной связи между владением оружием и преступлениями. Положительно, что в Америке право на оборот оружия не безгранично, Конгресс США и законодательные органы штатов имеют право принимать соответствующие законы, а Верховный суд США ограничил оборот огнестрельного оружия, например, введя запрет на скрытое хранение оружия и владение определенными видами оружия, а также запрет на продажу оружия определенным категориям людей. Так, закон штата Невада (NRS 202.2531) запрещает лицам, привлекавшимся к уголовной ответственности, домашним насильникам, тяжелобольным и другим людям покупать или иметь огнестрельное оружие; продавцы огнестрельного оружия, имеющие федеральную лицензию, обязаны проводить такую проверку потенциальных покупателей¹⁵.

В соответствии со ст. ст. 921 – 929 Кодекса федеральных законов США № 18 запрещены торговые операции, которые распространяются на территорию более чем одного штата и предусматривают поставку, транспортировку, получение или обладание огнестрельным оружием следующим лицам: против которых выдвинуты обвинения; осужденным за преступления, пред-

усматривающие тюремное заключение на срок более одного года; скрывающимся от правоохранительных органов; незаконно использующим марихуану и другие подавляющие или стимулирующие лекарственные препараты, лекарства, содержащие наркотики, или любые другие препараты, распространение которых контролируется законом; которые в судебном порядке признаны душевнобольными или были направлены в лечебные заведения для душевнобольных; уволенным из Вооруженных сил за неблагоприятные поступки; бывшим гражданам США, отказавшимся от американского гражданства; иммигрантам, незаконно находящимся в США.

В соответствии со ст. 922 указанного Кодекса огнестрельное оружие не может быть продано или получено лицами, в отношении которых есть решение суда, которое содержит: запрещение для данного лица физически или морально преследовать или угрожать близким людям либо их детям, или вести себя таким образом, что близкий человек будет иметь основания для боязни получения им либо его ребенком физических ранений; заключение о том, что данное лицо представляет собой реальную угрозу физической безопасности такого близкого человека либо его ребенка; решение, запрещающее использование, попытку использования или угрозу использования физической силы по отношению к близким людям либо детям, в результате чего возможно, с достаточной степенью вероятности, нанесение физических повреждений¹⁶.

В последние годы в Конгрессе США обсуждались изменения в законодательство об огнестрельном оружии лицам, включенным в федеральные списки террористов.

Кроме того, в соответствии со ст. 922 (g) разд. 8 «Иностранные граждане» (Aliens and Nationality)

¹³. Estimating Global Law Enforcement Firearms Numbers. Briefing Paper, June 2018. (See Annexe with data by country/territory.)

¹⁴. Шаповалов А. Заверните автомат Калашникова // Российская газета. 2004. 15 сентября.

¹⁵. Table of titles and chapters Nevada revised statutes // URL: <https://www.leg.state.nv.us/Division/Legal/LawLibrary/NRS/index.html> (дата обращения 12.07.2022).

¹⁶. Невский С.А. Ограничение оборота оружия как средство предупреждения преступлений (зарубежный и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2.

Свода законов США (United States Code) лицам, незаконно находящимся на территории США, запрещается владеть огнестрельным оружием и боеприпасами¹⁷.

Принятый в 1993 году Закон Брэди о предотвращении насилия с применением огнестрельного оружия предписывает проверять биографические данные всех лиц, не имеющих лицензии, покупающих огнестрельное оружие у дилера, уполномоченного на федеральном уровне¹⁸. Тем не менее, некоторые законы об оружии не выдержали судебного рассмотрения. Например, в 2008 году Верховный суд отменил принятый в Вашингтоне, округ Колумбия, закон, запрещающий ношение огнестрельного оружия, что стало первым судебным решением по Второй поправке почти за семьдесят лет¹⁹.

Федеральный закон обеспечивает основу для регулирования огнестрельного оружия в США, но сами штаты и округа могут вводить дополнительные ограничения. Некоторые исследования показали, что в штатах с более строгими законами об оружии, таких как Калифорния или Гавайи, меньше смертельных случаев от огнестрельного оружия.

По состоянию на середину 2022 года не существует федеральных законов, запрещающих полуавтоматическое штурмовое оружие, военные винтовки 50-го калибра, пистолеты или магазины большой емкости. Также нет никаких федеральных требований к тем, кто покупает оружие, например, проходить обучение правил обращения с ним²⁰.

Контроль за оборотом огнестрельного оружия в США возложен на агентство Государственного казначейства США (БАТО), его обязанности заключа-

ются в осуществлении правового регламентирования, регулировании производства алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, обеспечении сбора федеральных налогов на стрелковое оружие и т.п.²¹ К сожалению, в России такого специализированного государственного органа нет.

А.Г. Моисеенко прав, что состояние безопасности в государстве в части оборота гражданского огнестрельного оружия характеризуется статистикой противоправных деяний и законных случаев применения в первую очередь легального оружия гражданами, причем указание на легальность оружия является краеугольным камнем в данном вопросе. Состояние безопасности в государстве и ее граждан является в конечном счете той целью, ради которой и осуществляется правовое регулирование в данной сфере.

Статистически верные исследования в большинстве развитых стран подтвердили одну истину — чем больше у законопослушного населения огнестрельного оружия, тем меньше общее количество насильственных преступлений, существенно снижен уровень преступности в целом²².

Джеффри Р. Снайдер отстаивает право граждан США на владение, хранение, ношение огнестрельного оружия: оружие является гарантом права гражданина на необходимую оборону, дает ему возможность противостоять преступникам. По мнению автора с точки зрения гражданина аморально перекладывать риск и ответственность за применение оружия исключительно на сотрудников полиции. Отсюда — государство, разоружающее граждан, порабощает их, а безоружность жертв поощряет преступность²³.

17. Office of the Law Revision Counsel United States Code // URL: <https://uscode.house.gov/> (дата обращения: 01.06.2022).

18. H.R.1025 – Brady Handgun Violence Prevention Act, 103rd Congress (1993-1994) // URL: <https://www.congress.gov/bills/103rd-congress/house-bill/1025> (дата обращения 12.07.2022).

19. District of Columbia v. Heller № 07-290, United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit, Jun 26, 2008 // URL: <https://www.oyez.org/cases/2007/07-290> (дата обращения 12.07.2022).

20. Jonathan Masters. U.S. Gun Policy: Global Comparisons, June 10, 2022 // URL: <https://www.cfr.org/backgrounders/us-gun-policy-global-comparisons> (дата обращения 12.07.2022).

21. Невский С.А. Ограничение оборота оружия как средство предупреждения преступлений (зарубежный и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2.

22. Моисеенко А.Г. Особенности правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в ряде зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 28-31.

23. Снайдер Д.Р. Общество трусов // Человек и закон. 2006. № 11. С. 32-48.

В штате Вермонт (США) пошли еще дальше — предлагалось ввести налог для тех, у кого нет оружия, при этом там не надо специального разрешения на огнестрельное оружие²⁴. Представитель штата Вермонт Фрэд Маслак обязал платить налог штату в размере 500 долларов — на право гражданина возлагать свою безопасность на чужие плечи²⁵.

По нашему мнению, эта точка зрения имеет право на существование в законопослушном обществе, когда граждане, имея оружие, применяют его только в случаях обороны от нападения, там есть мнение, что «у каждой девушки в машине должен лежать маленький пистолет, которым она сможет угрожать или применит его при реальном посягательстве». Однако на практике это зачастую не так, оружие применяют, находясь в состоянии алкогольного или иного опьянения, по мотивам

корысти, мести, зависти, в результате ссоры и т.п.

По мнению К.В. Бубона, американцы вряд ли согласятся на ограничение их прав на владение оружием, так как это прямо коррелирует с правом на их самооборону, а также с соблюдением конституционных прав. К атрибутам федеративной государственности относится актуальная для Америки XVIII–XIX вв. вооруженность гражданского населения²⁶.

Следует сделать вывод, что дискуссия, вспыхивающая по вопросу правомерности владения любого гражданина оружием в Америке, перманентна. Плюсы и минусы есть в каждом решении — за или против тотальной вооруженности населения. Согласны с мнением, что огнестрельное оружие давно существует и будет существовать, пока существует добро и зло.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бубон К.В. США: любовь к оружию или любовь к свободе? // Адвокат. 2009. № 5. С.114-118.
2. Моисеенко А.Г. Особенности правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в ряде зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2010. № 6. С. 28-31.
3. Муркштис М.И. Незаконный оборот оружия и его предупреждение. [Электронное издание]. Москва: Статут, 2019. 112 с.
4. Невский С.А. Ограничение оборота оружия как средство предупреждения преступлений (зарубежный и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2. С. 4-16.
5. Никитина О.А. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом оружия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 182 с.
6. Снайдер Д.Р. Общество трусов // Человек и закон. 2006. № 11. С. 32-48.
7. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.
8. Шаповалов А. Заверните автомат Калашникова // Российская газета. 2004. 15 сентября.
9. Шулул А.А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 12. С. 321-326.
10. Alan Gomez, Kaila White Here are all the victims of the Las Vegas shooting. USA TODAY, 2017 <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2017/10/06/here-all-victims-las-vegas-shooting/733236001/> (дата обращения 12.07.2022).
11. District of Columbia v. Heller № 07-290, United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit, Jun 26, 2008 <https://www.oyez.org/cases/2007/07-290> (дата обращения 12.07.2022).
12. Elizabeth Chuck, Alex Johnson and Corky Siemaszko. 17 killed in mass shooting at high school in Parkland, Florida», NBCNEWS, 2018 <https://www.nbcnews.com/news/us-news/police-respond-shooting-parkland-florida-high-school-n848101> (дата обращения 12.07.2022).
13. Jonathan Masters. U.S. Gun Policy: Global Comparisons, June 10, 2022 <https://www.cfr.org/backgrounders/us-gun-policy-global-comparisons> (дата обращения 12.07.2022).
14. Mc Evoy and Hideg. Global Violent Deaths 2017: Time to Decide. <https://www.smallarmssurvey.org/resource/global-violent-deaths-2017-time-decide> (дата обращения 12.07.2022).
15. Rachel J. Stohl «Fighting the Illicit Trafficking of Small

²⁴ Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.

²⁵ Информационный портал владельцев оружия // URL: http://zbroya.info/ru/blog/2241_nalog-dlia-tekh-u-kogo-net-oruzhiia. (дата обращения 12.07.2022).

²⁶ Бубон К.В.США: любовь к оружию или любовь к свободе? // Адвокат. 2009. № 5.

Arms», SAIS Review of International Affairs, Johns Hopkins University Press, Volume 25, Number 1, Winter-Spring 2005, pp. 59-68.

16. Sneha Dey, Erin Douglas, Andrew Zhang and Brooke Park. 21 lives lost: Uvalde victims were a cross-section of a small, mostly Latino town in South Texas. The Texas tribune, and Jessica Priest, the Texas Tribune and Propublica may 27,

2022 <https://www.texastribune.org/2022/05/25/uvalde-school-shooting-victims/> (дата обращения 12.07.2022).

17. Vizzard, William J. (1999) "The Gun Control Act of 1968," Saint Louis University Public Law Review: Vol. 18: No. 1, Article 7. Available at: <https://scholarship.law.slu.edu/plr/vol18/iss1/7> (дата обращения 12.07.2022).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Bubon K.V. SSHA: lyubov' k oruzhiyu ili lyubov' k svobode? // Advokat. 2009. № 5.

2. Moiseenko A.G. Osobennosti pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo ognestrel'nogo oruzhiya v ryade zarubezhnyh stran // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2010. № 6. S. 28-31.

3. Murkshtis M.J. Nezakonnij oborot oruzhiya i ego preduprezhdenie. [Elektronnoe izdanie]. M.: Statut, 2019. 112 s.

4. Nevskij S.A. Ogranichenie oborota oruzhiya kak sredstvo preduprezhdeniya prestuplenij (zarubezhnyj i mezhdunarodnyj opyt)//Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2009. № 2. S. 4-16.

5. Nikitina O.A. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo v bor'be s nezakonnym oborotom oruzhiya: dis.... kand. jurid. nauk. M., 2002. 182 s.

6. Snajder D.R. Obshchestvo trusov // CHelovek i zakon. 2006. № 11. S.32-48.

7. Tyutin D.V. Nalogovoe pravo: kurs lekcij // Podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2020.

8. SHapovalov A. Zavernite avtomat Kalashnikova // Rossijskaya gazeta. 2004. 15 sentyabrya.

9. SHulus A.A. Pravo na oruzhie v SSHA: sootnoshenie federal'nogo zakonodatel'stva i zakonov shtatov // Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya). 2014. № 12. s. 321-326.

А.М. ЗОКИНА

Транспортные преступления в законодательстве Литвы, Болгарии и Польши

АННОТАЦИЯ. Значительное количество транспортных преступлений, особенно с наличием жертв, вызывает тревогу у законодателей всех стран мира. В статье анализируются нормы стран – соседей России – сходной правовой системы – Литвы, Болгарии и Польши. Как и в РФ, в рассматриваемых государствах в наличии и уголовная, и административная ответственность за деяния при опасной эксплуатации транспортных средств. Законодатель каждой страны выбирает единый подход и устанавливает юридическую ответственность. При этом она дифференцируется в зависимости от тяжести наступивших последствий от нарушения правил безопасности дорожного движения. Выявлено, что в законодательстве Литвы, Болгарии и Польши не сложилось единого подхода к пониманию ответственности за опасное вождение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транспорт, преступления, УК, Литва, Болгария, Польша.

ЗОКИНА АННА МИХАЙЛОВНА – преподаватель Российской академии адвокатуры и нотариата (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Общественная опасность транспортных преступлений, включая уголовно наказуемых деяний, совершаемых в процессе управления автомобилем и иным механическим автотранспортным средством, в соответствии с законодательством стран континентальной правовой системы также характеризуется достаточно высокой степенью, что подтверждается формулировкой составов правонарушений и преступлений в уголовных законах рассматриваемых государств и анализом судебных решений, выносимых в отношении лиц, осужденных за нарушение указанных уголовно-правовых норм. Спецификой уголовного законодательства стран континентальной правовой системы является использование приема кодификации нормативно-правовых предписаний, а также отказа в признании судебных решений самостоятельным источником права¹. Вследствие этого как уголовные, так и иные законы, составляющие основу для отраслевого деления системы права отдельной страны, отличаются большей степенью системати-

зации и унификации в сравнении с аналогичными нормативными актами стран англо-саксонской правовой системы. Этим объясняется существенно меньший объем нормативных предписаний об автотранспортных преступлениях по сравнению с аналогичными нормами вышерассмотренных актов, включенных в систему уголовного права Англии и Канады.

Уголовный кодекс Литвы содержит статью 281 УК, согласно которой к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, нарушившие Правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств при следующих условиях. Во-первых, те, кто, управляя транспортным средством, создал аварию, причинившую тяжкий вред здоровью человека. Наказанием могут быть публичные работы, штраф, арест, лишение свободы до 5 лет.

Во-вторых, те, кто совершил подобное деяние, находясь в состоянии какого-либо опьянения (алкогольного, наркотического) или под воздей-

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 87-93, 99.

ствием психотропных либо других действующих на психику веществ. Здесь в качестве наказания предусмотрено лишение свободы до 6 лет.

В-третьих, те, чьи деяния в результате неправильного управления транспортным средством повлекли аварию с гибелью человека. Наказание в этом случае увеличивается до 8 лет лишения свободы.

В-четвертых, те, кто совершил предыдущее деяние, находясь в состоянии какого-либо опьянения (алкогольного, наркотического) или под воздействием психотропных либо других действующих на психику веществ, могут быть наказаны лишением свободы на срок от 3 до 10 лет.

Также необходимо учитывать, что, как и в российском уголовном праве, виновным может быть признано лицо, совершившее такие деяния по неосторожности.

При этом закон к транспортным средствам относит следующие: автомобили, тракторы, иные самоходные машины, троллейбусы, мотоциклы и другие механические транспортные средства².

Необходимо отметить – подход литовского законодателя в целом сходен с российским. Преступлениями признаны неосторожные деяния лица, нарушившего правила дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, причинившим как минимум тяжкий вред здоровью человека. Гибель потерпевшего влечет повышенную ответственность, и особо квалифицированными видами признаны деяния, совершенные в состоянии различных видов опьянения.

Литовскому уголовному законодательству не известны термины «опасное вождение» или «опасная езда», однако в виду бланкетности соответствующих уголовно-правовых норм такие действия фактически являются разновидностью нарушений правил дорожного движения, которые при наступлении вышеперечисленных общественно опасных последствий могут влечь за собой уголовную ответственность для водителя. Здесь же следует указать, что все перечисленные деяния характеризуются в качестве преступлений, посягающих на

безопасность дорожного движения только в случаях их совершения с неосторожной формой вины.

Еще одним примером установления ответственности за транспортные преступления в государствах, законодательство которых строится на основе принципов континентальной правовой системы, является право Болгарии – показателен Кодекс 1968 года (Уголовный кодекс Болгарии, вступивший в силу 1.05.1968 г. с послед. изм. и доп.). Для нас интересна ст. 342 УК, которая устанавливает наказание в виде лишения свободы до 2 лет или исправительными работами для того, кто, управляя транспортным средством, нарушит правила движения и причинит другому лицу любое телесное повреждение или смерть. При этом к транспортному средству УК Болгарии относит: железнодорожный состав, воздухоплавательное средство, механическое перевозочное средство, судно, боевую или специальную машину. Здесь мы можем отметить расширение понятия транспортного средства. Положительным также следует признать наличие уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека любой степени тяжести.

Примечательно, что такому же наказанию может быть подвергнуто лицо, которое нарушит правила эксплуатации или требования доброкачества ремонта подвижного состава, путей или сооружений, при причинении другому лицу какого-либо телесного повреждения или смерти. Указанные деяния совершаются по неосторожности, но если будет установлен умысел, то при причинении значительного имущественного вреда наказание может быть увеличено до 10 лет лишения свободы, а в случае причинения телесного повреждения хотя бы одному человеку средней тяжести и выше – до 12 лет.

Примечательно, что если будет причинена смерть человеку, наказание может возрасти до 20 двадцати лет лишения свободы, а в особо тяжких случаях виновному грозит пожизненное заключение.

Статья 343 УК Болгарии предусматривает

² См.: Lietuvos Respublikos Baudžiamasis kodeksas // URL: <http://baudziamasiskodeksas.lt/> (дата обращения: 17.01.2022).

ответственность за указанные в ст. 342 деяния, которыми по неосторожности были причинены либо значительный имущественный вред (наказание — лишение свободы до 1 года или исправительные работы); либо от средней тяжести вред здоровью (наказание — лишение свободы до 3 лет или исправительные работы); либо смерть (наказание — лишение свободы до 6 лет).

Примечательно, что если деяние было совершено в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического) и было причинено телесное повреждение или смерть более чем одного лица, либо виновный скрылся с места происшествия, наказание: при тяжком или средней тяжести телесном повреждении увеличивается до 5 лет лишения свободы и выше — до 8 лет в особо тяжком случае.

В случае причинения смерти лицу наказание увеличивается до 10 лет лишения свободы, а в особо тяжком случае — до 15 лет.

Следует обратить внимание российского законодателя на тот факт, что в соответствии со ст. 343 а УК Болгарии, если лицо после совершения деяния, предусмотренного предыдущей статьей, сделало все от него зависящее для оказания помощи потерпевшему или потерпевшим, наказание существенно смягчается³.

Анализируя уголовное законодательство Болгарии в рассматриваемой области, следует отметить, что подход болгарского законодателя к вопросам ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств, следует признать умеренно репрессивным. Устанавливается уголовная ответственность за целый ряд различных нарушений правил дорожного движения. При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности является причинение общественно опасных последствий. Особенностью болгарского уголовного законодательства в рассматриваемой области следует признать дифференцированную ответственность в случае наступления определенного вида обще-

ственно-опасных последствий, таких как, смерть лица и причинение телесного повреждения. Ответственность дифференцируется в зависимости от психического отношения виновного к таким последствиям: умысел или неосторожность. Также болгарское уголовное право не устанавливает специальной ответственности за опасную езду или опасное вождение.

Целая глава уголовного кодекса Польши (XXI) предусматривает ответственность за преступления против безопасности движения. Так, по статье 173 УК Польши может быть наказан лишением свободы на срок от 1 года до 10 лет тот, кто стал причиной катастрофы при движении сухопутного, водного или воздушного транспорта, угрожающей жизни или здоровью многих людей либо имуществу в больших размерах. При этом наказание за неосторожные деяния установлено в размере до 5 лет лишения свободы. При причинении смерти человеку или тяжелого вреда здоровью многих людей наказание увеличивается до 12 лет лишения свободы.

В ст. 174 УК Польши предусмотрено наказание до 8 лет в случае, если лицо создает непосредственную опасность катастрофы при движении сухопутного, водного или воздушного транспорта. При совершении деяния по неосторожности наказанием может быть лишение свободы на срок до 3 лет.

Также наказуемо приготовление к совершению указанного деяния, но не подлежит ответственности виновный в преступлении, предусмотренном в ст. 174, добровольно предотвративший опасность.

Тому, кто, нарушая правила безопасности сухопутного, водного или воздушного движения, неумышленно вызывает происшествие, в результате которого другому лицу причинены телесные повреждения, наказание предусмотрено в размере до 3 лет лишения свободы. Но при причинении смерти другому лицу либо причинении тяжелого вреда здоровью лицо может быть наказано до 8 лет лишения свободы⁴.

Анализируя уголовное законодательство

3. См.: Наказателен кодекс на България 1968 // URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 17.01.2022).

4. См.: Kodeks karny Rzeczypospolitej Polskiej // URL: <https://arslege.pl/kodeks-karny/k1/s199/> (дата обращения: 17.01.2022).

Польша в сфере ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств, заметим следующее: в нем предусмотрена ответственность за создание ситуации, представляющей непосредственную опасность катастрофы при движении сухопутного, водного или воздушного транспорта. Повышенная ответственность установлена в случае наличия преступных последствий в виде смерти потерпевшего либо причинения существенного вреда его здоровью⁵. Уголовное законодательство Польши содержит ряд существенных особенностей в части регламентации ответственности за деяния в рассматриваемой сфере: если потерпевшим является близкое виновному лицо, преследование преступления возбуждается по его заявлению; установлена ответственность за приготовление к действиям, вызывающим неблагоприятные последствия при управлении транспортным средством; дифференцируется умышленное и неосторожное создание опасности катастрофы при движении сухопутного, водного или воздушного транспорта⁶.

В целом, анализируя законодательство Литвы, Болгарии и Польши в сфере ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств, сделаем несколько замечаний.

В рассматриваемых государствах, как правило, имеет место симбиоз уголовной и административной ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств. В зависимости от выбранного подхода отдается предпочтение одному из видов юридической ответственности. Юридическая ответственность в таких случаях дифференцируется в зависимости от тяжести наступивших последствий от нарушения правил безопасности дорожного движения.

В законодательстве Литвы, Болгарии и Польши не сложилось единого подхода к пониманию ответственности за опасное вождение. Можно выделить следующие основные законодательные решения: в законодательстве нет специального указания на опасное вождение и (или) уличные гонки. Однако запрет существует в рамках общих норм о нарушении правил дорожного движения. При этом ответственность за подобные нарушения наступает в соответствии с нормами уголовного права (Польша, Болгария). Либо в законодательстве нет специального указания на опасное вождение и (или) уличные гонки. Однако запрет существует в рамках общих норм о нарушении правил дорожного движения. При этом ответственность наступает в соответствии с нормами административного права (Литва).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М., 2016. 583 С.

2. Lietuvos Respublikos Baudžiamasis kodeksas // URL: <http://baudziamasiskodeksas.lt/> (дата обращения: 17.01.2022).

3. Наказателен кодекс на България 1968 // URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 17.01.2022).

4. Kodeks karny Rzeczypospolitej Polskiej // URL: <https://arslege.pl/kodeks-karny/k1/s199/> (дата обращения: 17.01.2022).

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Uголовное право. Общhaja chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs. V 10 t. T. IV. Uголовnyj zakon. Zakonodatel'naja tehnika / pod red. dokt. jurid. nauk, prof. N.A. Lopashenko. M., 2016. 583 S.

2. Lietuvos Respublikos Baudžiamasis kodeksas //

URL: <http://baudziamasiskodeksas.lt/> (data obrashhenija: 17.01.2022).

3. Nakazatelen kodeks na B#lgarija 1968 // URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (data obrashhenija: 17.01.2022).

5. Там же.

6. Там же.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

**«Актуальные проблемы жилищного права» / коллектив авторов;
под ред. Р.В. Шагиевой (М.: Прометей, 2022. 368 с.)**

КУЛАКОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия.

В современных условиях наблюдается активизация законодательных усилий во всех сферах правового регулирования. В итоге значительному обновлению подверглись практически все отрасли российского права. Кодификации конца XX и начала XXI веков существенным образом изменили правовую систему России. Однако этот процесс во многом был предопределен тем дискурсом, который был заложен принятием в 1993 году Конституцией РФ и последовавшей за этим конституционной реформой. И этот непрерывный процесс правового развития не может оставаться без научного осмысления, без выработки теоретико-методологических основ происходящих перемен. С данной точки зрения монография, нацеленная на изучение актуальных проблем обновленного жилищного права и современных процессов его воплощения в жизнь, способна внести свой вклад в разработку целостной концепции развития российского права в современном обществе.

Потребность в таком специализированном исследовании вызвана тем, что в последнее время в России гражданское общество и государство обеспокоены недостаточной эффективностью работы государственных органов, несовершенством юридических механизмов защиты прав и законных интересов граждан, отсутствием правовых гарантий исполнения принятых юридических решений и т.д. (в том числе и в жилищной сфере). Прошло почти 20 лет после принятия Жилищного кодекса Российской Федерации, однако целостной концепции правового регулирования, охватывающей всю сферу рынка жилья, так и не создано, а без этого формирование в нашей стране правового государства представляется весьма затруднительным.

Однако в основу принимаемых законодательных и политических решений должна быть положена методологически выверенная система научных представлений относительно существа избранных в качестве объекта реформирования общественных отношений. Вряд ли современная юридическая наука располагает таковой в жилищно-правовой сфере. Конечно, исследования проводились, в том числе и на теоретическом уровне. Но их полезность для практики за последние десятилетия вызывает сомнения.

Предлагаемая работа также не претендует на разработку таковой, но она выгодно отличается от имеющихся исследований, так как высказываемые позиции авторов по всем затронутым вопросам могут оказаться востребованными в настоящее время, когда все чаще звучат предложения о необходимости внесения «точечных» изменений в действующую Конституцию РФ. Затрагиваемые проблемы и обосновываемые пути их разрешения представляются работающими, поскольку позволяют не только с теоретической точки зрения осветить зону правового регулирования, но и определить тенденции дальнейшего его развития. Для этого авторам потребовалось более подробно ознакомиться с источниковой базой жилищного права, охарактеризовать сложившееся жилищно-правовое пространство с учетом его последних изменений.

В сложившихся условиях основную задачу авторы этого монографического труда усматривают в подробном освещении общих вопросов жилищного права (общая часть), а также характеристике некоторых институтов жилищного права в контексте основных направлений их развития в современной России (особенная часть). Авторы в логичной форме построили изложение полученного в результате проведенного исследования материала и аргументировали некоторые сложные юридические конструкции примерами из действующего жилищного законодательства и из судебных обзоров высших судебных инстанций страны.

Избранная авторами позиция относительно последовательности расположения изучаемого материала заслуживает внимания, она отражает авторское видение той проблематики конститу-

ционного права, сквозь призму которой можно увидеть живое биение современного общества. И воплощение норм конституционного права в реальную жизнь в рассмотренных авторами сферах выступает одним из определяющих звеньев в механизме правового регулирования, предопределяя его результативность.

Оценивая представленную монографию в целом положительно, необходимо также обратить внимание авторов на неоправданно большое по объему цитирование отдельных положений нормативных правовых актов, приводимых в издании. Думается, что читатели самостоятельно смогут найти текст закона и посмотреть отмеченный ссылкой текст.

Так же можно отметить недостаток приводимых примеров, в отдельных подразделах они отсутствуют (например, в первых главах общей части), что создает трудности в освоении представленного материала монографии. Встречаются отдельные редакционные погрешности.

Полагаем, что данные недостатки могут быть исправлены в ходе редакционной правки, они не отражаются серьезным образом на высоком уровне монографии.

Вывод: подготовленная монография «Актуальные проблемы жилищного права: коллектив авторов» представляет собой солидный научный труд, полезный всем интересующимся наукой жилищного права, а имеющиеся в ней теоретические и практические положения применимы в учебном процессе по направлению «Юриспруденция» (бакалавры, магистры, аспиранты) и может быть рекомендована для издания и использования в учебном процессе.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК

Филиповой И.А. «Правовое регулирование искусственного интеллекта» (учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2022. 275 с.)

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

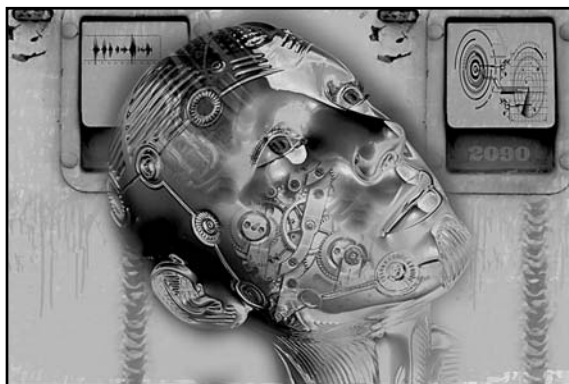
В последнее время наблюдается возрастание интереса к искусственному интеллекту, вызванное повышением требований к информационным системам. Умнеет программное обеспечение, умнеет бытовая техника. Мы неуклонно движемся к новой информационной революции, которая сравнима по масштабам с развитием Интернета. В 2022 году в Нижегородском государственном университете вышло 2-е издание учебного пособия кандидата юридических наук И.А. Филиповой «Правовое регулирование искусственного интеллекта», которое включает лекционные материалы и планы семинарских занятий по темам, связанным с искусственным интеллектом, его влиянием на право и регулированием отношений, в которых как объект выступает искусственный интеллект.

При подготовке данного учебного пособия автором были использованы как работы российских, так и иностранных исследователей-правоведов, экономистов, специалистов в области информационных технологий. В лекционной части учебного пособия представлены не только положения, не вызывающие разногласий у специалистов, но и дискуссионные точки зрения различных авторов по данной проблематике.

Искусственный интеллект выступает важнейшим элементом Четвертой промышленной революции. Его быстрое развитие и расширяющееся использование на практике требует «включения» данного явления в сферу права. Регулирование общественных отношений, так или иначе связанных с развитием и применением искусственного

интеллекта, является сложной задачей, эксперты придерживаются различных взглядов на то, какие области и виды деятельности следует урегулировать, а предлагаемые подходы к нормативному регулированию существенно отличаются в разных странах мира.

Планы семинарских занятий дополнены списком рекомендованной литературы. Кроме того, в

И.А. Филипова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

учебное пособие

2-е издание, обновленное и дополненное

учебном пособии содержатся практические задания, разработанные для более глубокого усвоения обучающимися материалов курса, примерные темы научных работ и перечень вопросов к зачету (экзамену).

Учебное пособие предназначено для магистрантов юридических факультетов вузов, но будет весьма полезно и для студентов, обучающихся по программе специалитета.

Рецензируемое учебное пособие И.А. Филиповой является также хорошим ориентиром системного изложения учебного материала, написанного простым и понятным языком. Учитывая растущую важность искусственного интеллекта, правовое регулирование вопросов, с ним связанных, в течение следующих лет будет на повестке дня как на национальном, так и на международном уровнях. По мнению автора, при формировании блока правового регулирования искусственного интеллекта имеет значение выработка согласованной позиции между правительствами разных стран, для чего необходимо осмысление потребностей в создании такого регулирования. Это стимулирует проведение теоретических исследований по данной теме и создание учебных курсов соответствующей направленности.

Стоит отметить, что вопросы правового регулирования искусственного интеллекта уже изучаются студентами ведущих университетов мира. В рамках данного курса рассматриваются вероятные направления развития искусственного интеллекта, разработки с использованием существующих версий искусственного интеллекта, различные типы юридически значимых проблем и основные концепции регулирования искусственного интеллекта. Думаю, что в течение ближайших нескольких лет учебная дисциплина, посвященная правовому регулированию искусственного интеллекта и его влиянию на право, появится во всех российских юридических вузах.

Первое учебное пособие «Правовое регулирование искусственного интеллекта» по данному курсу было опубликовано в 2020 году, но так как формирование правового регулирования искусственного интеллекта происходит прямо сейчас, во втором издании представлены обновленные и дополненные материалы по всем темам курса по состоянию на январь 2022 года.

Настоящее учебное пособие состоит из семи блоков (тем). Для закрепления изучаемого материала подготовлены практические задания, имеются вопросы для контроля обучающихся.

В СВЕТЕ СОБЫТИЙ

В самом разгаре Приемная кампания

*Прием документов от абитуриентов, поступающих на бюджет,
завершился 25 июля 2022 года.*

27 июля 2022 года Российская академия адвокатуры и нотариата опубликовала списки поступающих https://raa.ru/abitur/bachelor/#abitur_spiski-postupayushchih

Этот список позволит абитуриентам оценить свои шансы и принять решение!

Прием заявлений о согласии для тех, кто идет по основному конкурсу, продлится до 3 августа 2022 г. (до 18:00).

9 августа 2022 г. Академия опубликует приказы о зачислении на бюджет.

Важно помнить, что до 3 августа 2022 г. конкурсные списки будут постоянно меняться в зависимости от того, как абитуриенты будут подавать согласия. Те, кто принес согласия, будут в начале списка.

Также абитуриенты не увидят в конкурсных списках своих имен – себя в перечне нужно искать по номеру СНИЛС либо по уникальному номеру абитуриента, который ему присвоил вуз.

Следующие важные даты для абитуриента:

- 28 июля – вузы заканчивают прием согласий на зачисление от поступающих по квотам и без вступительных испытаний (победители олимпиад, целевики, а также поступающие по особой и специальной квоте);
- 30 июля – вузы публикуют приказы о зачислении в приоритетный этап;
- 3 августа – последний день приема согласий на зачисление и оригиналов аттестата или диплома СПО от поступающих в основной этап по ЕГЭ;
- 9 августа – выход приказов о зачислении основного этапа;
- 9 августа-31 декабря – дополнительный набор в вузах.

Желаем удачи в поступлении каждому из вас!

Благодарственное письмо заместителя председателя Госдумы А.М. Бабакова

Заместитель председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва А.М. Бабаков направил

Благодарственное письмо на имя Председателя Международного совета российских соотечественников, Президента Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Президента ГРА, Заслуженного юриста РФ Г.Б. Мирзоева. В письме, в частности, говорится:

«Уважаемый Гасан Борисович!

Позвольте поблагодарить Вас за проделанную Международным советом российских соотечественников работу, связанную с проведением международного конкурса по истории Великой Отечественной войны для зарубежной молодежи Русского мира и награждением победителей. К этому масштабному патриотическому мероприятию, как мне известно, проявили интерес более 4 тысяч молодых людей в 28 странах мира. Ваша работа способствует сохранению и укреплению духовных связей наших соотечественников с Россией, пробуждает у них интерес к истории страны, ее героическому прошлому. Ярким подтверждением востребованности и интереса молодежи к подобного рода конкурсам является массовое участие в них молодых людей в Донецкой и Луганской народных республиках.

По сложившейся практике непосредственной организацией этого и других подобных мероприятий занимается секретарь МСРС Неборский Михаил Юрьевич. Прошу Вас, уважаемый Гасан Борисович, от моего имени поблагодарить Михаила Юрьевича за эту работу, поздравить с прошедшим юбилеем, пожелать здоровья и передать нашу заинтересованность в его дальнейшем активном участии в наших совместных мероприятиях».

Вручена награда международного юношеского онлайн-конкурса

19 июля 2022 года в Центральном доме адвоката Председатель Международного совета российских соотечественников (МСРС), Президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Заслуженный юрист РФ, профессор Г.Б. Мирзоев торжественно вручил награду победителю Международного юношеского онлайн-конкурса по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., посвященного 77-летию Великой Победы, Жану-Филиппу Симонову (Тунис). Призер получил Почетную грамоту и приз – подарочное издание «Книга о России».

На церемонии награждения присутствовали советник заместителя председателя Госдумы, спецпредставителя Президента РФ по взаимодействию с организациями соотечественников за рубежом А.М. Бабакова – А.И. Маркелов и Исполнительный секретарь МСРС М.Ю. Неборский.

Для сведения: Международный совет российских соотечественников (МСРС) при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, Всемирного координационного совета российских соотечественников и МИД России в дистанционном формате провел Международный юношеский онлайн-конкурс по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., посвященный 77-летию Великой Победы.

Победители объявлены 5 мая 2022 г. в преддверии празднования 77-летия Великой Победы и награждены дипломами и памятными призами от оргкомитета во главе с заместителем Председателя Госдумы А.М.Бабаковым.

Лекционные недели

Ассоциация юристов России запустила проект «Разъяснение мер государственной поддержки граждан и представителей малого бизнеса в условиях санкций», в рамках которого будут проведены шесть бесплатных лекционных недель, подготовлены видеоролики, методические рекомендации, статьи и подробные материалы, разъясняющие каждую из антикризисных мер. Инициатива реализуется при поддержке Фонда президентских грантов.

Введение санкционных мер в отношении России коснулось всех граждан страны — физических и юридических лиц, повлияв на все сферы жизни и деятельности. Для того чтобы адаптироваться к новым реалиям, необходимо знать, на какие виды поддержки со стороны государства можно рассчитывать и что необходимо сделать, чтобы ее получить. Проект призван разъяснить гражданам, какие меры приняты и какова процедура получения поддержки.

«И рядовому гражданину, и представителю бизнеса в период, напоминающий турбулентность, нужна правовая помощь. Меры государственной поддержки имеют множество правовых нюансов. Именно на разъяснение этих нюансов нацелен проект Ассоциации. Населению сегодня важно получить актуальную правовую информацию в сфере мер социальной поддержки, трудового права и защиты прав потребителей. Последние две темы стали следствием массового ухода с российского рынка компаний, которые не только были работодателями, но и имели массу обязательств перед потребителями своих товаров и услуг. И у человека возникает резонный вопрос: “Как защитить себя в такое непростое время?”. Бизнес столкнулся с не меньшими трудностями. Специалисты проекта готовы обобщить сложившуюся правовую практику и дать необходимые консультации для представителей бизнеса», — рассказал эксперт проекта А.П. Бибаров-Государев.

«Сейчас важно понимать правовые механизмы защиты брендов, интеллектуальных прав при импортозамещении. В условиях санкций бизнесу необходимо знать особен-

ности коммерциализации интеллектуальных прав и быть в курсе всех изменений в законодательстве. Например, не все знают о разрешении самозанятым регистрировать товарные знаки. На лекциях мы будем рассказывать обо всех подобных нововведениях и нюансах», – подчеркнула заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав МГЮА, эксперт проекта Е.С. Гринь.

Запись на бесплатные лекционные недели и доступ к материалам проекта доступны на сайте lections.alrf.ru/

Тема первой лекции: защита интеллектуальных прав предпринимателей в сети Интернет в условиях импортозамещения.

Также в июле эксперты расскажут, что ждет дольщика в новых условиях при приемке квартиры, в чем разница между трудовыми отношениями и ГПХ, какие меры поддержки предусмотрены для бизнеса в условиях санкций и какие социальные гарантии предусмотрены для населения в новых экономических условиях.

Всероссийский юридический форум «Реформа гражданского законодательства: некоторые результаты и новые проблемы»

21 сентября 2022 года в Москве в «Известия Холл» состоится VI Всероссийский юридический форум «Реформа гражданского законодательства: некоторые результаты и новые проблемы».

Гильдия российских адвокатов, Международная ассоциация русскоязычных адвокатов, Российская академия адвокатуры и нотариата традиционно заявлены информационными партнерами форума.

С каждым годом форум приобретает все большую известность среди представителей юридических профессий благодаря авторитетному составу спикеров, интересным

докладам и жарким дискуссиям по сложным проблемам российского гражданского права. В прошлом году 20 тысяч юристов, адвокатов, руководителей предприятий, судей, ученых-правоведов, аспирантов, студентов юридических вузов стали участниками столь значимого события.

Программа предстоящего форума представлена тремя блоками: «Корпоративное управление в современной экономической ситуации», «Средства защиты прав кредитора (правообладателя) по гражданско-правовому обязательству», «Вопросы правового регулирования недвижимости».

Спикерами выступят ведущие эксперты, разработчики законов, известные и авторитетные правоведы России. В их числе:

Крашенинников П.В., д. ю. н., профессор, председатель Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ, заслуженный юрист РФ;

Витрянский В.В., д. ю. н., профессор, заместитель председателя Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ, член Президиума МКАС при ТПП РФ, заслуженный юрист РФ;

Суханов Е.А., д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель председателя Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ, научный руководитель Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, заслуженный деятель науки РФ;

Чубаров В.В., д. ю. н., вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ, заслуженный юрист РФ;

Корсик К.А., д. ю. н., президент Федеральной нотариальной палаты, заслуженный юрист РФ;

Мионов И.Б., к. ю. н., руководитель аппарата Комитета по государственному строительству и законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ;

Новак Д.В., к. ю. н., профессор кафедры обязательственного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, доцент НИУ ВШЭ и многие другие.

Чтобы посетить мероприятие или посмотреть прямую трансляцию, необходимо предварительно зарегистрироваться на официальном сайте conf.garant.ru/.

Общие вопросы: conf@garant.ru.

Аккредитация СМИ: confpartner@garant.ru.

21 сентября 2022
Москва, «Известия Холл»

**VI Всероссийский
юридический
форум**

Принять участие

The annotated contents of the magazine

G.B. Mirzoev

PROPOSALS FOR IMPROVING THE CRIMINAL PROCEDURE INSTITUTION OF DETENTION OF A PERSON SUSPECTED OF COMMITTING A CRIME

ANNOTATION. The article presents an analysis of the problems associated with the implementation of the provisions of the criminal procedure legislation regulating such a measure of coercion as the detention of a suspect in the commission of a crime. Issues such as actual detention and the timing of its calculation, the relationship of this concept with procedural and administrative detention remain unclear in doctrine and practice today. Based on the comments made, suggestions were made to improve the institute under study.

KEYWORDS: crime, criminal law, criminal procedure institute, suspect.

MIRZOEV GASAN BORISOVICH – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker in the field of education of the Russian Federation, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

A.P. Albov

LAW AND LEGAL CULTURE AS A UNITY OF CONDITIONAL AND UNCONDITIONAL

ANNOTATION. The article is devoted to the study of the problems of conditional and unconditional in law and national legal culture, in the course of the study the dialectic of conditional and unconditional in law is analyzed, the foundations of legal culture are analyzed, the interpretation of the concept of legal culture in the paradigm of the problem under consideration is proposed. In the context of the conventionality of legal culture, its elements are considered as ways of its existence. The results of the study confirming the connection of the conditionality and unconditionality of law and right culture, providing an unconditional perspective of the activity of the individual in the formation of the legal system, are presented. It is shown that paired categories of dialectics express the most important attributes of law, bringing the researcher closer to understanding the essence of law as the most important element of the national legal system.

KEYWORDS: conditional and unconditional in law, legal culture, legal system, categorical imperative.

ALBOV ALEXEY PAVLOVICH – Doctor of Law, Professor; Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Russian State University for the Humanities; Professor of the Russian Customs Academy (RTA).

A.V. Akhmatov

THE FORMATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY AND THE LEGAL PROFESSION IN RUSSIA: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

ANNOTATION. The author examines the issues of the evolution of the principle of legality in relation to legal education in Russia on the basis of a wide historical material.

The paper notes that the paradox of the development of law and the principle of legality in Russia is the historical fact that the emergence of epoch-making normative legal acts (Russian Pravda, Sudebnik of 1497, the Cathedral Code of 1649, etc.), the activities of the first lawyers in Russia (solicitors, clerks and clerks) preceded the emergence of professional legal education, which in fact, it began only in 1755 in connection with the creation of the Imperial Moscow University, and the final formation of the legal profession dates back to the second half of the XIX century.

The author believes that the era of feudal fragmentation in Russia (XII-XVI centuries) had a fundamental impact on the legal consciousness of Russian people who lived in that era. This and other factors led to a "rupture" between the principle of legality, enshrined in various normative acts adopted by the highest officials (monarchs) of the Russian state, and on the other hand, the life of ordinary peasants, who made up the majority of the population of Russia, for whom the regulation of relations by legal means and compliance with the rule of law was secondary in relation to customs and religious norms.

The paper notes that representatives of the Russian school of philosophy and theory of law, which finally developed in the second half of the XIX century, were not only able to "catch up" with their Western colleagues, who were five hundred years ahead of them, but also "overtake" them in their scientific developments.

KEYWORDS: law, legality, legal profession, legal education, history of the state and law.

AKHMATOV ALEXEY VALERYEVICH – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

G.G. Goldin, L.O. Ternovaya

**THE AXIOMS OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND THEIR TEST
OF STRENGTH BY THE GEOPOLITICAL SHIFTS OF THE 2020S.**

ANNOTATION. The article, starting from the axioms of legal consciousness formulated by the Russian thinker I.A. Ilyin, examines the complex way of forming legal consciousness in the context of the geopolitical crisis, some manifestations of which were revealed at the end of the Cold War, but fully manifested in the 2020s. In particular, they were revealed in the desire of the countries of the Western world to replace the model of international law with a set of rules. The answer to this challenge can be new approaches to strengthening the legal basis of the world order through improving the process of forming legal awareness, giving this process a creative character.

KEYWORDS: law, legal consciousness, philosophy of law, geopolitics, world order, bricolage.

GOLDIN GENNADY GLEBOVICH – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Academy of Advocacy and Notariate (RAAN);

TERNOVAYA LYUDMILA OLEGOVNA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management of the Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI).

G.I. Ivanets

**THE DEGREE OF INFLUENCE OF SOCIAL,
PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS
ON THE MODEL OF LEGAL BEHAVIOR OF THE INDIVIDUAL**

ANNOTATION. This article discusses the mechanism of formation of models of legal behavior of the individual. The conclusion is made about which of the generally accepted aspects: social, psychological or legal, most influences the formation of lawful or illegal behavior, how they correlate with each other, and on which other external and internal factors it depends. The purpose of the study is an attempt to prove the predominant importance for the stage of formation of a model of legal behavior of a person of the social aspect, taking into account the constant need of a person for socialization, social contacts, obtaining approval or self-affirmation. This goal can be achieved by analyzing the characteristics of each of the aspects – social, psychological and legal, in their interrelation and manifestation options. The results of the study confirmed the hypothesis put forward, and made it possible to clarify that the legal aspect has the least influence on the model of legal command of an adult, already established personality, and the psychological aspect is an intermediate link between the social, laying the foundations of legal consciousness, and the legal, reinforcing the existing base.

KEYWORDS: legal behavior, lawful behavior, illegal behavior, social factors, personality

IVANETS GALINA IVANOVNA – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Russian Customs Academy (GKOU VO "RTA").

R.V. Shagieva

**THE RULE OF LAW AND ITS MODERN CRITERIA
AS THE MAIN BASIS OF LEGAL TYPOLOGY
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA)**

ANNOTATION. The article attempts to return to the reinterpretation of the concept of the rule of law, which was quite popular at the end of the twentieth century, due to the fact that the well-known comparativist Raymond Leger justified a rather innovative classification of the legal systems of the world, which is based on the existence of a legal state structure and established legal traditions. This leads to a revival of interest in the modern interpretation of the criteria of the rule of law and their applicability to the assessment of modern Russian statehood.

The author comes to the conclusion that despite the negative trends associated with modern challenges (the Covid-19 pandemic, the situation in the Donbas, etc.) and not contributing in some way to the establishment of legal principles in our life, the task of Russian

society is to take the matter of arranging human life into its own hands, to try to create on earth, as the philosopher V.S. Solovyov wrote, at least not Paradise, but the absence of Hell. And in this we can only be helped by Law as the art of Goodness and Justice, which ennobles statehood, makes it full-fledged and mature. And with the support of the people expressing their will in the laws, it will be possible to count on a long-term positive result.

KEYWORDS: state, law, human rights, democracy, rule of law, separation of powers, mutual responsibility of the state and the individual, civil society, social justice

SHAGIEVA ROSALINA VASIL'EVNA – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management.

A.D. Selyukov, B.G. Badmaev

**FINANCIAL ACTIVITY OF THE STATE AS THE BASIS
FOR THE FORMATION OF A SYSTEM OF FINANCIAL LAW**

ANNOTATION. The article analyzes the role of the financial activity of the state in the development of the financial law system. The fact is that the subject of financial law as a sphere of its manifestation, and the method of financial law as a way of influencing this sphere do not serve as a sufficient basis for the unity of financial law as a set of interrelated and interacting all norms of financial law that can effectively ensure the goals of the state, including the realization of the most important needs of society.

KEYWORDS: state, legal norm, finance, financial activity, financial law.

SELYUKOV ANATOLY DMITRIEVICH – Doctor of Law, Professor of the Department of Financial Law of the Russian State University of Justice;

BADMAEV BATOR GALBADAROVICH – a senior lecturer at the Russian State University of Justice.

R.V. Shagieva, N.N. Kosarenko, Yu.M. Saranchuk, A.V. Filippova

**DEVELOPMENT OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION
IN THE FIELD OF CRYPTOCURRENCY TRANSACTIONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ANNOTATION. The cryptocurrency market has developed chaotically and at an unprecedented rate during its short lifespan. Since the release of the pioneering anarchic cryptocurrency "bitcoin", more than 550 cryptocurrencies have been developed for general use, most of which have had only minor success. There is still little research in this industry. Most of them are focused exclusively on bitcoin, and not on the more diverse distribution of cryptocurrencies, and it is steadily being outpaced by dynamic developments in the industry, including new coins, technological progress and increased government regulation of cryptocurrency markets. While industry fluidity is admittedly a challenge for research, a thorough assessment of the industry and the regulatory possibilities of cryptocurrencies in general is needed.

Based on the conducted research, the authors of the article came to the conclusion that the development of financial and legal regulation naturally leads the legislator to recognize the cryptocurrency as property for tax purposes, which will automatically entail the obligation to calculate and pay value-added tax in respect of transactions for the sale of cryptocurrencies, personal income tax with the use of property deduction, corporate income tax in part determining the amount of revenue from sales.

KEYWORDS: state, digital economy, law, digital objects, cryptocurrency, legal regulation.

SHAGIEVA ROSALINA VASIL'EVNA – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics;

KOSARENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics;

SARANCHUK YURI MIKHAILOVICH – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics;

FILIPPOVA ANNA VLADIMIROVNA – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics.

V.F. Jafarli, O.A. Zorina

**WAYS OF "DIGITAL" OPTIMIZATION OF POLICE ACTIVITY WHILE ENSURING
CRIMINOLOGICAL CYBERSECURITY**

ANNOTATION. The article discusses the prospects of ensuring criminological cybersecurity in the process of modern law enforcement.

It is noted that the differentiation of the police into two separate law enforcement resources, one of which will deal exclusively with innovative crime, and the other – only traditional, is a very controversial process.

The authors insist that it is necessary to increase the level of professional and special training of each employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia in order to "digitally" optimize his activities in modern conditions.

KEYWORDS: criminological security, criminological cybersecurity, criminology of cybersecurity, operational investigative resource, service of district police commissioners, "digital" optimization of police activity, information and communication technologies, operational investigative cybermonitoring, Innovation center "RGUK-security".

JAFARLI VUGAR FUAD OGLU – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Kosygin Russian State University; Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary;

ZORINA OLESYA ANDREEVNA – a master's student at the Kosygin Russian State University.

V.F. Jafari

**TERMINOLOGICAL FOUNDATIONS
OF CRIMINAL LAW PROVISION
OF CRIMINOLOGICAL CYBERSECURITY
(PART 3)**

ANNOTATION. Continuing and completing the consideration of the topic of terminological foundations of criminal law provision of criminological cybersecurity, we note the presence of significant conflict of laws in both international and national documents, which leads to serious problems in the interpretation of norms for both specialists in the field of criminal law and law enforcement.

The author defends the position according to which criminal law research and practical activities devoted to the regulation of the sphere of information and communication technologies, in order to avoid disagreements and discrepancies, should operate with the most reasonable and accurate special terms and definitions.

KEYWORDS: terms and definitions, criminological security, criminological cybersecurity, criminology of cybersecurity, information and communication technologies, Innovation Center "RGUK-security".

JAFARLI VUGAR FUAD OGLU – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Kosygin Russian State University; Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

D.V. Miroshnichenko

**"A PRUDENT MAN" AND THE ECONOMICS
OF SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR**

ANNOTATION. the article considers an economic (utilitarian) approach to criminal behavior, the origins of which lie in the works of I. Bacon. Utilitarianism is a mechanism of behavior when each individual, striving to maximize the pleasure acquired by actions, chooses the most rational model. He is homo prudens – a prudent person, acting not only for personal reasons, but also in accordance with the interests of society (A. Smith). This approach in the XIX century . he contributed to the fact that a prudent person began to be considered in the discourse of natural sciences, with layers of anthropology and sociology, since every action precedes the motive and the will to commit it. The prevention of crimes can only be when there is knowledge about a criminal person (prone to crime) – homo criminalis. This moment of bifurcation into a crime and a criminal, which the utilitarians sought to avoid, exists at the present time.

KEYWORDS: crime, criminal behavior, Adam Smith, utilitarianism, homocriminalis, reasonable person, public danger.

MIROSHNICHENKO DANIIL VIKTOROVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

A.A. Vlasov, S.A. Pronin

**NEW MECHANISMS FOR COMPLIANCE BY BUSINESS ENTITIES
WITH ANTIMONOPOLY LEGISLATION**

ANNOTATION. The article examines new mechanisms of legal regulation of economic entities in order to reduce the likelihood of violation of antimonopoly legislation, in particular, the system of internal support for the requirements of antimonopoly legislation and

antimonopoly compliance is investigated, modern legal theories explaining the reasons for violation of this legislation are analyzed. An effective algorithm for identifying antimonopoly risks is proposed.

KEYWORDS: system of internal support to the requirements of antimonopoly legislation, antimonopoly compliance, deterrence formula, subcultural theory, theory of social exchange, assessment of the effectiveness of the compliance system.

VLASOV ANATOLY ALEKSANDROVICH – Doctor of Law, Professor, Professor of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary;

PRONIN SERGEY ANATOLYEVICH – Master of Law, Master of Management in Compliance of the Higher School of Economics, practicing specialist in the field of compliance, author of the compliance channel telegrams.

Yu.A. Krokhina, V.A. Svechnikov

CIVIL LAW WAYS OF DISPOSING OF DIGITAL RIGHTS: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND PROTECTION I

ANNOTATION. The digital economy encourages the existence of an effective legal mechanism that guarantees the unhindered disposal of digital rights, as well as their legal protection. An analysis of Russian civil legislation has revealed a number of serious problems that hinder the full disposal of digital assets. The article discusses legislative approaches to the definition of the term "digital rights". It has been revealed that some digital assets have not been put into civil circulation, but are not prohibited; imperatives to the status of information systems that allow the circulation of CFA have not been established; the CFA lacks differentiating features of separate objects of civil turnover; the legal regime for the exercise of rights to the CFA does not fully correspond to the generally accepted world practice of understanding the CFA as a type of securities.

It is concluded that the identified set of legal properties allows us to consider individual tokens non-interchangeable, which allows us to include the term NFT in civil legislation.

Proposals have been formulated to improve civil legislation, aimed, among other things, at establishing the possibility of applying the rules of securities legislation to digital financial assets.

In the course of the research, both general scientific and private scientific methods were used: scientific abstraction, analysis and synthesis, systematic, logical methods, comparative legal and formal legal methods. The scientific and practical significance of the conducted research lies in the possibility of a critical understanding of the existing problems of regulating the disposal of digital rights, and also contributes to improving theoretical concepts and improving the effectiveness of educational materials devoted to the legal support of the digital economy.

KEYWORDS: digital assets; digital rights; token; non-interchangeable token; security; digital financial assets; issue of digital financial assets.

KROKHINA YULIA ALEKSANDROVNA – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics;

SVECHNIKOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH – a senior lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics.

N.P. Sedova, S.S. Makarenkov

INNOVATIONS OF CIVIL LAW IN THE FIELD OF DIGITAL TECHNOLOGIES

ANNOTATION. The article discusses the innovations of civil legislation in the field of digital technologies. The cases of the use of an electronic signature in everyday life and the development of new encryption methods, verification of information in procedures with an electronic signature, protection against possible unfair actions of employees of the certification center and related persons, as well as protection and personalization of access to an electronic signature, taking into account the inherent biometric data, are analyzed.

KEYWORDS: innovations, digital technologies, transaction, legal result.

SEDOVA NINA PETROVNA – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Vladimir Branch of the RANEPА;

MAKARENKOV SEMYON SERGEEVICH – employee of the Committee of Territorial and Public Self-Government № 11. Vladimir.

N.N. Gazizova, N.V. Nikonova, C.V. Barabanova
FEATURES OF THE EDUCATIONAL PROCESS
AT A MODERN UNIVERSITY:
CHALLENGES OF DIGITALIZATION

ANNOTATION. The article discusses the features of the use of e-learning in the framework of mathematical training of students of the Technological University. The authors present the positive and negative aspects of the introduction of e-learning elements into the traditional educational process. The features of the use of information technologies in the study of the course of higher mathematics in traditional and distance learning and the possibilities of their combination are considered. The authors propose various types and forms of digital technologies used within the discipline of higher mathematics.

KEYWORDS: digital technologies, mathematical training, e-learning.

GAZIZOVA NATALIA NIKOLAEVNA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics of Kazan National Research Technological University (KNITU, Russian Federation, Kazan);

NIKONOVA NATALIA VLADIMIROVNA – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics of Kazan National Research Technological University (KNITU, Russian Federation, Kazan);

BARABANOVA SVETLANA VASIL'EVNA – Doctor of Law, Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship, Law and Financial Management, Head of the Department of Administration, Control and External Relations of Kazan National Research Technological University.

A.V. Filippova, N.N. Kosarenko
LEGAL GROUNDS FOR AUDIT AND SCHEDULED
INSPECTIONS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

ANNOTATION. In this article, the authors consider the legal grounds and features of the audit and scheduled inspections of the activities of educational institutions of higher education. The main provisions on the audit report for the university, its publicity in connection with audit secrecy and scheduled inspections conducted by Roskomnadzor are described. The problems of the rights and obligations of the university when posting the results of an audit or a planned inspection of the university by the state authority on the website of this university are touched upon.

KEYWORDS: law, university, audit, scheduled audit, audit report, audit secret.

KOSARENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics;

FILIPPOVA ANNA VLADIMIROVNA – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Plekhanov Russian University of Economics.

M.G. Astaeva
EVALUATIVE CONCEPTS IN SOCIAL SECURITY LEGISLATION:
A REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE

ANNOTATION. the article presents a theoretical and practical analysis of evaluative concepts in the legislation on social protection and social security.

Evaluative concepts are considered as part of the conceptual apparatus of social security law, at the same time attention is drawn to their intersectoral relationships and some essential features that influence law enforcement practice. The author studied judicial practice in cases of social security of citizens and presented an analysis of judicial acts, in which an attempt was made to interpret some evaluative concepts.

KEYWORDS: social security law, conceptual framework, evaluative concepts, dependency, place of residence, place of stay, actual residence, permanent disability.

ASTAEVA MARINA GRIGORIEVNA – postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, lawyer of the Moscow Region Chamber of Advocates, member of the Association of Lawyers of Russia.

D.A. Lavrentieva

**ANALYSIS OF INDIVIDUAL PROBLEMS OF THE ACTIVITY
OF A STATE INSTITUTION AS A NON-PROFIT ORGANIZATION**

ANNOTATION. The article analyzes the problems of the activities of a state institution that is a non-profit organization, raises issues related to the timing of registration of these organizations, and suggests solutions. The author substantiates the need to improve the Russian legislation on non-profit organizations, in particular, amendments to increase the total period of state registration of non-profit organizations, as well as the exclusion of special terms of state registration of political parties and public associations, as well as - to change the method of interaction - to use instead of mail a Unified system of interdepartmental electronic interaction (SMEV), through which to send a package of electronic documents. According to the author, this will make the procedure of state registration of non-profit organizations more accessible and will gradually lead to an increase in the size of the non-profit sector in the economy of the Russian Federation.

KEYWORDS: state institution, non-profit organization, registration of a non-profit organization, state institution.

LAVRENTIEVA DARYA ALEKSEEVA – a 3rd-year student of the Master's degree of the correspondence form of the master's degree of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

N.V. Lebedev

**PROBLEMATIC FACTORS OF BANKRUPTCY
OF ENTERPRISES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND POSSIBLE WAYS TO OVERCOME THEM IN THE MODERN PERIOD**

ANNOTATION. This article discusses the main features of the insolvency of enterprises in 2022. In February 2022, the Russian Federation launched a special operation in Ukraine to provide assistance to the independent DPR and LPR, as well as to ensure its own security due to the expansion of the NATO military bloc to the east. In response to this, a number of Western European countries, the USA, Japan and others introduced restrictions in relation to Russia. This led to the global economic crisis and other negative consequences for Russia and for the countries that introduced these restrictions. Under these conditions, Russian enterprises found themselves in a difficult position, since most of them used foreign equipment in whole or in part. The author examines the possible consequences of this crisis, conducts a historical chronology of the development and decline of Russian industry in the 90s of the XX century, suggests ways to overcome possible risk factors for the liquidation of enterprises.

KEYWORDS: enterprise, territory, experiment, insolvency (bankruptcy), economic crisis, forecasting, restrictions, special operation, moratorium, model, workshop, subsidized production, investment, military-industrial complex.

LEBEDEV NIKITA VYACHESLAVOVICH – postgraduate student of the 3rd year of full-time education at the Academy of Labor and Social Relations.

M.V. Tarasova

**LEGISLATIVE REGULATION OF LENDING
IN THE ECONOMIC POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII CENTURY**

ANNOTATION. In the XVIII century, Russia's economic ties with Europe were significantly expanding, and with the expansion of foreign trade, relations in the field of financial and credit relations multiplied, and the lack of legislative regulation of these relations in Russia led to a drop in the Russian bill exchange rate (due to the appeal to expensive long-term loans from foreigners) and a decrease in the growth rate of domestic large industry.

The article analyzes the legal provisions of the laws that defined the lending system in the second half of the XVIII century. A comparative characteristic of the conditions for issuing short-term loans under the decrees of 1754 and 1764 is given.

KEYWORDS: lending, loan, Commercial bank, manufactory, promissory note rate

TARASOVA MARINA VLADIMIROVNA is a 2-year postgraduate student of the Russian Academy of Advocacy and Notary

A.K. Yakubenko

**ESTABLISHMENT AND IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY
FOR ECONOMIC CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

ANNOTATION. The article analyzes economic crimes, which, regardless of the model of building a system of economic management in any state, are an extremely negative phenomenon. In the Russian Federation, countering economic crimes has its own characteristics

and has had both repressive and liberal tendencies of influence. The author of the article believes that modern domestic criminal policy is focused on the humanization of criminal legislation, which implies a significant mitigation of the responsibility of persons who have committed economic crimes. This is expressed in a priority conditional conviction (conditional imprisonment), exemption from criminal liability on special grounds, etc.

The article analyzes statistical data on the state of crime in Russia, indicating that the liberalization of criminal liability for economic crimes does not bring the desired results. The indicators of the commission of these crimes do not change, and the refusal to use property-related measures as a punishment provokes the commission of new crimes, but with greater property damage. Hence, there is a need to study the modern features of the implementation of responsibility for economic crimes and to develop proposals for improving the current criminal legislation and the practice of its application.

As a result of a comparative analysis of the conceptual provisions of domestic legislation, judicial practice in the implementation of criminal liability for economic crimes, the dynamics of various types of statistical data on economic crime in Russia and opinions expressed in the scientific literature on the problem of the use of criminal law protection of economic relations, the author of the article draws the following conclusions:

1) economic crimes have a significant social danger, because they can cause significant harm to the interests of society and the state. This quality of economic crimes indicates the need to review priorities in modern criminal policy;

2) criminal penalties imposed for the commission of economic crimes should involve additional deprivation of property, which will ensure an increase in the effectiveness of general and private prevention.

KEYWORDS: economic crime, crimes in the sphere of economic activity, criminal punishment, confiscation of property, liberalization of criminal liability, exemption from criminal liability for economic crimes, criminal policy.

YAKUBENKO ANASTASIA KONSTANTINOVNA – a postgraduate student at Irkutsk State University.

L.A. Bukalerova, M.I. Murkshtis

DISCUSSIONS ABOUT THE RIGHTS OF US CITIZENS TO OWN FIREARMS

ANNOTATION. Control over the circulation of firearms in many countries is a controversial issue. The activities of the State to restrict the circulation of weapons should not lower the level of security and at the same time it is necessary to respect the rights and legitimate interests of citizens and organizations. According to the authors, the United States of America has accumulated significant positive experience in the legal regulation of arms trafficking restrictions, which can be used in the Russian Federation in regulating these relations.

KEYWORDS: state, weapons, personal security, restriction, legal regulation, problems, USA, implementation.

BUKALEROVA LYUDMILA ALEKSANDROVNA – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Private Law of the State University of Management;

MURKSHTIS MARIUS YOKUBO – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia.

A.M. Zokina

TRANSPORT CRIMES IN THE LEGISLATION OF LITHUANIA, BULGARIA AND POLAND

ANNOTATION. A significant number of transport crimes, especially with the presence of victims, causes alarm among legislators of all countries of the world. The article analyzes the norms of Russia's neighboring countries of a similar legal system – Lithuania, Bulgaria and Poland. Like the Russian Federation, in the states under consideration, there is both criminal and administrative responsibility for acts in the dangerous operation of vehicles. The legislator of each country chooses a unified approach and establishes legal responsibility. At the same time, it is differentiated depending on the severity of the consequences of a violation of traffic safety rules. It was revealed that the legislation of Lithuania, Bulgaria and Poland did not have a unified approach to understanding responsibility for dangerous driving.

KEYWORDS: transport, crimes, criminal code, Lithuania, Bulgaria, Poland.

ZOKINA ANNA MIKHAILOVNA – Teacher of the Russian Academy of Advocacy and Notary.

Требования к оформлению статей

1. Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию. В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого, в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах, обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. Объем статьи 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

4. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля – 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке). Затем дается транслитерация русскоязычной библиографии в соответствии с таблицей.

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
е	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

7. Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.

8. Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически, шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. в сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

10. К рукописи прилагаются:

– сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;

– почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;

– рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.

14. Автору предоставляется право получить бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. Представленные авторами статьи регистрируются, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.

18. Журнал выходит 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нота-

риата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: pkosagenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

В аннотации к статье в журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» необходимо указать актуальность темы, результаты исследования, теоретическую и практическую значимость и новизну. Объем 0,7-1 страница.

ОБРАЗЕЦ ПРИЛАГАЕТСЯ

Аннотация. Актуальность темы. На основе проведенного исследования автор предпринимает попытку выявить нормативный механизм, регулирующий взаимодействие хозяйствующих субъектов и разработанный государством в целях предотвращения монополизации экономической деятельности, поскольку существуют серьезные проблемы недобросовестной конкуренции, в частности, в сфере гражданской авиации, что обуславливает иной подход к исследуемой проблематике.

Методы исследования. В ходе проведения исследования применены исторический, сравнительно-правовой, формально-догматический методы, метод комплексного анализа, статистический метод.

Результаты исследования (выводы). Научное исследование позволило выявить декларативность эффективности существующих на сегодняшний день механизмов обеспечения конституционного запрета на монополизацию отдельных видов экономической деятельности и обосновать на научной основе необходимость совершенствования нормативной базы и устранения выявленных автором недостатков, приводящих к нарушению баланса интересов различных субъектов предпринимательской деятельности в области правового регулирования гражданской авиации (коммерческих перевозок) и, как следствие, к уменьшению доступности авиационных услуг для населения.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут быть использованы в учебной литературе по конституционному и транспортному праву, а также в качестве рекомендаций для правотворческой деятельности.

Новизна. Автором предложен оригинальный подход к совершенствованию нормативного механизма осуществления конституционного запрета монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции на примере правового регулирования сферы гражданской авиации.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда признанных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президент – Иоффе Михаил Леонидович;

Исполнительный вице-президент – руководитель аппарата – Зимин Александр Евгеньевич

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые читатели! Продолжается подписка на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата».
Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» – 36802.

Стоимость подписного издания

один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-raa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г. Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Форма ПД-4			
Получатель платежа „Российская академия адвокатуры и нотариата“			
ИНН 7709255964			
ОАО „Банк ВТБ“			
БИК 044525187			
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал «Ученые труды РААН»			
Плательщик			R0903

ВАШ РЕАЛЬНЫЙ ШАНС СДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ АДВОКАТА И НОТАРИУСА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Лицензия № 1587 от 06 августа 2015 г. (бессрочно)
Свидетельство о государственной аккредитации № 2681 от 04 октября 2017 г.

Председатель Президиума РААН	А.К. Исаев — заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе ФС РФ, канд. юрид. наук, доцент
Председатель Почетительского совета РААН	А.П. Торшин — действительный государственный советник первого класса, Заслуженный юрист РФ
Президент	Г.Г. Черемных — действительный член (академик) РААН, заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России, доктор юрид. наук, профессор
Вице-президенты:	А.П. Галоганов — президент Федерального союза адвокатов России, президент Международного союза (содружества) адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН К.А. Корсик — президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юрид. наук, профессор кафедры нотариата РААН
Ректор	Г.Б. Мирзоев — президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, председатель Международного совета российских соотечественников, заслуженный юрист РФ, доктор юрид. наук, профессор

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

КОЛЛЕДЖ

Специальность 40.02.01 Право и организация социального обеспечения Квалификация «Юрист»	очная форма — на базе 9 классов — 2 года 10 месяцев; очная форма — на базе 11 классов — 1 год 10 месяцев; заочная форма — на базе 9 классов — 3 года 6 месяцев; заочная форма — на базе 11 классов — 2 года 6 месяцев
---	--

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БАКАЛАВРИАТ

Направление подготовки 40.03.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Бакалавр»	очная форма — 4 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 4 года 6 месяцев; заочная форма — 4 года 6 месяцев (на базе СПО или высшего образования)
Профиль: правозащитная деятельность	

МАГИСТРАТУРА

Направление подготовки 40.04.01 ЮРИСПРУДЕНЦИЯ Квалификация «Магистр»	очная форма — 2 года; (бюджетные места) очно-заочная форма — 2 года 4 месяца; заочная форма — 2 года 4 месяца (бюджетные места)
Профильная направленность:	Адвокат и адвокатская деятельность; Корпоративный юрист; Нотариус и нотариальная деятельность; Правовое сопровождение сделок с недвижимостью; Юридическая конфликтология и медиация; Юрист в сфере противодействия преступности

АСПИРАНТУРА

Программы подготовки научных и научно-педагогических кадров	очная форма — 3 года
Научная специальность:	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Высшие курсы повышения квалификации адвокатов Российской Федерации
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов Российской Федерации
Курсы по подготовке претендентов на приобретение статуса адвоката
Институт судебного представительства
Институт медиации

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Адрес: 105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1
Проезд: ст. м. «Курская», «Чкаловская» (10 минут пешком)
Тел. +7-495-917-24-78, +7-495-916-16-04, факс +7-495-917-30-67. Адрес сайта: www.raa.ru, e-mail: pkraan@yandex.ru

Ежедневно принимаются заявки от членов адвокатских и нотариальных палат, представителей причастных к адвокатуре и нотариату профессий на прохождение обучения на Высших курсах повышения квалификации адвокатов и нотариусов.
Слушатели курсов обеспечиваются учебной и методической литературой.

Начальник Учебно-методического отдела — Ю.Н. Богданова, тел.: +7-495-917-05-83.
Ответственный секретарь приемной комиссии — В.М. Катраева, тел.: +7-495-917-24-78.
Высшие курсы повышения квалификации адвокатов РФ — С.И. Володина, тел.: +7-495-916-13-64.
Высшие курсы повышения квалификации нотариусов РФ — Н.Н. Тощкий, тел.: +7-495-917-36-80.
Институт судебных представителей — Ю.Ю. Федотова, тел.: +7-495-917-53-91, +7-909-697-58-41.
Институт медиации — Е.Н. Сенина, тел.: +7-909-218-07-97.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда призванных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

Президент – Мирзоев Гасан Борисович;

Первый вице-президент – Неборский Михаил Юрьевич;

Вице-президенты: Губенков Сергей Юрьевич, Гурованидис Георгий Тамазович, Иоффе Михаил Леонидович.

Адрес:

Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

Приемная президента:

Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;

Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro